

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Информационный сборник
Выпуск № 18*

Москва
2012

Министерство культуры Российской Федерации

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Информационный сборник
Выпуск № 18*

Издание осуществляется с 1995 года

Москва 2012

ББК 79
УДК 719
Н 31

Научный редактор: *П.М. Шульгин*

Коллектив авторов: *А.Л. Александровский, И.Б. Барышев, Ю.А. Веденин, И.В. Волков, С.В. Гусев, А.И. Ельчанинов, А.В. Загорулько, И.Г. Иванова, В.Н. Калущков, М.Е. Кулешова, В.Г. Леонтьев, О.В. Лопан, И.М. Минеева, Ю.И. Ожередов, С.В. Трояновский, С.Э. Чернов, О.Е. Штеле, П.М. Шульгин*

Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 18. — М.: Институт Наследия, 2012. — 208 с. ISBN 978-5-86443-178-8

Очередной выпуск из серии сборников «Наследие и современность» посвящен проблемам изучения и сохранения археологического наследия. Рассматриваются методологические вопросы соотношения археологического наследия и культурного ландшафта, история и практика развития системы археологических музеев-заповедников в России как наиболее действенного метода сохранения археологического наследия.

На основе научно-исследовательских работ Института Наследия продемонстрированы подходы к изучению и сохранению археологических памятников в традиционном культурном ландшафте, в том числе на примере таких выдающихся объектов, как связанное со 1150-летием зарождения российской государственности Рюриково Городище в Новгородской области, а также Древний Радонеж в Московской области, где прошли годы отрочества и юности Преподобного Сергия Радонежского. Дано описание работ по картографированию археологического наследия в Национальном атласе России.

ISBN 978-5-86443-178-8

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2012

МЕСТО АРХЕОЛОГИИ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ

Многие люди, занимающиеся изучением и охраной памятников истории и культуры, пытаются ответить на вопросы, каково место наследия в современном, весьма динамичном и быстро меняющимся мире, можно ли сохранить наследие как целостное и комплексное образование и возможен ли компромисс между охраной наследия и инновационными процессами? Сегодня все признают высокую значимость наследия. Вместе с тем большая часть этих признаний остаётся на уровне деклараций. Мы слышим выступления чиновников самого высокого ранга о том, как важно сохранять наследие, что это главное богатство нашей страны и как много делается для его сохранения. Однако в реальной жизни многие государственные чиновники, градоначальники и главы местных администраций, бизнесмены относятся к наследию как к помехе, которая мешает решать важные для страны задачи, тормозит наше поступательное движение в сторону прогресса, не позволяет решать актуальные задачи, направленные на улучшение условий жизни населения.

В особенно сложном положении находится археологическое наследие. Эта сложность обусловлена многими факторами. Некоторые из них лежат за пределами археологии как научной дисциплины. По мнению отдельных людей, ответственных за сохранение наследия, археологических памятников слишком много, поэтому ставить вопрос об их повсеместной охране бессмысленно и не реально.

Во-вторых, большая часть этого наследия всё ещё не известна исследователям, поскольку огромная территория России никогда не обследовалась целиком. Часто объекты археологического наследия становились известными случайно, благодаря неожиданным находкам, сделанным людьми, отнюдь не всегда связанными с археологической наукой. Особенно часто это происходит в процессе строительства, ведения сельского

хозяйства и т.д. И что самое неприятное для хозяйственников — эти находки появляются в самое неожиданное время и на самом неожиданном месте, причём чаще всего в городах, на плотно заселённых и хозяйственно освоенных территориях.

Третья проблема связана с вовлечением археологического наследия в сферу туризма. В отличие от памятников архитектуры и мемориальных объектов, бóльшая часть археологических памятников сложна для экспонирования. Поэтому археологическое наследие представлено, прежде всего, в виде предметов, найденных во время раскопок и размещённых в музейных экспозициях.

Как известно, основным методом изучения в археологической науке всегда были раскопки. А что такое раскопки с позиций охраны культурного наследия? Очень многие специалисты в этой области рассматривают её как деятельность, направленную на сохранение памятников археологии, к которым они относят, прежде всего, найденные артефакты. Другие считают, что археологические раскопки ведут к уничтожению археологических памятников, поскольку в результате этих действий большинство объектов археологического наследия (а это в соответствии с законом недвижимые памятники) исчезают и от них остаются (в лучшем случае) научные описания и артефакты. Что же делать? Ведь в настоящее время в нашей стране, как, впрочем, и во всём мире, проводятся масштабные работы, связанные с новым строительством, прокладкой трубопроводов, созданием водохранилищ и каналов. В результате этих работ нередко открываются места залегания удивительных предметов материальной культуры народов, живших когда-то на этой территории. Одновременно в процессе этих работ происходит разрушение культурного слоя, уничтожаются многочисленные артефакты, рассказывающие об истории формирования национального ландшафта, о среде обитания человека, жившего здесь в предшествующие эпохи. Поэтому естественно, что многие учёные обеспокоены тем, что наука теряет возможность не только спасти, но и даже зафиксировать сооружения и предметы — важнейшие свидетельства истории национальной и мировой культуры. Именно это беспокойство и определило появление охранной археологии. Впоследствии она развилась в новостроечную археологию — самостоятельное направление археологической науки.

Первые работы в области охранной археологии относятся к концу XIX—началу XX века. Однако настоящий бум такого рода работ в нашей стране начался в 30—60-е годы двадцатого века, что было связано, в первую очередь, с реализацией планов по индустриальному развитию страны, с сооружением гигантских гидроэлектростанций, водохранилищ, каналов, железнодорожных магистралей, трубопроводов и т.д. Выделение средств на проведение специальных работ по изучению и спасению археологического наследия, появление законодательных и нормативных актов, определивших отношение государства к этой проблеме, — всё это было явно позитивным фактором, свидетельствующим о новом отношении общества к наследию. Однако с самого начала развития новостроечной археологии представление археологов и специалистов, связанных с охраной археологического наследия, о том, что же является объектом археологического наследия, было весьма и весьма неоднозначным.

Это можно видеть хотя бы на примере Постановления ВЦИК и СНК СССР от 1934 года, в котором содержится явное противоречие. С одной стороны, в нём утверждается, что главной задачей, которую должны решать археологи в процессе проведения новостроечных работ, — это физическое сохранение археологического наследия; с другой стороны, в этом же постановлении разрешается проведение раскопок, которые рассматриваются как один из важнейших способов сохранения археологического памятника. Итак, возникает вопрос, можно ли при помощи раскопок сохранить памятник археологии? Судя по данному Постановлению, ответ на этот вопрос должен быть позитивным. Но ведь сохранить всё это можно только при условии музеефикации раскопанного памятника. К сожалению, это может быть реализовано только в исключительных случаях, чаще всего не связанных с новостроечными работами. Второй, самый распространённый вариант: памятник уничтожается и сохраняются лишь артефакты, найденные в процессе раскопок. В ряде случаев сохраняется виртуальная модель памятника, что позволяет использовать этот объект как источник научной информации.

Совершенно очевидно, что необходимо коренным образом менять ситуацию, сложившуюся в новостроечной археологии. Положение археологов, которые фактически осуществляют зачистку территории и выступают в

роли участников подготовки площадки для нового строительства, должно быть коренным образом изменено. Ведь ни у кого не возникает желания провести трассу нового трубопровода через историческую жилую застройку. Вместе с тем в той же жилой застройке археологи почти постоянно участвуют в подготовке площадки для нового строительства, освобождают её от памятников и таким образом вместе со строителями разрушают их.

Особенно сложные проблемы возникают на территории древних исторических городов, таких как Великий Новгород, Псков, Владимир, Москва и т.д. Конечно, в этих городах невозможно сохранить весь культурный слой, хотя он и представляет огромную научную ценность. Но необходимо сделать всё возможное для максимального сохранения наиболее ценных участков культурного слоя, отдельных археологических памятников. Исторический город — это не только архитектурные памятники и ансамбли, не только панорамы и пейзажи; это ещё замечательные археологические памятники, которые не должны быть сведены только к найденным во время раскопок артефактам, часть из которых будет помещена в застеклённые витрины. История города, других поселений должна быть представлена во всей своей полноте. Отсюда вытекает необходимость сохранения археологического ландшафта, представления его публике как в горизонтальной, так и вертикальной проекции. Во многих городах мира, в том числе и в Москве, открыты археологические музеи, которые рассказывают об истории древнего города с первых шагов его зарождения, с глубин первых культурных слоёв памятника. Именно они позволяют современному человеку познакомиться с древностями в их первоначальном значении.

Но, к сожалению, современные технические и финансовые возможности государства, бизнеса, науки не позволяют решать эту проблему должным образом и в должном масштабе. Очевидно, что в будущем появятся новые методы изучения культурного слоя, не ведущие к его уничтожению. Для современных археологов, стремящихся к познанию исторических процессов, происходивших на нашей земле, наиболее понятна логика раскопок, поскольку это даёт возможность получить научную информацию, найти интересные артефакты. Поэтому археологи с большим энтузиазмом участвуют в новостроечной археологии. К сожалению, сама специфика ново-

го строительства, желание как можно быстрее завершить сооружение нередко очень важных для страны объектов предполагают ускоренные темпы археологических работ. И часто времени, отводимого на археологические исследования, не достаточно для того, чтобы провести тщательные и полноценные раскопки. Приходится проводить эти работы при помощи большого числа рабочих, когда у учёных-археологов просто нет возможности проконтролировать работу привлекаемых для раскопок людей. Более того, возможны и многочисленные нарушения, поскольку велик соблазн отхватить часть больших денег, выделенных на эти работы, а постоянные требования заказчиков, нередко толкающих археологов на как можно более быструю передачу им нужного заключения, приводят к поверхностному обследованию культурного слоя.

Что же делать? Несомненно, что все рассуждения на эту тему ни в коей мере не смогут повлиять на развитие охранной археологии. Очевидно, что объемы этих работ, в том числе и раскопок, будут расширяться. Будет спасено множество ценных предметов, которые станут частью музейного фонда страны. Однако необходимо провести существенные корректировки в методах осуществления подобных работ. Одна из задач, которую необходимо решить, связана с усилением роли археологов в новом строительстве. В будущем они должны более существенно влиять на результаты проектных работ, на принимаемые при этом решения. Сейчас их роль, несмотря на ряд позитивных моментов, в целом сводится к подтверждению предлагаемых вариантов, принятие которых зависит в первую очередь от стоимости работ и от их функциональной целесообразности.

Второе условие связано со временем, отводимым на проведение археологических работ. Оно должно учитывать сроки, необходимые для проведения полноценных исследований, обусловленных прежде всего характеристикой культурного слоя и многообразием имеющихся на этой территории памятников.

Третье условие — порядок организации такого рода работ. Очень важно, чтобы все заказы на проведение работ, связанных с охранной археологией, осуществлялись при участии органов охраны федерального или регионального уровня. Необходимо исключить возможность того, чтобы заказчик при заключении договора с исполнителем сам утверждал состав и

содержание охранных мероприятий и тем самым влиял на ход и результаты этих работ.

Конечно, наиболее эффективной формой сохранения археологического наследия является *организация музеев-заповедников*. Именно на таких территориях появляется возможность музеефикации наиболее ценных участков культурного слоя, включение в музейные экспозиции раскопов и осуществление эффективной охраны археологических ландшафтов. В России таких музеев-заповедников очень немного и, очевидно, едва ли их можно увеличить до такой степени, чтобы сохранить даже самые ценные объекты археологического наследия. Необходимо расширить спектр территориальных образований, ориентированных на сохранение археологических памятников. Полагаю, что эту работу следует начать с формирования сети археологических заказников. Почему заказников?

Обратимся к опыту охраны природы. В природоохранной сфере именно заказники позволяют организовать защиту конкретных элементов ландшафта — определённых видов растений или животных, геологических объектов или водных источников и т.д. При этом имеется в виду введение на территории заказника определённых ограничительных режимов. Это возможно осуществить и без организации специальной дирекции.

Создание системы археологических заказников позволило бы сохранить не только культурный слой, но и археологический ландшафт. Очень важно и то, чтобы для археологических заказников была бы организована эффективная охрана, по аналогии с охраной природных заказников. Одновременно необходимо формирование специальной программы по включению таких территорий в Реестр объектов культурного наследия по номинации «достопримечательное место».

Мне кажется, что необходимо расширить представление о содержании охранной археологии, изменить отношение к т.н. охранным раскопкам как единственному и наиболее эффективному методу сохранения археологического наследия.

Существующие сегодня чрезвычайно непростые проблемы, связанные с сохранением культурного наследия, заставляют нас с особым вниманием относиться не только к законодательству, обеспечивающему охрану памятников истории и культуры, не только к деятельности органов власти, от-

ответственных за судьбу этих памятников, но и к людям, профессионально занимающимся наследием, его выявлением, изучением, охраной и реставрацией, — архитекторам, градостроителям, археологам, инженерам и т.д.

Как известно, археологи заняты изучением одного из самых значимых видов культурного наследия; именно их исследования позволили прочесть многие ранее не известные страницы мировой истории, восстановить ход формирования, развития и угасания мировых цивилизаций. Однако сегодня перед ними стоит и другая, не менее важная задача — охрана археологического наследия. Как известно, современное общество сталкивается с постоянно возрастающей угрозой деградации, а иногда и полного уничтожения памятников истории и культуры. Такого рода проблема актуальна для всей страны, для всех её регионов. Это касается и столичных или крупнейших городов России, где ведётся интенсивное новое строительство, и маленьких городов, и сельских местностей, где почти ежедневно исчезают бесхозные старинные дворянские усадьбы или заброшенные церковные здания. Особенно опасная ситуация сложилась вокруг археологического наследия, которое оказалось в наиболее сложном положении. Чем же можно это объяснить? Во многом это связано с самой природой археологического наследия. Для общества более понятна необходимость сохранения архитектурных памятников, исторических сооружений, уникальных инженерных конструкций. О них все знают, и их судьба нередко становится актуальной проблемой для многих людей, живущих рядом с этим местом. Можно привести не очень многочисленные, но всё же достаточно убедительные примеры, показывающие, как люди, болеющие за судьбу своего культурного наследия, не позволили снести архитектурные памятники, заставили отцов города принять решение об использовании новых, щадящих по отношению к наследию технологий при прокладке транспортных магистралей, что позволило не разрушать историческую застройку.

Ещё более заметно проявляется влияние экологов, нередко побеждающих проектировщиков в споре о строительстве новых дорог, гидротехнических систем и трубопроводов. На памяти у многих решение президента о переносе трассы нефтепровода, что было вызвано обращениями экологов, обеспокоенных судьбой Байкала — этого уникального озера, являющегося объектом Всемирного наследия. К сожалению, примеры, касающиеся уча-

ствия археологов в изменении планов нового строительства в исторических городах, того, что они смогли воспрепятствовать точечной застройке, изменить конфигурацию трассы нефтепровода или газопровода, чрезвычайно редки. Я могу привести только один пример — отказ от планов строительства нового водохранилища в Челябинской области, которое могло бы затопить Аркаим — известный в России комплекс памятников археологии. В большинстве же мест, будь то исторический город или сельская местность, археологам отводится лишь роль ликвидаторов. При этом в результате проведения ими так называемых охранных раскопок сохраняется только движимая часть археологического наследия. Сам же памятник чаще всего уничтожается. Таким образом, в процессе охранных раскопок осуществляется «зачистка» территории, освобождение её от уже поставленных на охрану или вновь выявленных памятников. В результате таких работ у современных учёных-археологов уже выработалась привычка не сопротивляться катастрофическим для судьбы наследия действиям, которые ведут к его фактическому уничтожению. А это позволяет многим чиновникам и «браткам» от бизнеса вольготно чувствовать себя в самых уникальных с точки зрения их историко-культурной значимости местах.

Сегодня следует помнить и о том, что люди, работающие в сфере изучения и сохранения наследия, будь то памятник архитектуры, археологии или садово-паркового искусства, должны использовать все имеющиеся у них возможности, чтобы сохранить всё многообразие культурного и природного наследия. Именно с этих позиций необходимо оценивать эффективность деятельности управленцев и учёных.

Возвращаясь к археологии, следует иметь в виду, что в руках учёных-археологов очень часто лежит ключ к решению проблемы сохранения ценных в историко-культурном и природном отношении территорий. Нередко именно доводы археологов позволяют ограничить аппетит власть имущих или «новых русских» в захвате и застройке мест, которые в будущем могли бы стать заповедными территориями, музеями-заповедниками, национальными парками.

Приведём только один пример, напрямую связанный с попыткой общественности и учёных создать новый ландшафтно-археологический и мемориальный музей-заповедник «Дунино».

В результате археологических работ, осуществлённых в 1996 г., было установлено, что Дунинский археологический комплекс по числу памятников археологии и по площади когда-то плотно заселённой территории заметно выделяется среди других археологических комплексов раннего железного века Подмосковья. Кроме того, здесь сохранился уникальный реликтовый палеокультурный ландшафт, характерный для древнейшего этапа освоения Подмосковья. Этот ландшафт был сформирован в результате деятельности людей, представителей многих этносов, живших в этом месте на протяжении многих веков — от угро-финнов в I тыс. до н.э., балтов в I тыс. н.э. до славян в X—XIII вв. В XX в. эта территория оказалась связанной с жизнью и творчеством замечательного русского писателя М.М. Пришвина. Центром этого ландшафта является дом-музей Пришвина. Здесь же расположен уникальный лесной массив, имеющий несомненную ценность в научном и экологическом отношении. Следует заметить, что это единственный в тех местах пока ещё не застроенный кусок берега Москвы-реки, поскольку вся остальная территория уже заполнена безобразными и вычурными коттеджами, окружёнными, как правило, 3—4-метровыми заборами. Казалось бы, территория, примыкающая к дому-музею Пришвина, обладает множеством достоинств, которые могли бы обеспечить её сохранность. Но в данном случае особую важность приобретает тот факт, что здесь расположен уникальный ландшафтно-археологический комплекс, который, будучи приравненным по своему статусу к объекту наследия федерального значения, имеет самую высокую степень защиты.

Специалисты Российского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, разработавшие программу создания музея-заповедника «Дунино», предложили систему единой комплексной охраны археологических памятников, древних хозяйственных угодий, палеоландшафтов, современной культурной и природной среды.

Однако этим планам до сих пор не удаётся сбыться. Дунинский ландшафт оказался чрезвычайно привлекательным для многих людей, обладающих властью и деньгами. В 2007 г. потенциальные застройщики, пытаясь обеспечить для себя свободу действий по застройке этой территории, пригласили археологов, которые предложили провести здесь «полное археологическое исследование (раскопки)». Но подобное предложение фактически

ведёт к полному уничтожению археологического памятника как объекта культурного наследия и открывает зелёный свет для застройки этой территории. Более того, такой подход ставит крест на самой возможности создания комплексного музея-заповедника.

При этом игнорируется целостность и подлинность Дунинского ландшафтно-археологического комплекса, его состав комплекса, необычная топография и особая живописность местности. С чем это связано? Я предполагаю, что это продиктовано тем стереотипом, который сложился у археологов при проведении охранно-спасательных работ в зонах индустриального строительства.

Нежелание решать более крупные задачи, связанные с сохранением наследия, сосредоточение внимания исследователей на узких профессиональных вопросах, ограниченных сферой своего научного или какого-либо другого интереса характерны не только для археологов, но и для многих других специалистов — учёных, проектировщиков, инженеров, так или иначе связанных с охраной наследия. К сожалению, мы привыкли обвинять в большинстве наших проблем представителей власти, бизнеса, криминала. И это справедливо, поскольку именно они принимают окончательное решение о судьбе наследия. Однако нельзя недооценивать роль профессионалов, поскольку от их солидарности и гражданской позиции нередко зависит сама возможность сохранения памятника. В настоящее время мы сталкиваемся с тем, что именно профессионалы дают «добро» на фактическое уничтожение памятника. Мы привели пример с археологией. Но, к сожалению, то же самое можно сказать и в связи с деятельностью градостроителей, имеющих непосредственное отношение к застройке ценных в историко-культурном отношении территорий, архитекторов, занимающихся реконструкцией строений, обладающих статусом памятника.

Я думаю, что необходимо повысить степень ответственности и солидарности археологов, архитекторов, градостроителей, экологов, всех людей, работающих в сфере сохранения наследия. И только тогда мы сможем эффективно бороться и защитить наше наследие, сохранить его для наших потомков.

С.В. ГУСЕВ,
А.В. ЗАГОРУЛЬКО,
И.М. МИНЕЕВА,
Ю.И. ОЖЕРЕДОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МУЗЕИ-ЗАПОВЕДНИКИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Современный мир все чаще сталкивается с проблемой поиска способов сохранения и рационального использования историко-культурного наследия. Это особенно сложно, когда речь идет об археологических памятниках. В рамках решения данной проблемы появляются разные предложения, но все большую популярность приобретает создание археологических музеев-заповедников. Показательно, что данная тенденция не локализуется в отдельных странах, обладающих мощными интеллектуальными, экономическими и другими ресурсами, а приобретает общемировой масштаб. Подтверждением тому стал целый ряд археологических музеев-заповедников по всему миру — Стоунхендж, Альтамира в Европе, пустыня Небраска в Северной Америке, Ла-Вента в Южной Америке, Тассили, Карфаген в Африке и другие.

В России в последние десятилетия также наблюдается устойчивое стремление к расширению перечня археологических музеев-заповедников. Но реально музеефицированных объектов в масштабах страны пока не много: по данным на 2006 г., в Российской Федерации существовали 103 музея-заповедника и 41 музей-усадьба. При этом география их распространения показывает абсолютное лидерство центральных районов страны и весьма низкие показатели для Сибири и Дальнего Востока.

Координирующим центром в разработке методики и проектов создания археологических музеев-заповедников в России выступил Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (далее — Институт Наследия). Творческой группой сотрудников института в 2000-х годах проводилась работа на таких объектах,

как Ирландия, Аркаим, Сунгирь, и ряде других объектов археологического наследия европейской части страны. В результате были выявлены проблемы и трудности, существующие в сфере музейного представления объектов археологического наследия, нашедшие отражение в научных публикациях (Гусев, Загорулько, Минеева, Ожередов, 2010; Гусев, Загорулько, Минеева, Ожередов, Ксенц, 2011).

Недоработки и просчеты, существующие в области музеефикации объектов археологического наследия, были выявлены в ходе специального опроса музейных организаций, непосредственного осмотра объектов. Полученные анкетные данные позволили очертить круг существующих проблем и наметить основные направления по устранению недостатков и выработать стратегию и тактику музеефикации объектов, расположенных в естественной среде под открытым небом. В отношении территорий Сибири и Дальнего Востока аналогичная работа, за исключением «Томской писаницы» и «Казановки», проведена Центром независимых экспертиз Томского государственного университета в 2007–2009 гг. В последнем случае ответы по группе предложенных вопросов давали не музейные учреждения, а органы государственной охраны и использования объектов историко-культурного наследия регионов.

Информация, поступившая от музеев-заповедников в результате анкетирования, использована в данной работе. Недостающая и уточняющая информация о памятниках восточной части России была получена от сотрудников академических и вузовских научных центров Сибири, занятых в проектах, связанных с проблемами музеефикации историко-культурного наследия регионов Сибири. Авторы глубоко им признательны за бескорыстный труд и искреннюю заинтересованность. Таким образом, анализ этих источников позволил очертить основной круг проблем, возникающих на пути формирования и развития археологических музеев-заповедников. Условно они могут быть объединены в две группы:

- 1) организация и юридическое оформление музеев под открытым небом;
- 2) функционирование музеев-заповедников в условиях современной правовой, методической, научной, финансовой и материальной обеспеченности.

Как показывают полученные данные, в нашей стране практически отсутствуют современные методики музеефикации археологических объектов. Если для наземных сооружений могут быть применены методы архитекторов-реставраторов, то в отношении несохранившихся, не поддающихся реконструкции объектов археологии таких методов в России пока нет. В сфере презентации археологических материалов по-прежнему сохраняется метод музейных экспозиций, во многом эффективный, но недостаточный для демонстрации исходного природного и культурного контекста. Для устранения недочетов такого рода требуются новые проектировочные решения и нестандартные формы подачи материалов. Это относится и к другим аспектам музейной деятельности на открытых археологических объектах.

В основе создания музея-заповедника должна лежать концепция, научно обоснованная и адаптированная к особенностям конкретной территории. Концепция по сути и есть рычаг управления территорией, где сосредоточено археологическое наследие, его пространство во взаимодействии со временем.

Серьезным недостатком существующих проектов является отсутствие ландшафтного проектирования, представляющего не только важную эстетическую часть экспозиции, но и историко-природную составляющую заповедников. Вполне очевидно, что нельзя изымать археологические объекты из их естественного природного окружения, которое нередко исторически определяло выбор места, способ размещения и конструирования памятника его создателями.

Заметным стал методический и правовой разрыв между академической наукой и структурами охраны и использования памятников. В этом контексте в России совершенно не изучен и научно не разработан археологический туризм, вследствие чего крайне мало используется его потенциал, в том числе финансовый, способный послужить обустройству и поддержке археологических памятников, организации их охраны.

Негативно сказывается отсутствие адекватного законодательства и научно-методических рекомендаций по созданию и функционированию археологических музеев-заповедников в рамках единой системы туристского бизнеса. Слаборазвитая инфраструктура во многих регионах России, труд-

недоступность ряда территорий и расположенных на них объектов требуют интеграции таких музеев в систему туристических маршрутов конкретного региона и страны в целом. Одним из руководящих документов при проектировании транспортных и энергетических магистралей должна стать карта размещения музеев-заповедников и музеев под открытым небом.

По результатам анкетирования выяснилось, что в конце XX—начале XXI в. музеи-заповедники столкнулись с новой проблемой — наличия частных земельных владений на территориях, занимаемых памятниками археологии. Отсутствие возможностей ее решения в отдельных случаях ставит под сомнение возможность организации и функционирования археологических музеев-заповедников.

В ходе подготовки настоящей статьи стало очевидным, насколько важны сегодня аккумуляция и обобщение материалов о состоянии дел в области музеефикации в стране в целом и о музеефицированных памятниках археологии в частности. Недостаток информации порождает ошибочные суждения, которые отражаются в публикациях, в том числе учебно-методического характера.

Намеренное разделение объектов по историко-хронологическому принципу при организации музеев-заповедников не всегда оправдано, так как древние и традиционные комплексы в силу исторических причин бывают одинаково тесно слиты как в духовном, так и в физическом выражении. А их разделение порою происходит из-за доминирования той или иной научно организующей стороны — археологии или этнографии.

Учитывая особенности такого рода, настоящая статья включает сведения о музеефикации не только археологических, но и памятников традиционной культуры народов, особенно когда это касается удаленных территорий Европейского Севера, а также Сибири и Дальнего Востока.

Музеефикация памятников археологии является одним из способов их сохранения и использования. Музеефикация вошла в практику деятельности многих зарубежных музеев-заповедников. Большое место в их работе занимают вопросы музеефикации и популяризации памятников, сохраняющихся в условиях разных типов музеев под открытым небом (*in situ*): археологических парков, экомузеев, историко-культурных центров и заповедников. Как правило, именно им отводится роль научных и культурных

центров по сохранению, изучению и восстановлению памятников культуры определенного региона. Зарубежными специалистами накоплен значительный опыт музеефикации памятников самых разных типов — археологических, этнографических, архитектурных, памятников природы.

Археологические памятники не всегда являются идейной доминантой музея под открытым небом. Часто они входят в него в качестве объекта второго плана, дополняющего этнографический или архитектурный контекст музейного учреждения, поэтому вопросы их музеефикации решаются в рамках комплексного подхода, но с учетом археологической специфики.

Потребность в выработке комплексных подходов для музеев смешанного типа была обоснована и внедрена в практику родоначальниками европейских музеев под открытым небом, а с приходом такого рода учреждений на российскую почву принята и здесь. Затрагивая тему археологических музеев под открытым небом, неизбежно приходится рассматривать общие проблемы пленэрных музеев разного типа, то есть говорить о более широком явлении, нежели сугубо археологический музей. В связи с этим в качестве примеров авторы иногда приводят музеи смешанного типа, в том числе не имеющие пока археологического обременения. Приобретение археологических памятников музеем-заповедником вполне допустимо как естественным путем их выявления при специальном обследовании территории, так и в ходе искусственной ее «археологизации» — доставки на нее оригинальных археологических объектов (изваяний, надмогильных сооружений и других памятников) или копийных новоделных археологических объектов.

Впервые идея презентации археологических памятников *in situ* возникла в эпоху Возрождения в Италии. Возросший интерес к античному наследию, в том числе и к архитектуре, которая была представлена в большинстве случаев руинированными сооружениями, способствовал организации археологических раскопок и сохранению памятников археологии в виде специфических музеев под открытым небом. При этом памятники античного зодчества осмыслялись как древие наряду с другими находками античного времени (Сотникова, 2004. С. 48). В таком виде недвижимые памятники археологии выступали как неотъемлемая часть архитектурного облика города. Раскопки предпринимались с целью обнаружения новых зданий и дальнейшего включения их в общий архитектурный ансамбль древнего города. Таким об-

разом, участки с археологическими памятниками представлялись как часть уже сформированной городской среды, которая несет исторически сложившуюся смысловую нагрузку.

Идея так называемых средовых музеев, воспроизводящих на ограниченном пространстве образ жизни того или иного этнического сообщества, напрямую связана с этноформлением промышленных выставок и устройством модных колониальных музеев в XIX в. Такие экспозиции носили в основном этнографический характер. Со временем растущее желание расширить размеры экспозиции привело к переносу музея из помещения под открытое небо.

Идея музеев под открытым небом зародилась в Норвегии в середине XIX в. А первый такого рода музей возник в 1891 г. на окраине Стокгольма в шведском парке «Скансен» по инициативе ученого-этнолога Артура Газелиуса (Хаселиуса). Здесь на нескольких гектарах земли были представлены сельские дома и другие исторические постройки, привезенные из разных районов Скандинавии. Название места размещения первого музея такого рода послужило наименованием нового типа музеев — «скансенов». Первоначально музеи под открытым небом формировались на основе идеи сохранения сельской традиционной крестьянской культуры, которая в конце XIX — начале XX в. начала быстро исчезать в странах Европы. По замыслу А. Газелиуса, объединение в единое целое на музейном пространстве традиционных сельских построек, рельефа окружающей местности, а также ее привычной флоры и фауны должно было запечатлеть условия повседневной жизни людей патриархально-аграрного общества прежних времен.

Так начала формироваться гениальная идея сохранения и показа музейными средствами не только отдельных памятников, но и целых комплексов, а также функциональных связей между разнотипными объектами и окружающей природной средой. Первоначально воплощение нового музейного представления нашло место при создании этнографических музеев под открытым небом; в 1914 году в странах преимущественно Северной Европы их насчитывалось 104 (Чайковский, 1991. С. 10–26; Ивановская, 2002. С. 55; Юренева, 2003. С. 209–211; Хадсон, 2001. С. 109–111).

Из Европы мода на такие музеи достаточно быстро распространилась по всему миру. Они стали развиваться по трем основным типам, каждый

из которых по-своему решал задачу сохранения памятников историко-культурного наследия в окружающей среде. Первый из них составили уже известные скансены, собрания которых формировались в специально отведенном месте из объектов, доставленных со стороны. За основу второго типа музеев принимались памятники, располагающиеся на месте их первоначального нахождения. Это так называемые музеи *in situ*. Третий тип по содержанию синкретический, включающий как местные, так и привозные памятники (Чайковский, 1991. С. 11). Именно по второму и третьему типам стали развиваться в последующем археологические музеи-заповедники, так как археологические памятники демонстрируются преимущественно на месте их обнаружения и исследования.

Таким образом, на протяжении более чем столетия создавался тип музея, который предполагает сохранение и музеефикацию памятников, расположенных в условиях естественной природной среды. В западных странах уже на раннем этапе этого процесса появилось достаточно обширное типологическое разнообразие подобного рода музейных учреждений, возникших в условиях исторически сложившейся культурной среды. Помимо археологических памятников они могут представлять этнографические и промышленные объекты, памятники местных технологий, кустарной сельской индустрии и архитектуры, обрядовой практики и фольклора. В том же ряду располагаются объекты, посвященные, например, истории местного транспорта (гузевого, железнодорожного или водного).

По одной из классификаций, возникшей во второй половине XX в. в нашей стране, описанный тип музея относится к разряду «историко-природных парков» (Галкина, 1982. С. 49). Другие исследователи, в основном западные, характеризуют данную форму музеефикации в качестве музея под открытым небом — *in situ*. В одном из специальных отчетов Международного совета музеев в 1982 г. данная группа музеев была определена как «сайт-музеи». «Сайт-музей, — говорится в этом документе, — это музей, разработанный и учрежденный с целью защиты природного или культурного достояния, движимого и недвижимого, на его исконном месте, то есть там, где это достояние было создано или обнаружено» (Хадсон, 2001. С. 128). В соответствии с этой классификацией выделяются четыре типа сайт-музеев:

1. Экологический — «музей, существующий в природной среде, которая, насколько можно судить, не подвергалась изменениям, связанным с вмешательством человека».

2. Этнографический — «музей, расположенный на месте нынешнего или бывшего обитания людей и иллюстрирующий обычаи, образ жизни и традиции данного человеческого сообщества». Сюда же могут быть отнесены музеи, включающие так называемое индустриальное наследие.

3. Исторический — «музей, находящийся там, где в прошлом имело место событие, важное для истории данного сообщества». Сюда могут быть отнесены поля сражений, крепости, дома известных людей и прочие мемориальные объекты.

4. Археологический — «музей, устроенный на местах раскопок».

В 1970-х гг. по заданию ЮНЕСКО известный британский музейолог Кеннет Хадсон предпринял поездку по многим странам мира с целью анализа новых идей в музейном мире. По его оценкам, примерно 20 % из 2 200 музеев на Британских островах на тот момент могли считаться сайт-музеями того или иного типа, и эта доля с тех пор постоянно возрастает. Происхождение музеев таких типов во всем мире связано, по мнению исследователя, со средневековой практикой поклонения святым местам и мощам мучеников. «Секуляризация паломничества как раз и дала начало традиции посещения исторических мест и домов знаменитых людей, да и вообще туризму в нынешнем понимании» (Хадсон, 2001. С. 130).

Идея создания сайт-музеев была активно воспринята в Соединенных Штатах Америки. При этом основное внимание здесь было уделено созданию такой разновидности музеев, которые предполагают сохранение памятника на месте его постройки или обнаружения. Во многом это обусловлено доступностью объектов, обеспеченной широко разветвленной сетью автомобильных дорог: американцы достаточно быстро убедились в том, что транспортировка туристов много дешевле, чем перевозка самих памятников, тем более на большие расстояния. Кроме того, локализация объектов прошлого эффективнее реализует обостренное чувство патриотизма и интереса к событиям американской истории XVIII—XIX вв., что в свою очередь позволило добиться довольно существенных государственных финансовых вливаний и частных пожертвований в сферу культурного туризма и созда-

ния сайт-музеев на местах. Как и многие европейские изобретения, этот тип музея превратился в Америке в источник коммерческого успеха. Примерами высокодоходной коммерциализации в данной отрасли могут послужить широко разрекламированные музейфицированные опорные пункты первопроходцев. Особенно хорошо известны такие объекты, как форт Саттер на реке Сакраменто, восстановленные и законсервированные Вильямсберг в Виргинии (XVIII в.), Форт-Росс в Калифорнии (XIX в.) и многие другие памятники.

Осмысление почти за столетие пройденного пути музейфикации памятников под открытым небом дало толчок для развития идей так называемой новой музеологии, в рамках которой дискутируются понятия «средового», «народного», или «общинного», «сельского» и «интегрированного» музея. В конечном счете дальнейшие идеи сохранения исторического наследия под открытым небом стали развиваться в странах Европы с середины XX в. в форме нового типа музейных учреждений — так называемых экомузеев. Эти музеи прежде всего ставили перед собой задачи сохранения и восстановления цельного комплекса историко-культурной и природной среды обитания человека, выступая в качестве своеобразных заповедников. При этом памятники не перемещались в специально отведенное место, как в скансенах XX столетия, а восстанавливались в естественной среде на исконном месте их возникновения. Особенностью этой формы музейной деятельности стало сращивание музея с местной жизнью, что позволило целиком адаптировать музей в природной и социальной среде отдельного микрорайона. В деле сохранения культурной и природной среды музеев и население стали выступать на правах равного партнерства, что и обеспечило популярность и успех экомузеев на местах. Сохранение через экомузеи этнокультурной и природной среды стало серьезным прорывом в социологизации музейного движения.

Наибольшее признание экомузеи получили во Франции, что соответствовало возникшим в 1960—1970-х гг. потребностям французов изучать и сохранять местную традиционную культуру и окружающую среду. Основателем нового направления музейной деятельности стал французский этнограф Жорж Анри Ривьер. Этноэкологический подход требовал интеграции самых разных научных дисциплин для осмысления взаимосвязей между природным окружением, экономическим и культурным уровнями развития

территории. При этом большая роль отводилась вовлечению в деятельность музея местных жителей, среди которых велась активная пропаганда. Осознавая множество выгод от таких музеев на местах, власти активно поддерживали экомузеи, формировавшиеся специалистами из местного населения, которых принимали на работу в качестве обслуживающего персонала. Кроме того, экомузеи привлекали в свои ряды многочисленных добровольцев — волонтеров (Юбер, 1985. С. 6).

Понятие «экомузей» было введено в 1971 г. французским ученым Югом де Варина, предложившим именовать таким образом некоторые этнографические музеи под открытым небом (от греч. «eikos» — дом, жилище, место обитания). Так в Европе появился музей, идеально моделирующий и аккумулирующий в себе представления о времени, пространстве и деятельности человека. В 1979 г. директор канадского экомузея и председатель регионального центра интерпретации «От-Бос» Пьер Мейран сформулировал три главные идеи своей концепции экомузея: консервация, сотрудничество и демонстрация материальных свидетельств (Мейран, 1985. С. 20; Ривар, 1985. С. 22).

Возникновение нового движения стало неким протестом против консервативного подхода старой музейной системы к решению вопросов этнокультурного, социального и политического развития против ее пассивности, сложной коммуникации, несостоятельности форм предлагаемого реформирования, отказа от экспериментов в музейном деле и участия в социальной жизни (Кимеев, 2008а. С. 7).

Во многих сельских районах Франции в этот период были созданы региональные природные парки: Мон д'Арре, Уэсан, Гранд-Ланд, Камарг, Нижняя Сена и другие. На их основе стали формироваться разнообразные экомузеи. В Гасконских Ландах был создан экомузей «Маркез», на территории которого восстановлены характерные сельские постройки с домашней утварью, сельскохозяйственным инвентарем и даже домашним скотом.

Устроители музея «Камарг» близ Арля акцент сделали на установлении баланса взаимоотношений между местными жителями и туристами, которые рассматриваются в качестве «гостей». В процессе тесного общения посетителей-гостей с сотрудниками музея и местными жителями происходит информационный и эмоциональный обмен, вступают в силу воспи-

тательные механизмы, что в свою очередь позволяет защищать и сохранять все богатство и своеобразие природного и культурного наследия региона. Археологическое наследие Камарга, наряду с его этнографическим, историческим, природно-экологическим, геологическим, языковым и агрокультурным потенциалом, представлено в трех больших разделах экспозиции под открытым небом (Хадсон, 2001. С. 142).

Активное включение местных жителей в проектирование экомuzeя и его повседневную работу, целостный взгляд на ресурсы региона, сочетающие в себе природную и культурную среду, отсутствие резкого разграничения между прошлым, настоящим и будущим, позволили значительно расширить понимание специфики музея под открытым небом. Кроме того, такой подход серьезно помог в деле решения задач комплексного сохранения культурного и природного наследия, интеграции его в современную окружающую среду.

Все подобные музеи Западной Европы и Америки в той или иной мере встали перед проблемой разработки теоретических и методологических основ музеефикации наследия своих районов или более крупных региональных подразделений. При этом музеефикация рассматривалась в двух основных направлениях: природного и культурного наследия территории в целом и каждого памятника в отдельности.

Во второй половине XX в. данная методологическая установка послужила толчком к развитию археологических музеев под открытым небом, а также тех музейных учреждений, которые имели в своем составе археологические объекты, — этнографических, ландшафтных, историко-краеведческих, индустриального наследия. Музеефикация памятника археологии стала предусматривать его максимально полное восстановление, нередко до состояния действующей модели, доведенной до привычного восприятия в качестве этнографического памятника. При этом широко использовались методы научного экспериментирования, реконструирования, моделирования, а также зрелищной интерактивной экспозиции, костюмированной театрализации событий древней истории.

Например, в Центре историко-археологических исследований в Лайре (Дания) посетителям предоставляется возможность получить достаточно полное и наглядное представление о прошлом страны через непосредствен-

ное личное участие в деятельности Центра. Здесь созданы школа, ткацкая и гончарная мастерские средневекового времени, ферма XIX в., поселение, воспроизводящее условия жизни в железном веке. Посетители знакомятся с прошлым в режиме реального в него погружения: они могут «поработать» на станках, «поспать» на постели из шкур, приготовить суп по рецептам железного века на открытом очаге и т.д. (Время жить... 1985. С. 2). По замыслу создателей в Центре музеефицированы технологические процессы древности и восстановлены условия жизни древних людей. То есть здесь для восприятия посетителей представлен «вторичный» продукт, переработанный учеными на основе многочисленных предварительных исследований. В данном случае музеефицируется не сам памятник как таковой, а историческая и природная среда.

Такие научно-образовательные музейные центры пользуются большой популярностью у туристов, которых привлекает возможность принять участие в оригинальных театрализованных представлениях. Однако некоторые исследователи воспринимают подобную педагогическую деятельность музеев с осторожностью, справедливо полагая, что «театральная» постановка может увести в сторону от подлинно научной, реальной основы (Минеева, 2004. С. 126).

В качестве примера своеобразного перерождения музея из научно-исследовательского центра в развлекательное шоу можно привести так называемые европейские археодромы — приватизированные частные музеи, которые извлекают прибыль от туризма в летнее время. С этой целью ими устраиваются целые шоу, яркие зрелища с костюмированными представлениями, на которых можно увидеть битвы англо-саксонцев или людей каменного века, иногда даже не выходя из автомашины, как, например, во Франции на южном направлении трассы «Париж—Марсель» (Ahrens, 1990. P. 38).

Иногда музеи идут на проведение подобных мероприятий с целью привлечения дополнительных спонсорских средств, необходимых для продолжения научных исследований.

Отдельного внимания заслуживает опыт частичной музеефикации археологических памятников. Например, на месте раскопок и случайных находок предметов «эпохи обретения родины» в центре Будапешта (Венгрия) в

1990-е гг. в стенах станций метро были смонтированы небольшие витрины-ниши с археологическими находками, а также с картами распространения археологических памятников и отдельных находок. Такое экспонирование особенно эффективно по причине того, что пассажиры, ожидающие поезд, находятся практически в исторической обстановке тысячелетней давности, существовавшей на данной территории до строительства метро.

Приобретается подобный опыт и в России, и «количество подобных точечных объектов неуклонно растет» (А.Г. Векслер, личное сообщение). Музеефицированные объекты средневековой архитектуры в Москве существуют не только на территории метро, но и являются «музееобразующими» факторами, как, например, это случилось на Охотном ряду, где после консервации сооружения XVI в. возник Музей истории Москвы. В определенной мере данный пример может распространяться на Музей в усадьбе XVII в. бояр Романовых в Зарядье, где во дворе на остатках гончарных печей сооружена подземная экспозиция, демонстрирующая объекты ремесленного производства, а в застекленных настенных нишах показаны предметы того же времени. И.М. Минеева вполне оправданно полагает, что такая частичная музеефикация создает необходимую среду, которая оказывает большое эмоциональное воздействие на наблюдателя, вызывает чувства патриотизма и уважения к предкам, имеет большое познавательное значение (Минеева, 2004. С. 127). Подобные объекты не составляют часть музеев-заповедников, а являются участками различного рода охранных зон в рамках мегаполиса и, несомненно, требуют специального исследования и осмысления, что выходит за рамки нашей работы. В этом же контексте открыт музейный комплекс «Гостинный двор» в Москве.

С 1978 г. начались работы по созданию крупнейшего в Германии Археологического музея под открытым небом в Эрлингхаузене (на основе небольшого музея с реконструкцией крестьянской усадьбы, построенной в 1936 г. и разрушенной пожаром в 1974 г.). Здесь была поставлена задача построить жилища всех периодов истории Германии, от позднего каменного века до «века каролингов». Под руководством археолога-архитектора Хельмута Лулля здесь были сооружены: летний шалаш палеолитического охотника на северного оленя, три мезолитические хижинки из хвороста, трапециевидное жилище россинской культуры эпохи неолита, бревенчатый дом

с амбарами бронзового века, мастерская эпохи раннего железа, несколько удачно реконструированных домов саксонского времени, место выплавки чугуна и кузница (Luley, 1990. P. 31–33).

Здесь также работает программа по реконструкции естественной окружающей среды, сопутствующей разным историческим периодам. Совместно с палеоботаником У. Виллердингом в Эрлингхаузене были проведены посадки пород, произраставших здесь в бронзовом веке, обустроены пашни с пшеницей и просом, луга с дикорастущими травами, а также огородные грядки с бобами, горохом, льном, сады с дикими плодовыми деревьями (вишней, рябиной, сливой). Целью этих работ являлась демонстрация изменений естественной среды и климата в течение тысячелетий, в том числе в результате жизнедеятельности людей (Platte, 1990. P. 149–157; Langer, Illig, 1990. P. 143–148).

Изучение естественной палеосреды позволило биологам воссоздать некоторые породы животных, обитавших здесь в древности. В частности, была выведена одна из реликтовых пород свиней XIV в., которая стала жить в смоделированном средневековом поселке и даже давать потомство. На некотором удалении от жилищ так же, как в далеком прошлом, пасутся домашние овцы и лошади (Platte, 1990. P. 158–165).

Исторические постройки этого музея создавались в качестве реконструкций по материалам археологических исследований. При этом учитывались отдельные детали жилищ (фундаментов, столбовых ямок, деревянных фрагментов и деталей интерьера), изученных в разных местах преимущественно рейнского бассейна Германии и Австрии. В основном использовался опыт уже действующих музеев под открытым небом, таких как музей-деревня Дюпсель (ФРГ), Фрайлихский музей Кверлингхауза (Австрия). Использовался также опыт музея-деревни Бискупин (Польша), музейного парка «Моесгард» в Ютландии, Историко-археологического исследовательского центра в Лейри (Дания), Центра исследований древностей Батс (Батсер-хилл) в Хемпшире (Великобритания) и др.

В процессе создания реконструкций на основе простого копирования сотрудники музея Эрлингхаузен столкнулись с необходимостью постановки и проведения научного эксперимента. После серии многолетних наблюдений за ходом создания и использования построек с 1987 г. музей регулярно

в августе—сентябре стал проводить открытые «дни экспериментальной археологии», которые стали играть ведущую роль при формировании концепции музея.

Результаты проведения подобных экспериментов широко обсуждаются в прессе и научных изданиях Германии, которая считается одной из ведущих стран Европы в области археологического экспериментирования, проводящегося здесь в рамках музейной деятельности по сохранению, изучению и пропаганде памятников древней культуры.

Следует отметить, что успеху немецких ученых предшествовал долгий путь археологического экспериментирования. Зародившись в конце XIX в., оно успешно развивалось в целом ряде музеев Европы на протяжении нескольких десятилетий, пока в 1922 г. не появилась новая современная форма археологического эксперимента. Началом ему послужили восстановленные в первоначальном виде поселения каменного и бронзового веков на берегах Боденского озера в Швейцарии. Этот музей является одним из самых первых и известных музейных центров археологического экспериментирования (Малинова, Малина, 1988. С. 14).

В музее-деревне Бискупин в Польше были восстановлены в первоначальном виде деревянные постройки городища, существовавшего приблизительно в 550 г. до н.э. Это стало возможным благодаря консервирующему действию озерных илов, которые сохранили нижние части деревянных построек и предметы органического происхождения. С 1936 г. польские археологи впервые начали исследовать в Бискупине разные хозяйственные процессы, известные еще в древности. Ими налаживается обработка дерева и кости, возделывание земли самостоятельно изготовленными орудиями, отливка бронзовых изделий, приготовление пищи в печах древних форм и даже проживание в реконструированных бискупинских домах (Там же. С. 15). В 1956 г. они впервые в мировой практике провели сожжение модели древнего дома, который содержал также и копии древних предметов хозяйственной деятельности. Процесс пожара снимался на киноплёнку, а пепелище затем было оставлено нетронутым для будущих археологов. Таким способом экспериментаторы предполагали археологизировать для будущих исследований следы, которые остаются на памятнике после его сожжения.

Развитие экспериментальной археологии в зарубежных музеях под открытым небом как одной из форм музеефикации наследия во многом обусловлено тесными связями археологической науки с другими историческими и естественно-научными дисциплинами: этнологией, антропологией, палеоботаникой, палеопочвоведением, палеозоологией, палеоэкологией и пр. Это позволяет выходить на уровень музеефикации также и естественной среды существования памятника — окружающего его ландшафта, флоры и фауны. В большей мере это обусловлено тем, что археологическая наука рассматривается многими зарубежными исследователями в качестве не гуманитарной, а естественнонаучной дисциплины.

Особое место среди археологических музеев под открытым небом занимают музеи, созданные на месте археологических раскопок. Такой опыт имеют преимущественно те страны, где сохранились античные памятники Средиземноморья и Причерноморья: Италия, Греция, Турция, Марокко, Тунис, а также Россия и др. Например, раскопки римского города Аугуста Раурика, Афинского акрополя в Греции, дворцов минойской цивилизации на острове Крит (дворец Закроса, г. Гурния, достигший расцвета к 1600 г. до н.э., г. Гортина греко-римской эпохи) и др. В этом же ряду находятся древности Египта, Междуречья, Индии, Китая и других стран Востока, имеющие памятники истории и культуры мирового значения (пирамиды, дворцы, мавзолеи, гробницы, храмы). Раскопанные и законсервированные руины таких объектов привлекают туристов своей подлинностью и первозданностью, прямой связью с древней историей. Посредованные способы передачи информации в виде реконструкций, моделирования или постановочных спектаклей и костюмированных действий в данном случае имеют второстепенное значение и служат лишь небольшой иллюстрацией к самому памятнику как первоисточнику знаний.

Необходимым дополнением к демонстрации такого объекта на месте его обнаружения и исследования остаются такие формы музейной работы, как прокладка туристических троп, экскурсионное сопровождение, установка информационных планшетов, обустройство смотровых площадок, благоустройство прилегающей территории, организация охраны и поддержание порядка.

Вместе с тем, например в Швеции, где музеефицирован значительный пласт историко-культурного наследия, имеются замечательные примеры

простейшей формы музеефикации, которые, по оценке А.И. Мартынова, при всей их незамысловатости создают необходимые условия для защиты объектов и комфортности для посетителей. Вся искусственно созданная инфраструктура отделена оградой из деревянных слег, обозначена тропинками, проложенными между объектами, предупреждающими и информирующими знаками, скамейками для отдыха, навесами от непогоды, указателями, в том числе извещающими о направлении и расстоянии до ближайших гостиниц (кемпингов), мест питания, медицинской помощи, телефона, автозаправок и других пунктов первой необходимости.

На крупных памятниках, где организованы музеи-парки, музеи погружения в «живую» среду, музеи-памятники (корабль «Густав Ваза»), существует более сложная форма организации. Но вне зависимости от формы и специфики всех их объединяет одна особенность — направленность к человеку, ориентация на нужды туризма и просветительства (Мартынов, 1999. С. 22–24).

Таким образом, зарубежные археологические музеи под открытым небом строят свою деятельность в области музеефикации в двух основных направлениях:

- 1) реконструкция с научно-экспериментальными целями;
- 2) открытие подлинных памятников с музейно-просветительскими и образовательными целями.

В первом случае экспонатами становятся процессы археологического экспериментирования и результаты проведенного эксперимента. Во втором — объектами музейного показа выступают здания, улицы и целые города в условиях открытого ландшафта и в естественных природных условиях. Каждый из музеев названных типов на разных этапах развития, исходя из своих основных целей, способен усиливать одно из типологически определяющих направлений деятельности или успешно их сочетать.

Музеефикация археологического наследия происходит путем активного включения памятников в современную социокультурную и экономическую среду региона, является результатом комплексного междисциплинарного исследования. Разнообразие приемов и методов организации работы музеев под открытым небом находится в прямой зависимости от характера и состояния самих объектов археологии, их места в системе всего культурного и природного наследия.

В России идея музеефикации аутентичных элементов древних и средневековых памятников наполнилась новым содержанием. Идеи организации музея на принципах заповедности и приоритетности работ по поддержанию сохранности наследия на специально выделенном участке земли привели к созданию историко-культурных музеев-заповедников. Именно такая форма музейной деятельности по отношению к недвижимому наследию достигла в России наибольшего развития.

Необходимо отметить, что специалисты по охране памятников в дореволюционной России пристально следили за процессами, происходившими в музейном деле Европы и Америки. Поэтому новые формы музеефикации под открытым небом, получившие широкую огласку в мире, не были оставлены ими без внимания и соответствующей оценки. Работа по созданию музеев типа скансенов в России развернулась уже в начале XX в. и имела большие перспективы. В стране, где черты традиционной патриархальной жизни сохранились в значительно большей степени, чем в европейских государствах и США, музеефикация могла бы обрести широчайший простор для деятельности. По некоторым данным, до 1914 г. было создано 20 музеев подобного типа. Однако мировые войны, а также революционные события и Гражданская война на десятилетия затормозили в России этот процесс и свели почти на нет все достижения в сфере музеефикации.

К первой советской попытке создания музея под открытым небом относят экспонирование в 1923 г. на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве ряда крестьянских построек, доставленных из девяти губерний европейской части страны. Показ осуществлялся с сохранением внешнего вида, интерьеров и предметов хозяйственного и бытового обихода. Полученный положительный опыт был использован в 1927 г. при создании скансена в с. Коломенское под Москвой, куда были свезены замечательные памятники народной архитектуры. На этом опыты в области музеефикации не прекратились. Однако в условиях невероятно идеологизированного музейного строительства первые начинания не принесли желаемого результата.

Весьма поучительным в этом отношении стал эксперимент Этнографического отдела Русского музея, сотрудники которого в 1931 г. разработали великолепный проект музея под открытым небом на территории создавае-

мого на Крестовском острове парка культуры и отдыха. Вместе с тем навязываемый партийными органами идеологический контекст, неприемлемый для разработчиков проекта, подразумевал не столько свойственную скансенам демонстрацию традиционной жизни, сколько пропаганду социалистического строя. В силу того, что большевистская идеология во многом была чужда музейным работникам старой закалки, проект начал «пробуксовывать» уже на ранней стадии. Возникшие идейные противоречия свели эту программу и к нулевому результату, а попытки вернуться к проекту в 1960-х гг. и в 1977 г. не имели успеха (Ивановская, 2002. С. 55–59).

Идея археологического музея под открытым небом в СССР постепенно реализовывалась, несмотря на многочисленные трудности. Одним из первых появился музей на уникальном по своей культурно-исторической значимости археологическом комплексе эпохи палеолита у с. Костёнки. После тщательного изучения конструктивных особенностей здесь было впервые реконструировано жилище кроманьонца. В основу реконструкции легли крупные кости, нижние челюсти и черепа мамонтов, а также опорные камни, раскопанные на этом месте в 1950-х гг. (Праслов, 1984. С. 117). В 1960-х гг. аналогичное жилище реконструировано в Белоруссии, где на берегу реки Судость археологами были вскрыты две палеолитические полуземлянки, выстроенные 22 000 лет тому назад из костных останков представителей мамонтовой фауны (Дому... 1967).

В послевоенные годы под эгиду музеев попали крупные сооружения промышленного, хозяйственного и бытового назначения. Из труднодоступной и малопосещаемой глубинки с мест исторического бытования были свезены крестьянские постройки жилого и хозяйственного назначения, ветряные мельницы и деревянные церкви, которые послужили основой для музеев под открытым небом. Так оказались спасенными многочисленные объекты прошлого, брошенные и постепенно разрушающиеся вдалеке от людских глаз. Оправданным в тот период считалось создание музеев на месте бывших промышленных объектов, завершивших свое существование в результате развития новых технологий. На солеварне в Пермской области (Соликамск) восстановили весь цикл варки соли, а на Урале и Алтае — цикл добычи железной руды (Газалова, 1999. С. 19). В некоторых местах, например при Сибирском отделении Академии наук СССР под Новоси-

бирском, к свезенным архитектурным (башня Казымского острога, Спасо-Преображенская церковь Зашиверского острога) и этнографическим мобильным памятникам добавились археологические объекты — петроглифические композиции с Амура, окуневские стелы из Хакасии, оленные камни из Забайкалья и Алтая, древнетюркские изваяния.

Необходимость приведения в соответствие с социалистическими установками формы и идейного содержания скансенов породило массу дискуссий в СССР в 1960—1970-х гг. В период идеологических послаблений появились первые отечественные методические разработки и научные исследования по проблемам создания музеев-скансенов и их новых разновидностей — экомузеев. В эти и последующие 1980—1990-е гг. в публикациях о широко уже известных музеях-заповедниках европейской части страны — «Кижи», «Коломенское», «Малые Корель», «Витославицы» и сибирских «Тальцы» (Байкал), «Томская писаница» (Кемеровская область) — появились попытки обобщения накопившегося к тому времени опыта музеефикации (Кимеев, 2008б. С. 7).

Необыкновенно перспективным продолжением идеи экомузеев стал «живой музей», отличающийся от своего предтечи широким внедрением в экспозиционную деятельность «живых» традиционных производств. Музеи с разной долей успеха, зависящего от уровня профессионального мастерства, занялись созданием старинных мельниц, пекарен, кузниц, ткацких и гончарных мастерских. В смоделированных на традиционном опыте производствах посетителям стали предоставлять возможность познакомиться с разнообразными ремесленными производствами. Таким путем человек получает новые навыки и понимание исторических корней современных технологий. Экспериментально-технологические подразделения музеев направили свою работу прежде всего на просвещение подрастающего поколения.

На азиатской территории России (в то время РСФСР) опыт создания музея типа скансенов известен в Томске, где в начале XX в. велась активная подготовительная работа по созданию этнографического музея под открытым небом на территории Лагерного сада — живописной окраины города с богатой археологической судьбой. Фактически предстояло создание музея на памятниках археологии, хронологически располагававшихся от палеолита до позднего средневековья. В 1911 г. по представлению группы обществен-

ных деятелей Томская городская дума вынесла постановление об учреждении в Томске «Сибирского областного научно-художественного музея» и ассигновала для первого этапа работ 50 000 руб. Созданный Комитет по учреждению музея разработал план, подобрал место и приступил к сбору экспонатов. Помимо собственно музея, который решено было строить на Воскресенской горе на месте первого Томского города 1604 года, приступили к подготовительным работам по созданию «музея под открытым небом» в пределах большого Лагерного сада на крутом обрыве берега р. Томи в конце Садовой улицы — Тимирязевский проспект (позже — проспект Ленина). Здесь предполагалось установить типовые и примечательные жилища коренных обитателей края с полным их бытовым наполнением — домашняя утварь, орудия труда, охоты, рыболовства. Однако хорошо начатому делу не суждено было осуществиться (Шатилов, 1927. С. 2–3) из-за событий двух войн и двух революций 1914–1920 гг.

В советское время Томским краеведческим музеем предпринималась еще одна (крайне неудачная) попытка создания такого музея в селе Коларово под Томском. После ряда лет активной деятельности музей организовать так и не удалось, и в результате все интеллектуальные, моральные и материальные приобретения были потеряны, а самое непростительное то, что погибли уникальные старообрядческие постройки, вывезенные для музея из таежного скита в бассейна р. Кеть. Дело же музеефикации не продвинулось ни на шаг. Причин тому можно перечислить много, включая концептуальные разногласия в среде устроителей. Но главная была, видимо, в отсутствии серьезного отношения к проекту со стороны властных структур, не увидевших в нем идеологически полезного вложения средств.

В 1950-х–1960-х гг. идея создания музеев под открытым небом витала практически по всей стране и безрезультатно. Так, например, она получила воплощение в Казахской ССР, где усилиями энтузиаста Д.П. Багаева, основателя и первого директора Павлодарского областного историко-краеведческого музея им. Г.Н. Потанина, была создана «дворовая» экспозиция при самом музее. Накопление экспонатов для музея под открытым небом началось уже в 1950-х гг. Экспозиция во дворе музея началась с установки археологических изваяний, надгробной плиты и каменного катка. Продолжением стало открытие этнографической части музея

под открытым небом, базой для которой, кроме «дворовой» экспозиции, послужили вещественные материалы, приобретенные в ходе многолетних этнографических экспедиций.

По данным на 2006 г., изложенным в официальных документах, в России действуют 103 музея-заповедника и 41 музей-усадьба (идентичное по характеру деятельности учреждение, но имеющее, как правило, небольшую территорию). В Законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории культуры) народов Российской Федерации» отмечено, что «почти половина субъектов Российской Федерации не имеет подобного рода учреждений. В 43 регионах России нет музеев-заповедников, а в 37 субъектах Федерации отсутствуют и музеи-заповедники, и музеи-усадьбы».

Подавляющее число музеев такого типа располагается в европейской части страны, в частности, в ее центрах — в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. На их долю приходится 24 % всех российских музеев-заповедников. Вместе с тем на территориально доминирующую восточную часть страны приходится менее 10 % музеев-заповедников: на громадных пространствах Сибири и Дальнего Востока на тот момент было зарегистрировано лишь 13 подобных учреждений (Государственная стратегия... 2006. С. 2, 4).

Сегодня в России имеется довольно значительный и разнообразный потенциал, связанный с ландшафтно-географическим своеобразием территорий и их многонациональным населением. Постоянно ухудшающееся состояние окружающей среды ставит под угрозу разрушения многие памятники истории и культуры. Особенно уязвимым звеном выступают руинированные или полностью археологизированные объекты, нередко выявляемые лишь в процессе хозяйственной деятельности. Восприятие их в естественном природном окружении вызывает затруднение у неподготовленных наблюдателей, каковыми является большинство жителей страны, часто ненамеренно разрушающих памятники прошлого.

Только создание заповедных территорий и приведение в действие методологически обоснованных программ музеефикации археологических памятников в рамках музеев-заповедников позволят приостановить процесс их разрушения и уничтожения. Кроме этого, они могут способствовать появлению нового импульса в развитии инфраструктуры региона, его научно-

образовательных, культурно-просветительских и социально-экономических составляющих, а также его общей инвестиционной привлекательности.

Анализ деятельности археологических музеев-заповедников России показал, что они традиционно, начиная с 1960-х—1970-х гг., ориентировали свою работу на простой открытый показ руинированных памятников с элементами их реконструкции — восстановленными участками с музейной экспозицией (Воскресенская, 1969). В принципе, данный способ имитировал зарубежный и дореволюционный опыт в самом простом его воплощении. Как и прежде, археологические заповедники с музеефицированными памятниками создавались в первую очередь на античных городищах Причерноморья — в Ольвии, Пантикапее, Херсонесе, Танаисе (Шелов, 1972). Так же были музеефицированы отдельные участки на территории средневековых исторических городов — Пскова, Нижнего Новгорода, Болгара, Биляра, Берестья (Лысенко, Иванова, 1989 и др.).

Программы музеефикации в данных случаях связывались в основном с музеефикацией архитектурно-археологических объектов, проведение которой имеет свою специфику, во многом связанную с решением проблем консервации каменных или деревянных остатков. Такие памятники уже имеют внешне выраженные репрезентативные формы, что во многом облегчает решение проблемы его восприятия. Исследователями, участвовавшими в создании таких музеефицированных объектов в тот период, было отмечено, что особой силой эмоционального и эстетического воздействия обладает руинированный памятник, сохранный на фоне природы (Айдаров, 1974. С. 35). Как характерная черта того времени наблюдалось стремление несколько унифицировать экспозиции, когда какой-то один пример музеефикации, признанный успешным, внедрялся и в ряде других музеев. Поэтому многие античные города-музеи становились похожими друг на друга как близнецы-братья. Тем не менее это позволило пройти этап становления отечественной школы консервации и реставрации и подготовило условия для дальнейшего практического решения проблемы музеефикации археологических объектов.

Большая работа по выявлению и музеефикации археологических объектов на территории исторического города была проведена в Москве. Наиболее показательными являются исследования уникального подземного комплекса «Охотный ряд» на Манежной площади, которые были прове-

дены в 1993–1996 гг. Здесь в ходе строительных работ был обнаружен, исследован и сохранен Воскресенский мост XVI–XVIII вв., а также еще более 130 архитектурно-археологических объектов и находок. В 1997 г. на основе проведенных работ по музеефикации этого исторического участка был создан Археологический музей г. Москвы, ставший в России первым музеем, организованным на месте археологического памятника.

Несмотря на позитивную роль в общем деле строительства музеефицированных археологических объектов, при его создании допущены досадные промахи, значительно снижающие научную добросовестность, а следовательно, и историческую достоверность. По оценкам специалистов, при разработке проекта музеефикации этого объекта не были учтены некоторые особенности его целостного и адекватного восприятия посетителями. Так, подлинные остатки моста зрительно теряются, сливаются с реконструированными частями, стилизованными «под старину», а использование кирпича как основы для реконструкции элементов моста создает неправильное представление, что мост был кирпичным, а не каменным. При этом в восприятии доминирует кирпичная арка — элемент, добавленный реставраторами и никогда не существовавший на данном мосту. Кроме того, обзору представлен лишь один край моста, и у посетителей не создается полного впечатления о раскопанном памятнике (Медведь, 1998). Такие существенные упущения во многом связаны с недоработанностью вопросов комплексности исследований и алгоритмов сотрудничества музееологов с археологами и реставраторами.

Археологические объекты занимают особое место среди памятников культуры и требуют специфических форм музейной деятельности. Некоторые исследователи вообще считают, что археологический памятник существует только до его научного исследования, в процессе которого сам памятник уничтожается (Чинова, 2002). Для специалиста-археолога совершенно очевидным является не только удовлетворение своего научного интереса (влекущего за собой уничтожение памятника), но и обязательное сохранение его нетронутых элементов для последующих поколений исследователей и общественности. Следует признать абсолютно недопустимой такую ситуацию, которая бы действительно привела к уничтожению памятника на этапе его научного исследования (кроме особо оговоренных случаев). Таким образом, сохранение археологического объекта в природной

среде традиционно считается одной из задач научного исследования, так как в противном случае последующее музеефицирование возможно только с использованием новоделов.

В настоящее время выдвигаются следующие основные критерии выбора археологических объектов для музеефикации:

- научная, познавательная ценность и историческая значимость археологического памятника;
- сохранность руинированных остатков из различных строительных материалов;
- степень доступности музеефицируемого памятника археологии для массового посетителя, пригодность памятника для посещения и показа;
- защита и охрана подготовленных к музейному показу археологических объектов;
- характеристики примыкающей к памятнику территории, позволяющие организовать и структурировать посещение памятника (Булатов, 1997; Сагайдак, 2005).

Несмотря на многообразие видов музеефицированных археологических объектов, основными критериями для них являются сохранность, предполагающая реставрацию (где это возможно); научная достоверность; принцип сохранения единства культурного и природного ландшафта; создание социальной и информационной структуры, ориентированной на представление музеефицированного памятника археологии. Главным критерием создания и функционирования археологического музея-заповедника является аутентичность культурного слоя. Должны быть выделены эталонные участки культурного слоя, где ни под каким предлогом нельзя проводить раскопок (за исключением катастрофических явлений). В археологическом музее-заповеднике априори должен сохраняться не отдельно какой-либо объект археологического наследия, а археологический ландшафт.

Археологический ландшафт является продуктом контакта культуры и природы через многообразие способов деятельности человека и созданные им материальные объекты. Динамическую структуру культурного ландшафта, в том числе и археологического, составляет процесс, когда культура вступает во взаимодействие с природной средой, проникает в нее, становится в процессе деятельности человека его частью и фиксируется в виде неких результатов. Культурный слой является ядром археологическо-

го ландшафта, ведущим элементом. Культурный слой обладает свойством производить новые ценности. С другой стороны, любое физическое воздействие на культурную среду, даже научные археологические раскопки, уничтожает целостность сформировавшейся совокупности. Ландшафтные составляющие после раскопок должны быть рекультивированы. Объекты архитектуры должны быть закреплены по специальным технологиям, приемлемым для конкретных объектов, и с учетом их специфики. Полученная в результате археологических исследований информация должна дать полное представление о целостности ландшафта посредством визуальной и тестовой информации. В настоящее время на помощь приходят такие технологии, как 3D графика.

Конечным итогом, по-видимому, должно явиться создание единого комплекса музеефицированных объектов археологического наследия, позволяющего ознакомиться с особенностями развития исторического процесса на территории России.

На сегодняшний день процесс музеефикации и представления археологических объектов далек от реальных общественных и научных потребностей. Это показали исследования музеев-заповедников, предпринятые авторами данной статьи. Материал в данном отношении собирался по трем основным направлениям:

- 1) материальная обеспеченность;
- 2) научно-методическая деятельность;
- 3) экскурсионно-туристическая деятельность;
- 4) основные проблемы функционирования.

Обобщенные результаты обследования, представленные ниже, позволяют выделить комплекс основных проблем современной организации и функционирования музеев-заповедников на территории Российской Федерации.

1. Материально-техническая база музеев-заповедников

1. Здания и постройки большинства музеев-заповедников находятся на их территории. Наряду с этим чуть меньше половины от числа учреждений также имеют помещения в ближайших крупных населенных пунктах, прежде всего, это здания административного характера. Как правило, отмеча-

ется средняя степень износа построек, что предполагает достаточно значительные затраты на их ремонт и реконструкцию.

2. Имея достаточно большие площади в границах охранных зон (в среднем 2500 га), все музеи-заповедники преимущественно используют свой автомобильный транспорт как для доставки организованных посетителей, так и для передвижения по территории заповедника. Все музеи используют автомобильный транспорт как основной и имеют обычно одну-две транспортные единицы. Половина музеев-заповедников доступна для посетителей также с помощью водного или железнодорожного транспорта. Этот факт предполагает либо сооружение собственной пристани, либо постоянную автомобильную связь с железнодорожной станцией.

3. Связь с музеями-заповедниками в основном телефонная, почти все имеют стационарные и сотовые телефоны. Кроме того, две трети музеев имеют возможность подключаться к сети Интернет и используют возможности электронной почты.

4. В настоящий момент практически все музеи-заповедники обеспечены необходимой оргтехникой: компьютерами, принтерами, видеокамерами, сканерами, ксероксами и факсами.

5. Развитие инфраструктуры — основная проблема для большинства музеев-заповедников. Лишь менее половины музеев имеют хотя бы небольшую гостиницу. Стоимость проживания в них разная, в среднем составляет 500 рублей в сутки. Несмотря на невысокую стоимость проживания, летом гостиницы заполнены в среднем лишь на 70 %, а зимой этот показатель составляет не более 20 %.

Две трети музеев-заповедников, расположенных вне города, имеют на территории или в непосредственной близости от себя магазины или продовольственные палатки. Только половина имеет на территории кафе или столовую.

Проблемы, связанные с материально-техническим обеспечением музеев-заповедников, включают в себя широкий круг вопросов. Важнейшими из них являются:

— ремонт служебных помещений и строительство новых. Это основная часть расходов заповедников. Проблемы строительства, ремонта и расширения площадей безотносительно к профилю, размеру и благосостоянию музея-заповедника;

- ремонт и содержание транспортных средств. То, что музеи-заповедники, как правило, занимают значительную территорию, приводит к тому, что наличие транспорта является объективным условием их нормального функционирования;
- отсутствие доступа к сети Интернет. В современных условиях данная проблема приобретает особое значение. Это препятствует, во-первых, представлению музея в мировом информационном пространстве, во-вторых, межмузейному общению и обмену опытом, что существенно тормозит работу музея-заповедника;
- неразвитая инфраструктура музея-заповедника. Если у музеев, расположенных в черте города, эта проблема может быть облегчена за счет городской инфраструктуры, то для музеев-заповедников, расположенных в сельской местности, неразвитость дорожной сети, отсутствие стоянок, мест общественного питания, гостиниц и других средств комфортного жизнеобеспечения являются серьезными сдерживающими факторами в деле увеличения потока посетителей.

2. Научно-исследовательская деятельность

Данная сфера деятельности предполагает несколько необходимых позиций, реализуемых сегодня музеями-заповедниками в той или иной степени:

1. Большинство из музеев-заповедников имеет большие фонды, достигающие в среднем 36 000 единиц хранения. Часть из них часто находится в других музеях, экспозициях и научных учреждениях. Но при этом только у трети музеев-заповедников отдельные части фондов занесены в музейный фонд РФ. У трети музеев опубликована часть коллекций (в среднем около 30 %). Более чем у половины музеев коллекции не опубликованы даже частично.

2. В среднем на один музей-заповедник приходится 6 человек, занятых на административных должностях, около 10 научных и других категорий сотрудников.

3. Практически все музеи-заповедники разрабатывают проекты по музеефикации, хотя их число невелико — в среднем около двух на каждый. Кроме того, большинство музеев-заповедников осуществляют

два—три проекта исследовательского характера и в среднем 2 научно-методических проекта.

4. Музеи-заповедники поддерживают устойчивые связи с различными учреждениями, в среднем с пятью организациями. Результаты этой деятельности — статьи, книги, буклеты. Сотрудниками музеев-заповедников за последние 3 года опубликовано в среднем 49 статей (всего более 600), 3 монографии, 6 буклетов. На основании научных работ, выполненных на объектах археологического наследия, в среднем опубликовано 36 статей, 4 монографии, 9 буклетов. Кроме того, результаты работ, выполненных в музеях-заповедниках, использованы в 23 кандидатских и в семи докторских диссертациях. Информация о музеях в среднем содержится в двух—трех источниках.

Проблемы, связанные с научно-исследовательской деятельностью, напрямую зависят от профиля археологических музеев-заповедников.

Публикации археологических коллекций, как правило, немногочисленны, поэтому не имеют широкого спроса в среде среднестатистического читателя, хотя для узкого круга ученых и коллекционеров могут представлять существенный интерес. В то же время подготовка материалов для публикаций требует интеллектуальных, временных и физических затрат при минимальной материальной отдаче. Часто сотрудники просто не заинтересованы в такой обременительной работе.

Трудности музеефикации археологических объектов объясняются рядом проблем, которые уже обсуждались выше. Другие исследовательские проекты касаются изучения памятников археологии, требующих привлечения большого количества профессионалов из других организаций, что, в свою очередь, предполагает определенную зависимость исследовательской деятельности от сторонних учреждений. Такая специфика археологических музеев-заповедников требует больше штатных единиц для собственных археологов, чем в обычных краеведческих музеях. В сочетании с проблемами материального и технического характера при существующем на сегодня количестве штатных археологов продуктивная научная работа археологических музеев-заповедников очень затруднена. Кроме того, нередко проблемы ведения научно-исследовательской работы объясняются не только «классическими» проблемами финансового и материального характера, но и недостатком квалифицированных специалистов.

3. Экскурсионно-туристская деятельность

Одной из важных и необходимых сфер деятельности музеев-заповедников является туризм. При этом это одна из весьма сложных составляющих, требующая особого внимания и привлечения финансовых, технических и человеческих ресурсов.

Почти все заповедники работают круглогодично. Летом музеи-заповедники в среднем посещают 7 000 туристов, зимой — 10 000, весной и летом — по 30 000. В большинстве случаев отмечается ежегодное увеличение числа туристов на 25 %, что требует развития туристической инфраструктуры. Средний возраст туристов в археологических музеях-заповедниках составляет 25–30 лет.

Туристы в основном посещают музеи-заповедники организованными группами, что объясняется налаженными связями музеев с туристическими фирмами и бюро. Почти все музеи-заповедники имеют устойчивые связи не менее чем с одним—двумя агентами туристического бизнеса. Практически все музеи имеют в своей структуре отдел туризма, собственных экскурсоводов и разработанную программу посещения, в среднем рассчитанную на 4–5 часов по 4–5 объектам.

Преобладающая часть туристов приезжает в музей-заповедник только на экскурсию, проездом, без ночевки или с проживанием в ближайших пансионатах, санаториях, на турбазах.

Во многих случаях положительным моментом для развития туризма может служить близость расположения туристических центров или объектов туристического характера: более половины музеев-заповедников имеют в относительной близости от своей территории объекты, интересные для туристов, что позволяет туроператорам предлагать комплексные программы посещения.

Хотя проблемы, связанные с организацией туризма в археологических музеях-заповедниках, во многом являются общими для музеев других категорий, существует и своя специфика:

— предполагаемое увеличение потока туристов. Оно требует дополнительного финансирования развития инфраструктуры. Средний возраст посетителей — 25–30 лет. Это говорит о том, что в будущем

музей-заповедник может стать для них постоянным местом отдыха. Недостаточное развитие туристического сервиса может лишить музей-заповедник потенциальных посетителей;

- зависимость от других, более репрезентативных и благоустроенных центров туризма. Этот факт предполагает несамостоятельность археологического музея-заповедника в формировании своей туристской деятельности и зависимость от туроператоров комплексных программ, что на определенном этапе будет мешать успешному развитию.

4. Основные проблемы функционирования музеев-заповедников

Администрация археологического музея-заповедника сталкивается с целым рядом проблем, которые условно можно разделить на организационно-юридические, методические и связей с общественностью.

Организационно-юридические проблемы

Следует отдать должное тому, что современные условия для создания музея-заповедника достаточно просты и эффективны при наличии на территории действующего музея, например муниципального уровня. В том числе при нахождении его на территории археологического памятника (группы памятников) или включенности таковых объектов в территориальные пределы музея-заповедника. Руководству музея достаточно подать заявление в муниципальную администрацию, решением которой музей реструктурируется в музей-заповедник со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями оговоренными в Федеральном законе о внесении изменений в Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» №19-ФЗ от 23.02.2011 г. Гораздо сложнее создать музей-заповедник на «пустом» месте. Здесь необходимо не только доказать его надобность, но и решить вопросы земельного владения и регулирования. Но даже преодолев все бюрократические препоны стадии учреждения, музей-заповедник сталкивается с массой других проблем:

- статус археологических музеев-заповедников до сих пор не определен;
- в некоторых случаях возникают трудности с определением границ территории заповедника и утверждением его территории как отдельного земельного участка;

— проблемы с охраной археологических объектов.

Методические проблемы:

- не выработана единая методика раскопок предполагаемого для музеефикации памятника;
- темпы музеефикации вскрытых археологических объектов не соответствуют периодичности раскопок на территории музеев-заповедников;
- отсутствуют общепризнанные критерии выбора археологических объектов для музеефикации;
- не выработаны принципы музеефикации и конкретные методики для каждой категории археологических объектов (городище, селище, стоянка, некрополь, часть исторических городов и др.).

Проблемы связей с общественностью:

- не выявлен основной контингент посетителей, на который должен быть ориентирован показ археологических объектов;
- слабое представление объектов археологических музеев-заповедников в СМИ;
- недостаточная вовлеченность музеев-заповедников в туристическую деятельность за пределами своего региона;
- не отработаны схемы экскурсионного показа музеефицированных археологических объектов;
- не налажена инфраструктура музеев-заповедников, расположенных в отдаленных от основных коммуникаций местах;
- слабое вовлечение местного населения в деятельность музеев-заповедников;
- недостаточный ассортимент сувенирной и информационной продукции, предоставляемой посетителям.

В основе многих проблем лежит непонимание администрацией регионов роли историко-культурного наследия для современного развития России, того, что музей-заповедник — это сложный многокомпонентный культурно-хозяйственный механизм.

Наиболее общие проблемы археологических музеев-заповедников сегодняшнего дня:

- необходимость расширения территории;
- установление границ памятников и охранных зон;

- приведение положений, уставов и другой нормативно-правовой документации в соответствие с современным законодательством;
- разработка современных концепций деятельности;
- создание долгосрочных программ развития;
- выработка научных основ музеефикации археологического наследия;
- подготовка методик проведения раскопок различного типа объектов для их последующей музеефикации;
- доступ к методикам консервации и возможность их применения;
- разработка основ и методов экспонирования объектов под открытым небом;
- проведение зонирования территорий с выделением музеефицированных и эталонных участков;
- развитие организационной структуры и менеджмента;
- создание попечительских советов;
- обеспечение современными техническими средствами;
- выработка юридически выверенных договоров о сотрудничестве музеев-заповедников с ведущими археологическими учреждениями и подразделениями.

Расширение территории городских музеев-заповедников для включения в их состав отдельных исторических зданий, расположенных в центре города, является часто единственным способом сохранить уникальные участки традиционной постройки, составляющие первоначальный городской ландшафт. Кроме того, такие мероприятия при их успешном завершении способствуют расширению экспозиционных площадей и создают условия для увеличения разнообразия экскурсионной деятельности. Специфика музеев-заповедников в исторических населенных пунктах во многом определяется необходимостью развития города как живого организма и наличием частной собственности на многие объекты культурного наследия, являющиеся фоновой исторической средой.

Повсеместно отмечается недостаточность мер по защите объектов культурного наследия в условиях плотной городской застройки. В связи с этим видится единственно верный выход из создавшейся ситуации: дирекция музея, администрация города, правительство субъекта Федерации, Министерство культуры РФ и другие федеральные ведомства должны не-

замедлительно подготовить адресные, точно направленные законодательные акты по охране и оптимальному использованию тех или иных объектов культурного наследия в условиях городской среды. При этом в них должен быть изложен полный регламент способов и правил эксплуатации конкретных объектов.

Проблема расширения территории часто также актуальна для ландшафтных музеев-заповедников. Прежде всего, это связано с расширением охранных зон памятников. Например, музей-заповедник «Костёнки» расположен на территории деревни Костёнки, поэтому границы охранных зон совпадают с сельской застройкой. Предполагается выкуп музеем брошенных зданий и усадеб у владельцев. Однако продуктивные процессы тормозятся отсутствием утвержденных границ музея-заповедника, а также утвержденных режимов деятельности в связи с функциональным использованием. Кроме того, не проведено функциональное зонирование территории на основании ее комплексной оценки.

Во многих случаях возникает проблема необходимости расширения территории музея-заповедника с целью сохранения уникальных природных объектов и целостности ландшафта. Из-за отсутствия материально-технической базы для осуществления работ природоохранного характера обычно отсутствует комплексная система мониторинга состояния природного наследия. Нередко наблюдаются неблагоприятное или частично неблагоприятное состояния историко-культурных ландшафтов, их деградация в части системообразующих элементов.

В настоящее время вызывает затруднение проведение землеустроительных работ, а в связи с этим выделение видимых границ и регламентация передвижений по территории музеев-заповедников как местных, так и приезжих групп и отдельных посетителей.

Для большинства музеев необходимы разработка проекта расширения и реконструкции музейного комплекса, увеличение экспозиционных площадей, фондохранилищ, создание инфраструктуры жизнеобеспечения, увеличение штатного состава.

Негативную роль играет отсутствие при музеях-заповедниках постоянно действующей археологической экспедиции. В данной ситуации доминирующим фактором является отсутствие профессиональных археологов в

штатном расписании и непосредственно в штате. В случае, если нет возможности подготовить специалистов из числа научных сотрудников музея или трудоустроить готовых специалистов, необходимо отработать взаимодействие с научными археологическими организациями и закрепить его в виде договоров о сотрудничестве, определив в них компетенцию и обязанности сторон. Часто необходимо возобновление раскопок с последующей музеефикацией археологических объектов, однако отсутствие плана научных археологических исследований, консервации и музеефикации участков культурного слоя нередко приводит к разрушительному воздействию научных раскопок на археологических объектах.

Отсутствие концепции и программы перспективного развития завело в тупик целый ряд музеев-заповедников. Кроме того, сегодня, в соответствии с гл. 9 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (недвижимых памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», археологические музеи-заповедники определены как историко-культурные заповедники. Постановлено, что они создаются на основе достопримечательных мест, то есть на основе новой категории памятников, образованных на базе выделения объектов со всей окружающей их природной средой. Таким образом, законодательство требует приведения положений и планов земельных участков музеев-заповедников в соответствие с сегодняшними условиями.

Часто отсутствует специальный регламент использования территории музея-заповедника, утвержденного на муниципальном, краевом и федеральном уровнях.

Одной из задач работы музея-заповедника является охрана его объектов от случаев вандализма, разрушения памятников, несанкционированных раскопок. Можно в качестве примера описать ситуацию с охраной памятников истории, культуры и природы в границах охранных зон музея-заповедника «Танаис». Невозможность организовать регулярную охрану (в штате сотрудников — 1 человек на должности егеря-охранника) приводит к несанкционированным раскопкам «черных археологов». Администрация музея-заповедника, пытаясь бороться с такими явлениями, инициировала несколько соответствующих судебных процессов. Невозможно, тем более сегодня, обеспечить должный контроль за соблюдением режима

охранных зон из-за отсутствия единой межобластной системы современного использования памятников и объектов историко-культурного наследия.

Практически не проводится мониторинг археологических памятников — уже раскопанные и музеефицированные памятники разрушаются. Требуются квалифицированные консервационные работы по сохранению каменных, глиняных, костяных конструкций жилищных комплексов, оград и надмогильных сооружений, необходимы спасательные раскопки ряда памятников, которые разрушаются в результате естественных причин (отслаивание поверхностного слоя на петроглифических комплексах, разрушительная деятельность развивающихся оврагов, подмыв и обрушение или естественное оползание кромок террас и другие причины природного характера).

К сожалению, реконструкции археологических памятников в подавляющем большинстве случаев ограничены графической формой и не доведены до состояния моделей, в том числе в натуральную величину. Недостаток финансирования не позволяет в большинстве случаев организовать на современном уровне музеефикацию и реконструкцию основных объектов археологического наследия, провести необходимую консервацию культурного слоя и залегающих в нем конструкций. Поэтому они практически не вовлечены в работу музея-заповедника как объекты музейного показа, за исключением отдельного иллюстративного материала, представленного в стационарной экспозиции.

Экспозиционное оборудование во всех случаях устарело (редким исключением является музей-заповедник «Тамань»), бросается в глаза его безнадежный физический и моральный износ. Повсеместно наблюдается слабая инфраструктурная обеспеченность основной деятельности: отсутствие современных фондохранилищ, дефицит площадей под служебные помещения и экспозиционных площадей. Многие объекты музеев-заповедников требуют реставрации (исторические и историко-архитектурные объекты) и капитального ремонта (как историко-архитектурные, так и объекты хозяйственно-функционального назначения). В большинстве случаев отсутствуют полноценное оснащение объектов и территорий инженерными сетями и сооружениями, оборудованные помещения для хранения коллекций с учетом требований температурного и влажностного режима, а также помещения для специального хранения по третьей форме учета.

Остро стоит проблема отсутствия жилья для работников музеев-заповедников. Решение кадровых проблем невозможно без создания собственной социальной инфраструктуры и в первую очередь строительства жилья для персонала.

Таким образом, анализ имеющихся на данный момент материалов показывает, что по всей территории Российской Федерации при создании и функционировании музеев-заповедников существуют примерно одинаковые проблемы. Некоторые из них актуальны в большей или меньшей степени в зависимости от регионального их распространения. Например, для районов Сибири и Дальнего Востока, отличающихся слабой заселенностью, сильной разреженностью населенных пунктов, бездорожьем и тяжелыми природно-климатическими условиями, порой наиболее актуальными становятся вопросы коммуникаций, способы доставки посетителей к объектам показа, организация питания, проживания и связи, а в соответствии с этим и цена услуг.

Литература

- Айдаров С.С.* Методические основы консервации архитектурно-археологических памятников в Великих Болгарах // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. — С. 30–38.
- Булатов Н.М.* Проблемы музеефикации археологических памятников России // Археологический фактор в планировочной организации территорий. М., 1997. — С. 109–111.
- Время жить... // Курьер ЮНЕСКО: Археология сегодня. 1985. Август. — С. 2.
- Газалова К.М.* Музей как социальный институт в России XX столетия // Музей в современном мире: традиционализм и новаторство: Тр. ГИМ. М., 1999. Вып. 104. — С. 8–28.
- Галкина Е.Л.* Музеи под открытым небом (на материалах РСФСР) // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. М., 1982. — С. 45–57.
- Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в

- Российской Федерации // *Наследие и Современность. Информационный сборник*. М., 2006. Вып. 13.— С. 4—100.
- Гусев С.В., Загорулько А.В., Минеева И.М., Ожередов Ю.И. *Археологические музеи-заповедники Российской Федерации: проблемы формирования и функционирования*. Т. 1.— Томск: ТМЛ-Пресс, 2010.— 256 с.
- Гусев С.В., Загорулько А.В., Минеева И.М., Ожередов Ю.И., Ксенц А.С. *Археологическое наследие в музеях-заповедниках Европейской части России*. Томск: ТМЛ-Пресс, 2011.— 260 с.
- Дому — 22 тысячи лет // *Учительская газета*. 27.05.1967.
- Ивановская Н.И. *Музей под открытым небом* // *Российская музейная энциклопедия*. М., 2001.— С. 394—395.
- Ивановская Н.И. *Из истории проектирования первых отечественных скансенов (музеев под открытым небом)* // *Музей. Традиции. Этничность. XIX—XX вв.: Материалы Междунар. конф., посвящ. 100-летию Российского Этнографического музея*. СПб., 2002.— С. 55—59.
- Кимеев В.М. *Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции*. Томск: Изд-во ТГПИ, 2008а.— 452 с.
- Кимеев В.М. *Экомuzeи Сибири как центры сохранения этнокультурного наследия в природной среде* // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Новосибирск, 2008b. № 3.— С. 122—131.
- Лысенко П.Ф., Иванова Р.Е. *Из глубины веков* // *Museum: Электронное издание о музеях и для музеев*. 1989. № 159.— С. 53—55.
- Малинова Р., Малина Я. *Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох*. М., 1988.— 270 с.
- Мартынов А.И. *Из опыта музеефикации археологического наследия в Швеции* // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. 10.— С. 22—24.
- Медведь А.Н. *Проблемы музеефикации памятников археологии Москвы: Доклад на московском науч.-практ. семинаре «Проблемы археологии и истории Москвы и Подмосковья» (15 декабря 1998 г.)*. Режим доступа: www.museum.ru
- Мейран П. *Новая «музеология»* // *Museum: Электронное издание о музеях и для музеев*. 1985. № 148.— С. 20—21.

- Минеева И.М.* Археологические исследования в музеях Башкортостана: опыт истории и проблемы современности. Уфа: Гилем, 2004.— 204 с.
- Ожередов Ю.И.* Томская ойкумена // Тобольск и вся Сибирь. Томск. Тобольск. 2004.— С. 78—89.
- Праслов Н.* Путешествие в каменный век // Наука и жизнь. 1984. № 5.— С. 117—119.
- Ривар И.* Экомuzeи провинции Квебек // Museum: Электронное издание о музеях и для музеев. 1985. № 148.— С. 22—25.
- Сагайдак М.* Проблеми музеєфікації пам'яток археології // АНТ. 2005. № 13—15.— С. 44—59.
- Сергеева Н.Я.* Из истории Томского краеведческого музея // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Т. VII.— Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994.— С. 6—18.
- Сотникова С.И.* Музеология: Пособие для вузов. М.: Дрофа, 2004.— 192 с.
- Хадсон К.* Влиятельные музеи. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.— 196 с.
- Чайковский Е.* Музеям под открытым небом 100 лет // На пути к музею XXI века. Музеи-заповедники. М., 1991. С. 10—26.
- Чижова Л.В.* Музеефикация археологических объектов: исторические реалии и перспективы // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002.— С. 387—388.
- Шатилов М.Б.* Исторический очерк и обзор Томского краеведческого музея», Труды Томского краеведческого музея, Томск, 1927. Т. 1.
- Шелов Д.Б.* Опыт организации археологического заповедника «Танаис» // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщение Науч.-метод. совета по охране памятников культуры. М., 1972. Вып. 7. С. 23—37.
- Юбер Ф.* Экомuzeи во Франции: Противоречия и несоответствия // Museum: Электронное издание о музеях и для музеев. 1985. № 148.— С. 6—8.
- Юренева Т.Ю.* Музей в мировой культуре. М., 2003.— 536 с.
- Ahrens C.* WiederaufgebatueVorzeit // Archäologische Fraeilichtmuseen in Europa. 1990. S. 24—37.

- Langer E., Illig H. Paläo-etnobotanische Befund aus dem Feldflorareservat bei Luckau-Freesdorf. Niederlausitz // Experimentällie Archäologie in Deutschland. Bechaft 4. Oldenburg, 1990. S. 143–148.
- Luley H. Die Rekonstruktion eines Hauses // Experimentällie Archäologie in Deutschland. Bechaft 4. Oldenburg, 1990. S. 31–44.
- Plarre W. Erhaltung historischer Kulturpflanzen // Experimentällie Archäologie in Deutschland. Bechaft 4. Oldenburg, 1990. S. 149–157.

М.Е. КУЛЕШОВА

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ИХ ПРАВОВОМ И ОНТОЛОГИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Культурные ландшафты в качестве феноменов наследия приобрели широкую популярность с начала 90-х годов прошлого века, в связи с развитием концептуальных положений и применением Конвенции о всемирном наследии. В 1992 г. в Руководящих указаниях ЮНЕСКО (Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention) появилась категория «культурные ландшафты», которая была выделена в ряду объектов культурного наследия как специфическая группа, обладающая своими отличительными признаками. Культурные ландшафты были определены как результат сотворчества, сотрудничества природы и человека, в процессе которого образуется исторически устойчивая территориальная целостность.

С появлением категории «культурный ландшафт» на сайте Центра всемирного наследия в Интернете стали периодически публиковаться списки культурных ландшафтов. Объекты, занесённые в такие списки, мы называем официально признанными культурными ландшафтами. Однако, как показывает анализ общего Списка всех объектов Всемирного наследия [1], далеко не все культурные ландшафты становятся официально признанными, многие состоят в нём без отнесения к данной категории. Это понятно, ведь до 1992 г. заявляемые культурно-ландшафтные объекты не могли быть специально обозначены, а после 1992 г. далеко не все страны сочли нужным представлять свои номинации именно в этом качестве. Следовательно, в Списке Всемирного наследия наряду с официально признанными культурными ландшафтами есть скрытые, или, как мы их называем, латентные.

В частности, список из 66 культурных ландшафтов приведён в методическом пособии, опубликованном в 2009 г. в рамках серийных докладов Центра всемирного наследия ЮНЕСКО за №26 [2]. В тексте этого ме-

тодического пособия представлено много конкретных примеров по выявлению, сохранению и управлению культурными ландшафтами, отнесёнными к всемирному наследию, но интересно то, что примеры эти касаются не только упомянутых 66-ти объектов, но и других номинаций, которые по тем или иным причинам не значатся в официальных списках культурных ландшафтов (серийная номинация Рубежи Римской империи, Лапландия в Швеции, культурно-исторический ансамбль Соловецких островов в России, канал Ридо в Канаде, Мачу-Пикчу в Перу и др.).

Сколько же действительно культурных ландшафтов состоит в Списке всемирного наследия? Наши аналитические исследования, обновляемые по мере расширения Списка Всемирного наследия, показывают следующее. Из существующих на 2011 г. 725 объектов всемирного культурного наследия примерно четверть (180) — это типичные культурные ландшафты в том понимании, как это интерпретируется в *Operational Guidelines*. Ещё четверть (170) — это городские ландшафты, которые по правилам ЮНЕСКО не принято относить к культурным ландшафтам, но по смыслу и содержанию своему они являются культурными ландшафтами, демонстрируя сотворчество человека и природы в условиях города. Из 28 смешанных, природно-культурных объектов всемирного наследия преобладающее большинство (24) может быть отнесено к культурным ландшафтам, но не все. Собственно научные основания, по которым та или иная номинация причисляется нами к культурному ландшафту, изложены в специальных публикациях [3]. Из 183 объектов всемирного природного наследия примерно 15 объектов имеют основания быть причисленными к культурным ландшафтам. Например, Большой барьерный риф в Австралии, или Китовый заказник Эль-Вискайно в Мексике, или озеро Байкал в России.

Наши западные коллеги иногда недоумевают, зачем это нам понадобилось так пристально исследовать Список Всемирного наследия и вычленять в нём культурные ландшафты. Какая разница, сколько их — 66 или 366? Видимо, культурные парадигмы многих стран подразумевают целостный, ландшафтный подход к наследию как нечто имманентно присущее процессу выявления наследия. Но в российской практике выявления и охраны культурного наследия до сих пор преобладает памятниковедческий подход, когда отдельным сооружениям или группам таковых придаётся особое культурное значение, а вмещающая их территория рассматривается как

явление фоновое, не обладающее самостоятельным культурным значением. В таком случае результаты анализа Списка всемирного наследия воспринимаются иначе, ведь они свидетельствуют о довлеющем влиянии культурно-ландшафтной парадигмы на его состав. Они убеждают в том, что культурное наследие мирового уровня во многих случаях являет собой целостный природно-культурный территориальный комплекс, то есть культурный ландшафт, а не отдельные сооружения, конструкции или их ансамблевые группы. Важно определиться, что же именно мы сохраняем.

Признание того или иного объекта наследия культурным ландшафтом влечет за собой очень важные последствия; культурные ландшафты действительно представляют собой особый класс явлений. Во-первых, со-творчество человека с природой предполагает хорошее знание этой самой природы и учёт факторов, влияющих на сохранность природных объектов и на биоразнообразие, ведь культурные ландшафты вносят большой вклад в поддержание биоразнообразия. Во многих случаях природные объекты имеют высокий культурный статус, в частности сакральный статус — например, священное озеро Байкал (Россия) или Убсунурская котловина (Монголия — Россия).

Во-вторых, живой культурный ландшафт существует благодаря традиционной хозяйственной деятельности — сельскохозяйственной, лесохозяйственной, промысловой, домостроительной и др., он не может быть управляем и сохраняем без признания роли местных сообществ в его формировании, а точнее — признания местных сообществ частью территориальной системы и ведущими субъектами управления культурным ландшафтом. Таковы многочисленные земледельческие ландшафты, пасторальные ландшафты, ландшафты номадических и промысловых культур.

В третьих, культурный ландшафт состоит не только из материальных объектов, но также из процессов, взаимодействий, технологий, культурных практик, навыков и фольклора, то есть он может включать и нематериальное наследие. Соответственно концепция культурного ландшафта обеспечивает тесное взаимодействие двух международных конвенций — о всемирном наследии (1972 г.) и о нематериальном наследии (2003 г.). В списке объектов нематериального наследия выделяется категория культурного пространства, которая коррелирует с понятием культурного ландшафта. Так, от России в

Списке нематериального наследия представлены два культурных явления, в том числе — культурное пространство старообрядцев семейских в Забайкалье. В живом культурном ландшафте обязательно присутствует и культурное пространство как образ жизни тех сообществ, которые формировали такой ландшафт.

В четвёртых, в культурном ландшафте важны все его составляющие, а не только монументальные сооружения, которые вообще могут отсутствовать либо не иметь определяющего значения, как, например, в некоторых сакральных ландшафтах. В вышеупомянутом методическом пособии ЮНЕСКО подчеркивается, что признание выдающейся ценности определённых культурных ландшафтов вне зависимости от наличия в них отдельных выдающихся памятников позволило признать культурные ценности многих стран и народов.

Анализ выявленных в Списке Всемирного наследия официально признанных и скрытых культурных ландшафтов показал, что вся их совокупность может быть поделена на два основных блока — *ландшафты палеокультурные* и *ландшафты исторические*. Палеокультурными ландшафтами здесь предлагается называть древние культурные ландшафты, возникшие в доисторическое или историческое время, но оставленные человеком. Свидетельства материальной культуры представлены в них в руинированном виде и/или в виде археологических находок. Они более не используются в целях, ради которых когда-то создавались. Иногда их называют археологическими (например, «Археологический ландшафт первых кофейных плантаций Кубы», или «Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы» — Казахстан). Напротив, исторические культурные ландшафты продолжают выполнять свои исторические функции, продолжают своё эволюционное развитие, хотя начало их создания может относиться к глубокой древности. Во многих случаях сформированный в глубокой древности ландшафт приспособляется к новому использованию. Обладая палеокультурными ценностями, он включается в новый исторический контекст. Такова священная гора Сулейман-Тоо вблизи города Ош (Киргизия, 2009) с её пятью вершинами, многочисленными древними святилищами и пещерами с петроглифами.

Самобытность отдельных стран на уровне всемирного наследия — достаточно интересный вопрос. Устойчивая повторяемость определённого типа

объектов в ряде стран хорошо выявляет их культурные особенности и способ самоопределения. Так, для Великобритании в ряду объектов, претендующих называться культурными ландшафтами, на первый план выходят фабричные посёлки времён промышленной революции с их индустриальным ландшафтом, в их числе — текстильный поселок Нью Ланарк, созданный Робертом Оуэном. Для Нидерландов, конечно, характерны польдеры и различные водорегулирующие системы. В Китае одна из главных тем — священные горы. В Греции — археология и святые места. В Марокко — городские медины. От США превосходящим числом представлены национальные парки, что следует рассматривать не только как радение о природе, но как своеобразную культурную декларацию, поскольку эта страна явилась центром происхождения данного феномена. Что же определяет своеобразие России?

Россия имеет достаточно сбалансированный Список объектов, включающий 10 природных и 15 культурных номинаций. В числе последних значится и Куршская Коса, представленная совместно от России и Литвы, с официальным статусом культурного ландшафта. Соотношение природных и культурных номинаций в Списке Всемирного наследия уже многие годы устойчиво сохраняется на уровне 1:4, и это вызывает критику многих международных экспертов, настаивающих на увеличении числа природных номинаций. Россия же является одной из стран-лидеров по числу природных номинаций (после Австралии, где их 15, Китая — 12, США — 12 и наравне с Канадой — 9, Бразилией — 7). И это весьма похвально, если не касаться вопроса о состоянии охраны этих уникальных российских территорий. Отметим, что богатство и разнообразие природы — одно из основных свойств историко-культурного пространства России.

Некоторые российские исследователи уверены, что сохранение природы и есть основная культурная миссия России в эпоху глобализации. Сегодня среди объектов Всемирного культурного наследия России явно преобладают архитектурные ансамбли и архитектурные памятники, более половины объектов культурного наследия — городские. Основные критерии их выделения — это i, ii, iv. Соответственно это шедевры зодчества, центры креативности и важные исторические маркёры. В Предварительном списке российских объектов (Tentative list) на 2011 г. состоит 10 природных

и 16 культурных феноменов. Архитектура, в частности городская, опять занимает доминирующее положение. Три объекта — археологические (город древнего Боспорского царства Танаис, петроглифы Сихоте-Алиня и городище Болгар), что очень отрадно, поскольку от России в Списке Всемирного наследия пока не представлено ни одного археологического объекта.

Что же всё-таки должно быть добавлено в российские списки всемирного наследия, чтобы они адекватно и репрезентативно отображали культурные особенности России, чтобы в ряду критериев ценности чаще фигурировал критерий v, отвечающий за традиционные и репрезентативные культурные феномены? Если говорить о европейской части России, то культурное своеобразие её ландшафтов во многом определяют монастырские и храмовые комплексы, комплексы бывших помещичьих усадеб, многие из которых стали музеями-усадьбами (или музеями-заповедниками), а также русские деревни с их угодьями, поскольку Россия до недавнего времени считалась крестьянской страной. Наиболее репрезентативны в этом качестве и отвечают всем необходимым условиям и критериям монастырский ландшафт Соловецких островов (Соловки номинированы в 1992 г. как историко-культурный ансамбль, но не как ландшафт), усадебный ландшафт Ясной Поляны и крестьянский ландшафт Кенозерья [4]. Россию отличает исключительное этническое разнообразие, этнические поселения с их хозяйственными укладами и системами природопользования могли бы занять видное место в системе мировых ценностей наследия. Одним из субэтнических и одновременно литературных ландшафтов мог бы выступить казачий Дон — район среднего течения реки, которому М.А. Шолохов посвятил роман «Тихий Дон».

Культурно-ландшафтное своеобразие азиатской части России в значительной мере определяется этнической компонентой. В связи с потеплением климата и проводимой политикой ресурсопользования под угрозой оказались культурно-хозяйственные уклады тех народов, которые наиболее зависимы от кормящего ландшафта — в частности, коренные малочисленные народы Сибири и старожильческие группы населения. Их культурный ландшафт — это охотничьи, промысловые, пастбищные угодья, священные места, пути сезонных миграций, адаптированные к экстремальным условиям селитебные комплексы, их космологические представления и навыки

природопользования. Здесь монументальные памятники заменяет монументальная сакрализованная природа и глубокое знание о ней. А достоинство каждого народа — универсальная культурная ценность и должно быть представлено во всемирном наследии. Таковы гора Мунку-Сардык, озеро Байкал и озеро Хубсугул для бурят, сойотов и монголов, остров Вайгач и остров Белый для ненцев, восточная оконечность Чукотки и остров Ратманова для эскимосов и т.д.

Сибирские писаницы — также весьма характерный элемент наследия, хотя ни одна из них в Списке Всемирного наследия от России пока не значится. Их характерность можно сравнить с характерностью церковной архитектуры в европейской части. Но их собирательная сакрально-информационная роль осталась в прошлом, а в настоящем ими интересуются преимущественно ученые и любознательные туристы. Когда-то это были храмы в природе, богато расписанные и почитаемые. А архитектурой храма служил видимый пейзаж (культурный ландшафт) и его географические топорсы — склоны, долины, горы, ущелья и пр. с их обитателями, явлениями погоды и геодинамики. Говорить о сохранении и репрезентации этого древнего наследия вне «кормящего» ландшафта по меньшей мере неуместно. Это же подтверждают исследования известных специалистов по изучению петроглифов. Они же обращают внимание на актуальность широкого межрегионального подхода к данному виду наследия и сохранению серийных, кластерных систем петроглифов всей Центральной Азии [5, 6].

Проблемы, которые возникают при работе с российскими объектами наследия, во многом носят глобальный характер и в той или иной мере проявляются во многих странах. Это проблемы урбанизации, туризма, участия местного населения в управлении, научного обеспечения управленческих решений, а также их правового обеспечения. Процессы урбанизации всё более проникают на территории российских объектов всемирного наследия и в их буферные зоны, элиминируя ценности наследия. Нередко это происходит под видом благоустройства и приспособления к презентации таких объектов. Туризм всё более окрашивается в коммерческие тона, забывая о своём просветительском и культурном значении. Участие местного населения в процессах развития территорий категорически не соответствует политическим претензиям на демократические достижения, а этика внутри-

общественных отношений всё больше опирается на силу власти и капитала при общей маргинализации населения и отторжении носителей культурных ценностей от созданного ими и предками культурного пространства. Неожиданной проблемой оказалась разработка менеджмент-планов и подготовка отчетной документации для российских объектов Всемирного культурного наследия. Руководства и рекомендации Центра Всемирного наследия, а также экспертное участие наших западных коллег весьма полезны, но недостаточны вне живого обмена позитивным опытом в этой сфере на пространстве стран СНГ. Обращаясь к тематике палеокультурного ландшафта, нельзя не отметить исключительно высокий уровень подготовки обосновывающей документации для казахской номинации 2004 г. «Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы» (<http://whc.unesco.org/uploads/nominations/1145.pdf>). На основании качественной базовой научной информации стало возможным разработать отвечающий требованиям ЮНЕСКО менеджмент-план. Содержательные подходы к менеджменту демонстрирует и другой объект Всемирного наследия — Наскальное искусство культурного ландшафта Гобустан в Азербайджане (<http://whc.unesco.org/uploads/nominations/1076rev.pdf>). Взаимосвязь науки и управления должна быть тесной и эффективной — для любых объектов наследия.

Любые действия в отношении объектов наследия имеют правовые основания, основываются на действующей национальной системе законодательства. В то же время наличие закона — ещё не панацея, если нечто препятствует его правоприменению. Например, нормы обычного права могут входить в противоречие с нормами юридического права, либо нарушения правовых норм могут не иметь должных юридических последствий, либо в условиях системной неопределённости контролирующие органы не успевают адаптироваться к изменениям, либо «индальгенции» на правонарушения покупаются.

Известно, что в современной России сохранение природного наследия опирается на создание систем особо охраняемых территорий и экологическое нормирование, сохранение культурного наследия — на систему охраны отдельных культурных феноменов, относимых к объектам недвижимого имущества и включаемых в Государственный Реестр объектов культурного наследия. основополагающее значение для сохранения культурных ланд-

шафтов России имеют два профильных закона: №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и №33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях». А наиболее эффективными организационными формами охраны культурных ландшафтов служат музеи-заповедники и национальные парки. В этом заключается парадокс, поскольку национальные парки как особо охраняемые природные территории предназначены прежде всего для сохранения, изучения и дидактического использования природных феноменов (№33-ФЗ), а музеи-заповедники в правовом отношении являются учреждениями культуры, но никак не охраняемыми территориями [7].

Именно в музеях-заповедниках сохраняются наиболее ценные территориальные объекты культурного наследия, в частности археологического наследия. Археологические музеи-заповедники России преимущественно представляют территориальные комплексы древних поселений (Танаис, Горгиппия, Гермонасса, Ирендук). Есть среди них и одно древнее поле сражения — Куликово поле. Есть древние сакральные территории с петроглифами, наиболее известная из них — Томская писаница. Однако сохранение территорий музеев-заповедников представляет сегодня огромную проблему, поскольку эта форма охраны наследия включена в федеральное законодательство только в 2011 г., при внесении поправок в №54-ФЗ «О музейных фондах и музеях в Российской Федерации», хотя де-факто известна с 60-х годов прошлого века. Чтобы обладать полноценным правом защиты собственной территории (не путать с земельным участком!), некоторые музеи-заповедники, преимущественно литературного профиля, начали работы по наделению своих территорий статусом «достопримечательное место».

Есть примеры использования законодательства об особо охраняемых природных территориях для целей охраны объектов культурного наследия, в частности палеокультурных ландшафтов. Например, администрация музея-заповедника «Куликово поле» выступила инициатором создания природного заказника в границах территории музея-заповедника. Созданию историко-культурного заповедника Аркаим предшествовала разработка концепции национального парка. Вопрос о создании национальных парков обсуждался применительно к Фанагории и Соловкам. Отметим, что национальные парки — единственная категория охраняемых природ-

ных территорий, для которых законом устанавливаются задачи сохранения и восстановления историко-культурных комплексов и объектов (ст. 13 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»).

В соответствии с основным профильным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (№ 73-ФЗ) объекты культурного наследия разделяются на три вида — памятники, ансамбли и достопримечательные места. В перечне объектов, относимых к достопримечательным местам, значатся культурные ландшафты. Это обстоятельство и обуславливает возникший во многих регионах интерес к выделению объектов наследия в статусе «достопримечательное место». В ряде случаев этот интерес проявляют уже действующие музеи-заповедники, ввиду неопределённости правового статуса их территорий. Достопримечательные места подлежат охране в том же порядке, что памятники и ансамбли, но имеют более лабильный режим охраны. Достопримечательные места могут быть объявлены историко-культурными заповедниками (не путать с музеями-заповедниками, эти понятия в действующем законодательстве имеют различное правовое содержание).

В границы достопримечательных мест могут включаться, сохраняя самостоятельный правовой статус, отдельные памятники и ансамбли, поскольку режим охраны для этих видов объектов культурного наследия различается. Для памятников и ансамблей он определяется прямыми нормами закона и исключает легитимность любой деятельности, которая приводит к разрушению памятника или ансамбля. Для достопримечательных мест он основан на градостроительных регламентах и правовых режимах использования земель, которые устанавливаются индивидуально для каждого достопримечательного места и взаимосвязаны с градостроительной и землеустроительной документацией.

Для того чтобы обладающий ценностью наследия объект был причислен к объектам культурного наследия народов Российской Федерации, он должен быть включен в Государственный Реестр, а для включения в Реестр он должен быть определённым образом документирован и иметь положительное заключение историко-культурной экспертизы. Сложность и длительность этого процесса отчасти компенсируют то обстоятельство, что минимально необходимая информация и экспертное заключение уже

служат основанием для отнесения такого объекта к выявленным объектам культурного наследия, из состава которых по мере прохождения требуемых процедур объект либо перемещается в Реестр, либо исключается как не соответствующий требованиям. По отношению к археологическому наследию процедура несколько иная: объект относится к выявленным по факту своего обнаружения, а затем либо включается в Реестр, либо подвергается «охранным» раскопкам и переходит из состояния «in situ» в «ex situ», то есть перемещается из своего аутентичного местоположения в археологическую коллекцию и отчет. Исключительно непросто обстоит дело с документированием достопримечательных мест, в частности культурных ландшафтов. Поскольку объект культурного наследия есть объект недвижимости, постольку культурный ландшафт рассматривается как совокупность земельных участков. А поскольку культурный ландшафт может занимать обширную территорию с множеством пользователей, собственников и неразмежёванных земельных угодий, при том что межведомственные взаимодействия для таких случаев не обеспечены требованием закона, постольку и документирование культурного ландшафта представляет на сегодняшний день задачу затратную, трудоёмкую и юридически невнятную.

Обеспечение сохранности объектов культурного наследия осуществляется через введение требований к осуществляемым на их территориях работам, через обязательства собственника или пользователя по содержанию и использованию объекта, через процедуры согласования и контроль соответствующих инстанций, через организацию зон охраны вокруг объекта. Несмотря на все эти предусмотренные законом меры продолжается разрушение и уничтожение объектов наследия, поскольку «закон — не панацея», а только средство, метод, с помощью которого регулируются общественные отношения в той или иной сфере. Имеет место и несовершенство собственно законодательного регулирования. Вследствие осознания этого несовершенства развернулась активная работа по внесению в действующий закон № 73-ФЗ поправок, которые существенным образом изменяют его содержание.

Понятно, что работа над поправками в закон № 73-ФЗ, а по существу — над его новой редакцией, должна учитывать состояние смежных сфер законодательства, что в настоящее время и происходит, обеспечивая «внешние» связи этого правового документа. С другой стороны, большую

обеспокоенность вызывают и «внутренние» связи, а именно низкий уровень разработки и применения подзаконных актов, полный пакет которых с 2002 г. (год принятия закона) так и не был подготовлен, что отчасти объясняет низкий уровень правоприменения действующего закона. Однако не только эти причины побудили начать работу над новым его содержанием. В российском законодательстве патологически разрастается сфера имущественных интересов, и это непосредственно отражается на новом содержании законодательства. Явно прослеживаются тенденции по снятию с государства финансового бремени и забот о наследии, политика разгосударствления общественного достояния под благовидными предлогами, что отражает маргинализацию новых элит, их безучастие и к судьбе наследия, и к историческому опыту страны. Наконец, в органах государственного управления распространён миф о всемогуществе технических регламентов, уверенность в том, что можно зарегламентировать всю ойкумену, а это приводит к разрастанию процедурного содержания законодательных актов и, как следствие, снижению личной ответственности и способности к ответственному принятию решений в органах управления.

Для сохранения территориальных комплексов наследия, в частности культурных и палеокультурных ландшафтов, огромное значение имеет правоприменение таких понятий, как «территории и земли». Поскольку за последние 20 лет предпринимались неоднократные попытки их отождествления, следует рассмотреть подробнее их правовой смысл. Территория не должна быть сводима к земельному участку или сумме таковых, поскольку земельный участок — объект имущественного права, а территория — категория пространства, в границах которого существует не один вещный мир в терминах гражданско-правового оборота. Территория — объект ведения, а не имущественного права, как земельный участок. Если территорию понимать тождественной земельному участку, тогда территорию Российской Федерации можно оценить как собрание земельных участков (имущества) и пустить в гражданский оборот. Впрочем, наблюдаемые тенденции в российском законодательстве свидетельствуют о наличии таковых намерений. Территория включает в себя множество объектов, явлений, процессов, не вмещаемых в «обладание вещными правами», но требующих принятия управленческих решений. Земельные участки — лишь часть territori-

ального комплекса. Территория объекта наследия — это занимаемое им, а также и исторически с ним связанное пространство в определённых географических и планировочных границах, которое включает в себя земельные участки (если таковые выделены землеустройством) и части земельных участков. Если отождествить территорию объекта наследия с его земельным участком, то преобладающее большинство объектов наследия останется без территории и не будет её иметь до той поры, пока соответствующие земельные участки не будут выделены соответствующими землеустроительными организациями в установленном процессуальном порядке. Это, возможно, и произойдёт в грядущих поколениях, но нам следует думать об эффективности правоприменения законов сегодня.

Однако приходится признать, что сведение территории объекта наследия к земельному участку в скрытой форме уже произошло в действующем законодательстве, и это препятствует постановке объектов наследия на охрану и включению их в Реестр. Так, ст. 5 действующего закона постулирует, что земельные участки в границах территории объекта культурного наследия относятся к землям историко-культурного назначения. Почти 10-летний опыт обращения к этой статье показывает, что её с успехом применяют не для защиты объекта, а для воспрепятствования его постановке на охрану, для многократного сокращения границ его территории, для увеличения бесполезных землеустроительных процедур в процессе изменения категории земель и для отождествления этих процедур с вопросами имущественного права. Отнесение к землям историко-культурного назначения (либо к зоне историко-культурного назначения в границах населённых пунктов) вполне оправдано и уместно в случае, когда это назначение является основной функцией территории — территории отдельных памятников, архитектурных и усадебных ансамблей, отчасти территории музеев-заповедников. В отношении достопримечательных мест, которые могут включать традиционно используемые сельскохозяйственные и лесные угодья, сохраняемые именно в процессе традиционной хозяйственной деятельности, такая норма не просто бессмысленна, она категорически вредна. Кроме того, категорию земель в нынешних правовых реалиях можно изменить только применительно к участку, прошедшему межевание и кадастровый учёт. Следовательно, если эти процедуры не пройдены, категория земель не может быть измене-

на, следовательно, территория не может быть выделена, следовательно, новые объекты наследия без определения их территорий не будут ставиться на учёт. Это не надуманная ситуация, это реальность, с которой приходится сталкиваться сегодня. В результате имеем полную зависимость от землеустроительных процедур, стоимость которых такова, что заинтересованные в сохранении наследия лица вынуждены искусственно занижать размеры соответствующих территорий, если отсутствуют средства на проведение землеустройства в полном объёме (а они всегда отсутствуют).

Объекты археологического наследия в рамках действующего законодательства обладают собственной правовой спецификой. В частности, объекты археологического наследия и занимаемые ими земельные участки находятся в гражданском обороте раздельно. Все объекты археологического наследия априори имеют федеральное значение и находятся исключительно в государственной собственности. Факт обнаружения объекта археологического наследия уже является основанием для отнесения его к выявленным объектам культурного наследия. Все эти отличительные особенности правового поля, казалось бы, предназначены для более надёжной охраны археологических памятников. Но так ли это в действительности?

Согласно ст. 54, п. 3 закона № 73-ФЗ земельный участок в границах территории объекта культурного наследия является неотъемлемой частью объекта культурного наследия, за исключением объектов археологического наследия. Недвижимые памятники археологии, получив исключительное право быть государственными, утратили право на неразрывную связь с земельным участком, частью которого они по своей природе являются, что определяет возможность фактического присвоения недвижимых объектов археологического наследия любого уровня. Другими словами, земельный участок может принадлежать частному лицу, а курганный могильник, занимающий этот участок, или найденный при нём клад золота такому лицу юридически не принадлежат. Но как можно догадаться, практически это трудно исполнимо. Это самообман общероссийского значения. Тем более что всё современное российское законодательство выстроено таким образом, что объекты недвижимости следуют судьбе земельных участков, на которых они находятся. Ограничить в чём-либо собственника земельного участка в рамках существующего законодательства очень сложно, а кон-

тролировать его — практически невозможно, что и определяет фактическое уничтожение и присвоение тех недвижимых археологических памятников, которые оказались на частных землях. Действительно, абсурдно и просто невозможно вводить в раздельный оборот с землёй то, что формирует поверхность земельного участка. Единственным утешением в этой коллизии является норма Земельного кодекса, ограничивающая оборотоспособность земельных участков, занятых объектами археологического наследия (ст. 27 п. 5 закона № 136-ФЗ). Законодатель вынужденно ввёл норму раздельного оборота, поскольку все объекты археологического наследия заведомо отнесены к государственной собственности, при том что обнаружиться они могут на участке любого собственника.

Присваивая всем объектам археологического наследия федеральное значение и статус государственной собственности, законодатель лишил это наследие иерархической структуры ценностей и обусловил массовость его представления в существующих списках памятников истории и культуры, их количественное преобладание над всеми иными типами объектов. Но археологическое наследие, как и любое другое, не может быть аксиологически гомогенным, оно разное по своему значению, и это прекрасно известно археологам. Закон искусственно поднял планку его общей ценности, приравняв все возможные вариации к единственно федеральному значению, но в действительности планка ценности упала, поскольку исключительные феномены наследия уравнивались в праве с обыденными. При отсутствии иерархии ценностей совокупность памятников археологии становится для чиновника или обывателя безликим множеством, создающим препону экономическому развитию, а значит формирует определённый стиль отношений, когда ликвидация очередной препоны просто оплачивается в рамках узаконенной процедуры под названием «охранные раскопки» и «исследование памятника под снос». Интересы создания портов, дворцов, коттеджей, терминалов и трубопроводов побеждают. Кроме того, декларируемое законом отнесение любого зафиксированного археологического объекта к выявленному объекту наследия вне каких-либо оценочных процедур при одновременной возможности произвести его снос посредством охранных раскопок дискредитирует, на наш взгляд, правовое содержание норм закона. Выделение палеокультурных ландшафтов как объектов археологического наследия и

учетных единиц для постановки на охрану целостных археологических комплексов могло бы отчасти решить проблему множественности.

В связи с правовым обеспечением охраны археологического наследия нельзя не отметить проблемы методологического характера, обусловленные историей развития археологической отрасли науки в стране. В частности, это проблема понимания археологического наследия и смысла охранных раскопок. Первым требованием к любому типу наследия является его сохранение, но для археологического наследия — это исследование и получение информации, а сохранение не является императивом. Для проведения срочных исследований и сохранения овеществлённой информации введено понятие «охранная археология». Предназначенная изначально для проведения раскопок на объектах, находящихся под угрозой уничтожения, она постепенно превратилась в отрасль обслуживания преобразующих ландшафт проектов. При этом изъятые из недр артефакты превращаются в музейные и фондовые предметы и более не являются недвижимым имуществом, поэтому не должны быть относимы к археологическому наследию в том понимании, как это трактует закон № 73-ФЗ. Охранная археология — это исследование недвижимых археологических объектов, которые обречены на уничтожение и извлечение из них артефактов. Охрана некоторого абстрактного объекта наследия может осуществляться двумя способами: либо предотвращение его разрушения и контроль сохранения *in situ*, либо то же самое *ex situ* после его изъятия из аутентичной среды и перемещения в иные условия. Понятно, что последнее можно осуществить только в отношении движимых объектов, в археологии — изымаемых при раскопках находок. Все недвижимые объекты — древние поселения, святилища, курганы, городища и т.д. и т.п. — могут быть охраняемы исключительно при условии снятия внешних угроз негативного воздействия, основная из которых на сегодняшний день — строительство. Этимология понятий вводит в заблуждение, поскольку вместо охраны объекта археологического наследия *in situ* предполагается извлечение его фрагментов, складирование их в отведённых для этого местах (если очень повезёт — в музейных экспозициях) и уничтожение самого объекта в процессе земляных и строительных работ, получающих «зелёный свет» после проведённых «охранных раскопок». Охранная археология имеет исключительное значение для археологической науки, но

не имеет никакого отношения к охране недвижимого наследия. Причём того самого недвижимого наследия, которое имеет принципиальное ландшафтообразующее значение и которое массово уничтожается с сопровождающим его «исследованием под снос», именуемым охранной процедурой.

Российская археология предпочитает работать с артефактами, с вещным миром, а не с территориальными комплексами, поэтому понятие «объект ландшафтной археологии» при выявлении наследия в ней не фигурирует, отсюда — очень слабая, буквально единичная практика комплексных работ с археологическими ландшафтами [8]. Арена древнего природопользования, расселения или отправления культа — вот что есть палеокультурный ландшафт, когда следы этих процессов запечатлены в нём и образуют системные связи. Как известно, территориальные ресурсы делятся на исчерпаемые и неисчерпаемые. Очевидно, информационный археологический ресурс ландшафта исчерпаем, как нефть. Наука получает новые сведения, представления и теории, а ландшафт утрачивает свидетельства своей истории — носителей археологической информации. Для археологов будущего наши современники оставят богатое наследие в письменных источниках и собранных предметах, но исказят информационный слой ландшафта, уничтожат важного носителя потенциальных научных открытий в археологии. Если археологические раскопки являются основным методом и объективно необходимы для развития археологической науки, то также объективно они создают угрозу целостности и сохранности палеокультурного ландшафта как объекта археологического наследия. Чтобы разрешить этот парадокс, надо признать наличие некоторого предела, ограничения археологическим изысканиям, что аналогично ограничениям промысла некоторых биоресурсов. Во многих регионах России археологическое сообщество осознаёт, что археологический памятник бесспорно подлежит раскопкам только в том случае, когда он неизбежно будет утрачен — то есть под влиянием необратимых природных процессов или в результате осуществления строительства, проведения земляных работ, направленного изменения гидрологического режима и пр. Конечно, категория «неизбежности утраты» — это тоже проблема, но уже другого порядка, и связана она с действующим законодательством и реальной защитой памятников археологии.

Очень остро стоит вопрос о музеях-заповедниках в связи с внесением изменений в закон № 54-ФЗ «О музейных фондах и музеях в Российской Федерации». С одной стороны, благодаря внесению в закон изменений музеи-заповедники получили легитимную основу для своей многофункциональной деятельности. Музеям-заповедникам в установленном порядке предоставляются земельные участки с расположенными на них объектами культурного наследия — достопримечательными местами и ансамблями (ст. 26.1). В целевом назначении музеев-заповедников закреплено «обеспечение режима содержания достопримечательного места, отнесенного к историко-культурному заповеднику, или ансамбля, сохранение в границах территории музея-заповедника исторически сложившихся видов деятельности (в том числе поддержание традиционного образа жизни и природопользования), осуществляемых сложившимися, характерными для данной территории способами, народных художественных промыслов и ремесел, осуществление экскурсионного обслуживания, предоставление информационных услуг, а также создание условий для туристической деятельности» (ст. 27). С другой стороны, территорией музея-заповедника признаётся только то, что передано ему в пользование, и то, что получило статус историко-культурного заповедника (ст. 26.1). Эта последняя норма не соответствует действительности и многолетней успешной практике работы всей системы музеев-заповедников, включая археологические. Музей-заповедник — учреждение, но его территорией до недавнего времени считались не только переданные ему земельные участки (которые вообще могли отсутствовать), а, по аналогии с национальными парками, гораздо более обширное пространство, куда входили и иные землевладельцы. Музей-заповедник как государственное учреждение контролировал соблюдение установленных режимов охраны в границах этого пространства. В большинстве случаев правовым основанием тому служила система зон охраны, часто не утверждённых. Но за последние 10 лет в связи с кардинальными изменениями всей действующей системы законодательства музеи-заповедники постепенно устранились от права такого контроля, что повлекло за собой массовые нарушения режимов землепользования. Наиболее скандально известным случаем стала застройка Бородинского поля. Как уже отмечалось, многие музеи-заповедники целенаправленно переводят территории, кото-

рые в соответствии с законом № 54-ФЗ уже не могут рассматриваться как территории музеев-заповедников, в статус достопримечательных мест, чтобы оградить ценные культурные ландшафты от необратимой трансформации. Таким образом, реальная жизнь и практика приспособляются к виртуальным химерам законодательства, вместо того, чтобы формировать законодательство по типу прецедентного права.

Обратим внимание и на некоторые устойчивые тенденции техники законодательства. Что означают чрезмерные постраничные объёмы проектов законодательных актов и далёкий от литературного русского языка стиль их изложения? Это означает сложность восприятия и понимания их правового содержания не только рядовыми гражданами, но и выборными государственными деятелями и даже отраслевыми профессионалами. Для многих участников процесса принятия и обсуждения законопроекта, в особенности для депутатов Государственной Думы, обозначенный фактор может стать непреодолимым препятствием к осознанию правовых последствий заключённых в законопроекте норм. «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» — гласит п. 3 ст. 44 Конституции РФ. Следовательно, если каждый обязан заботиться о наследии и беречь его, то он должен понимать, что такое наследие и как его надлежит беречь. Следовательно, он должен иметь возможность обратиться к соответствующему закону и в нём найти внятные и лаконичные определения и правовые нормы. Законы государственные пишутся для людей, дабы граждане страны соблюдали договорённости, принятые внутри общества во благо этому обществу. Чтобы это благо наступило, важно не столько требовать исполнения закона с помощью карательных институтов, сколько обеспечить понимание закона всеми членами общества, а не только обладателями юридических дипломов.

Излагая здесь некоторые коллизии законодательного регулирования охраны культурного наследия и, в частности, палеокультурных ландшафтов, обращаем внимание, что каким бы дурным или хорошим ни был закон, реалии жизни отражают совокупные целеустремления общества. Чтобы эти целеустремления носили более гуманный и благородный характер, профессионалы в сфере наследия не имеют права отчаиваться, но должны принять на себя заботы по разъяснению законодательно устанавливаемых правил

обращения с наследием и популяризации накопленных знаний. Очень многие нежелательные для наследия действия осуществляются не по злому умыслу, а по незнанию при избыточной платёжеспособности и избыточных статусных возможностях отдельных индивидов. Важно учитывать и то обстоятельство, что сохранение и развитие культурных ландшафтов всегда связано с интересами местных сообществ. От того, насколько местное сообщество осознаёт себя сообществом (самоидентифицируется) и осознаёт ценность своего «кормящего» ландшафта, в частности ценность его подлинности и сохранности, зависит будущее ландшафтного наследия и, в частности, палеокультурного ландшафта.

Литература

1. Краткие описания объектов Всемирного наследия. Перевод Р. Крогунца, Н. Максаковского. www.heritage-institute.ru
2. World Heritage Cultural Landscapes: A Handbook for Conservation and Management. UNESCO Papers. № 26.
3. Кулешова М.Е. Культурные ландшафты в списке объектов всемирного наследия // Известия РАН, серия географическая. №3. 2007.— С. 7—17.
4. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю. А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.— 620 с.
5. Рогожинский А.Е. О современных задачах археологии наскального искусства Казахстана и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 4(36). 2008.— С. 83—94.
6. Кызласов И.Л. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. М., 2008.
7. Кулешова М.Е. Коллизия идеального и реального в российском законодательстве // Наследие народов Российской Федерации. № 1. 2006.— С. 2—3, 38—45.
8. Гарбузов Г.П. Геоинформационные системы и дистанционное зондирование Земли в археологических исследованиях. Автореферат дис. на соис. уч. ст. канд. ист. наук. М.: Институт археологии, 2007.— 26 с.;

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск, 2007.— 260 с.; Кренке Н.А. Древнерусские памятники в долине р. Неглинной: «ландшафтная» гипотеза землепользования и данные раскопок // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 1. Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII—XIII вв./ Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов.— 2004.— С. 278—293; Паромов Я.М. Материалы к выделению культурно-исторических ландшафтов Тамани // Археологический фактор в планировочной организации территории. М.: Институт Наследия, 1997.— С. 189—213; Чернов С.З. Природное и культурное наследие долины Москвы-реки в окрестностях д. Дунино Одинцовского района Московской области (археологические и ландшафтно-археологические феномены наследия) // Саввинские чтения. М.: Северный паломник, 2007.— С. 283—290.

П.М. ШУЛЬГИН,
И.Г. ИВАНОВА,
В.Н. КАЛУЦКОВ,
С.В. ТРОЯНОВСКИЙ,
О.Е. ШТЕЛЕ

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И КОНЦЕПЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В сентябре 1862 года Российская Империя торжественно отмечала 1000-летие становления своей государственности. Основанием этой торжественной даты послужило сообщение «Повести временных лет» о призвании славяно-финскими племенами Приильменя в 862 году, после нескольких лет усобиц и раздора, скандинавского конунга (князя) Рюрика. С этой даты берёт свое начало первая царская династия России Рюриковичей, управлявшая страной более 700 лет.

Официальные торжества по поводу десяти веков Российского государства происходили в Новгороде, где в центре Новгородского кремля в присутствии императора Александра II был торжественно открыт памятник Тысячелетию России, исполненный по проекту скульптора М.О. Микешина. Бронзовый монумент, ассоциировавшийся по форме со знаменитой «шапкой Мономаха», включал скульптурные фигуры 17 выдающихся правителей России (в том числе Рюрика), а также рельефный круговой фриз со 109 фигурами наиболее известных лиц российской истории — государственных и церковных деятелей, выдающихся полководцев, деятелей культуры. Этот монумент стал одним из самых известных памятников дореволюционной России, а сам Новгород стал навсегда ассоциироваться со становлением российской государственности.

Вместе с тем, как показывают новейшие историко-археологические исследования, двор Рюрика и последующих Рюриковичей находился не в собственно Новгороде, а на том месте, которое уже историки начала XIX назы-

вали Рюриковым Городищем, имея в виду древний топоним на левобережье истока Волхова, в 2 км к югу от исторического центра города. И Городище, и Великий Новгород представляют собой места, где в IX—X веках происходили решающие события, повлекшие за собой возникновение Древнерусского государства.

Уже в наши дни значимость этого места послужила основанием связать именно с ним начало российской государственности. Следует отметить, что предыдущая круглая дата, связанная с основанием российского государства — 1100-летие России — прошла незаметно. В 1962 году династия Рюриковичей, как и другие царские династии России, была не в почёте, да и сама «легенда о призвании варягов» как начала русской государственности считалась идеологически чуждой. Однако новое время и достижения археологической науки, лишённой идеологических шор, расставили всё по местам. Прошедшее 21 июля 2011 года совместное заседание президиумов Совета по культуре и искусству и Совета по науке, технологиям и образованию при Президенте Российской Федерации было специально посвящено подготовке к празднованию 1150-летия зарождения российской государственности.

Историческая роль Рюрикова Городища

Основным торговым маршрутом, проходившим через территорию будущего Новгорода, был Балтийско-Волжский, или Восточный путь, связывавший в VIII—X вв. северную Европу с арабским Востоком через разветвлённую озерно-речную сеть Восточной Европы. Формирование этого маршрута в немалой степени является заслугой викингов, по-древнерусски, *варягов*, присутствие которых фиксируется археологическими материалами с середины VIII века в Старой Ладогe. Основными предметами торговли на Балтийско-Волжском пути были северные меха, рабы и восточное серебро. Вторым по времени, но более известным торгово-военным маршрутом, пронизавшим на рубеже X—XI вв. территорию Восточной Европы от Балтийского моря до Чёрного, стал путь «из варяг в греки», также проходивший по Волхову.

Концентрация славянского населения в Приильменье определялась относительным плодородием почв, особенно в зоне истока Волхова из озера

Ильмень. При ретроспективной оценке масштабов и характера древнего освоения истока Волхова можно отметить, что наиболее удобными для земледельческого освоения и заселения были лишь возвышенные и дренированные участки по берегам реки и отчасти её притоков. На характере хозяйственного освоения территории уже в IX—X вв. отразилась близость городского центра, жители которого испытывали потребность в пашнях и сенокосах. Другим важным фактором формирования исторической топографии территории в более поздний период (XI—XV вв.) стало непрерывное строительство монастырей и дальнейшее монастырское землепользование. Всё это в совокупности способствовало формированию ландшафта открытого типа с сохранением небольших островков леса.

Экономика славянских поселенцев, появившихся в северном Приильменье в VII—VIII вв., базировалась на пашенном земледелии, при этом родовая верхушка *новгородских словен* постепенно втягивалась в международные торговые связи, пронизавшие Восточную Европу в раннем Средневековье. Древнейшие поселения в окрестностях Новгорода возникали в верховьях реки Волхов, и уже в первой половине X века здесь существовала довольно плотная поселенческая сеть. Пространственная структура этих поселений определялась низменным характером местности, регулярно затапливаемой весенними разливами Ильменя и Волхова. Древние жители селились на холмах, тянущихся вдоль берегов Волхова и возвышавшихся над общим уровнем местности на высоту от трех до шести метров, что защищало поселения от подтопления в период весеннего половодья.

Одним из поселений, где в силу преимуществ географического положения присутствие викингов-варягов выглядит наиболее логично, было Городище — укрепленное поселение, занимавшее первый холм в истоке Волхова, на правом берегу реки. Регулярными раскопками, начатыми в 1975 году экспедицией Ленинградского отделения Института археологии (ныне Институт истории материальной культуры РАН), здесь обнаружены многочисленные артефакты — следы присутствия скандинавов, воспринимавших Городище как одно из ключевых поселений, запиравших проход из Волхова в озеро Ильмень. Общая площадь Городищенского холма составляет около 40 га. В древности возвышенность и окружающая его обширная территория фактически представляли собой остров, образованный Волховом и его рукавами — Волховцом и Жилотугом. Военно-административные функции

Городища наглядно проиллюстрированы сообщениями русских летописей, рассказывающих о призвании в 862 году скандинавского князя (конунга) Рюрика для установления мира и порядка в протогосударственной структуре славянских поселений на территории будущей Северной Руси.

Таким образом, именно с Рюриковым Городищем связано возникновение российской государственности и начало правления династии Рюриковичей. Русское название этого поселения, известное по летописям с 1103 года, не оставляет сомнений, что Городище было *старым городом*, предшественником *нового города* — Новгорода.

Решающую акцию по приданию Новгороду значения центра обширных территорий бассейна озера Ильмень осуществила в середине X века княгиня Ольга. В 946 (947) году она осуществила два военных похода в зарождавшиеся локальные центры на реках Мсте и Луге. После ликвидации местных племенных центров она установила в мстинских и лужских землях места сбора княжеской дани (погосты и дани) и, вероятно, принудила родовую знать этих центров переселиться в исток Волхова. В результате этих политических акций уже во второй половине X века роль социально-экономического центра Приильменя перешла к новому поселению — Новгороду. Впоследствии город начинает разрастаться на левом берегу Волхова вокруг христианского комплекса — Софийского собора и епископского двора. Поселение на правом берегу, находившееся в непосредственной близости от Городища и княжеской власти, являвшейся гарантом мирной торговли, стало купеческим поселком и городским торгом. Со временем за ним закрепилось название *Торговый пол*, или *Торговая сторона*, которое фиксируется в летописях с XI века. Рюриково Городище сохраняло роль княжеской резиденции вплоть до времени правления Ивана Грозного, окончательно расправившегося с Новгородом и Городищем во время опричного разгрома 1570 года.

Объекты культурного наследия на территории Рюрикова Городища и в его окружении

В древности на Городище располагался живописный ансамбль из княжеских построек и церквей, большинство из которых не сохранились. На вершине холма до сих пор возвышаются руины *церкви Благовещения*.

Храм имел большое градостроительное значение и был связан с деятельностью крупных исторических личностей.

После новгородского восстания в 1136 году, положившего конец двовластию князя и бояр, на территории Городища сохранялась резиденция князя, подотчётного новгородскому вечу. Здесь прошло детство Александра Невского, здесь останавливались Дмитрий Донской, Василий Тёмный. После присоединения Новгорода к Москве в 1478 году Городище стало загородной резиденцией великих московских князей, а впоследствии царей всея Руси.

В основании существующего храма Благовещения находятся сохранившиеся остатки храма 1103 г., возведенного князем Мстиславом Великим, сыном Владимира Мономаха. Строительство основного объема существующего здания приходится на 1342—1343 гг. Храм был заложен в месте пребывания Новгородских князей архиепископом Василием. Церковь была возведена на новом фундаменте, сдвинутом по отношению к фундаменту раннего храма. Сооружение представляет собой довольно крупный четырехстолпный, одноабсидный храм размерами 15 x 15 м. Исследователи отмечают своеобразие памятника: его ступенчатые своды в рукавах креста, наличие двухступчатых лопаток, которые затем появляются в церкви Спаса на Ильине, а также необычное решение средних прясел, где нижняя часть выложена заподлицо с лопатками. В храме впервые в XIV веке применены круглые западные столбы, форма которых восходит к круглым столбам церкви Параскевы Пятницы на Торгу. Интерьер церкви не был полностью расписан после окончания строительства, в жертвеннике храма имелась фресковая живопись конца XIV — начала XV в., ныне полностью утраченная.

Церковь получила значительные повреждения несколько столетий назад (1386, 1471, 1611—1617 гг.) и подвергалась позднейшим перестройкам. Храм капитально перестраивался в 1797 году, крупные строительные работы проводились и в XIX в. В 1797 году была разобрана верхняя часть стен, своды и барабан, было устроено плоское деревянное перекрытие, поставлен восьмигранный деревянный барабан с луковичной главкой, заложена часть окон. В 1806—1807 гг. с запада была пристроена трапезная с небольшой колокольной над папертью с приделом Сретения. Эти части перестраивались и в 1882 году.

Церковь Благовещения оставалась действующей до 1930 года. Во время военных действий 1941—1944 гг. храм был превращен в руины. К началу консервационных работ 1964 г. памятник находился в аварийном состоянии. В 1964 году были разработаны предложения по консервации памятника (Л.Е. Красноречьев), которая была осуществлена в 1964—1972 гг. В процессе консервации была проведена реставрация апсиды с конхой и кровлей.

Церковь Благовещения — объект Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО (с 1992 года). Дополнительные исследования, проведенные в 2001—2002 гг. Вл.В. Седовым показали наличие сохранившихся нижних частей стен и фундаментов церкви 1103 г. под южной стеной храма XIV в. Кроме того, раскопки последнего времени выявили значительное количество фресковой росписи XII и XIV вв., заполняющей пространство внутри и вокруг руин церкви.

На территории Городища также располагался княжеский дворец, гридница, административные и хозяйственные помещения, ремесленные мастерские, княжеские церкви. Здесь сохранялся княжеский архив, от которого дошли до наших дней сотни вислых печатей. В разное время здесь находились 6 деревянных и каменных церквей (Благовещения, св. Николая, Георгия, Козьмы и Демьяна, Михаила Архангела и Сретения). Кроме церкви Благовещения, местоположение остальных храмов не определено. Церковь Николы предположительно находилась в 270 м к северо-востоку от церкви Благовещения. Вплоть до начала XX века на ее месте сохранялся большой крест. На Городищенском холме между церквями Благовещения и Николы располагался Армакамов монастырь с церковью Георгия. Изображение Городища с плотной застройкой сохранилось на иконе XVII века «Видение пономаря Тарасия».

В XIX веке — начале XX века на месте древнего поселения существовало село Городище Никольской волости с 15 дворовыми местами, в которых проживали 116 жителей. В отличие от соседних деревень, среди занятий жителей села Городище преобладало огородничество. В селе была церковь и школа. Вдоль берега Волхова сохранилось несколько старых лип. Вплоть до недавнего времени на территории Городища располагались два индивидуальных жилых дома, один из которых сгорел в январе 2010 года.

В настоящее время часть Городища занята кладбищем (его площадь примерно 50 × 80 м). Большая часть захоронений кладбища относится

к послевоенному времени, хотя к югу от храма сохранились могилы более раннего периода. В ряде захоронений использовались закругленные цветочницы, а, возможно, и металлические кресты с более ранних захоронений конца XIX — начала XX века. Как видно из натурного обследования и материалов аэрофотосъемки, кладбище не имеет четкой планировки, при захоронении жители окрестных деревень условно придерживались порядковой системы. Узкие проходы между могилами и наличие захоронений вблизи храма затрудняет обзор памятника с северо-востока.

Систематическое изучение Городища было начато в 1975 г. экспедицией Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) под руководством члена-корреспондента РАН Е.Н. Носова. Основной интерес, в силу сохранности материала и его характера, представляют остатки, относящиеся к эпохе викингов, то есть к IX—XI векам. За последние три десятилетия Городище стало местом прохождения практики для студентов-археологов не только из России, но также из Швеции, Финляндии, Норвегии, Германии. В обработке материалов наряду с российскими коллегами принимают участие ученые из Швеции, Германии, Великобритании.

За более чем 35 лет раскопок удалось достоверно установить наличие на Городищенском холме стационарного средневекового поселения, возникшего во второй половине IX века, хотя здесь обнаружены и более ранние культурные слои, в том числе остатки неолитической стоянки (III—II тыс. до н. э.) и поселение раннего железного века (I тыс. до н. э.).

При археологических исследованиях слоев IX—X веков найдено значительное количество находок военного снаряжения и одежды викингов, атрибуты религиозной жизни языческого периода (железные гривны с молоточками Тора, бронзовые подвески с руническими надписями, серебряная фигурка валькирии и др.), арабские, византийские монеты (в том числе три клада дирхемов), стеклянные, сердоликовые и хрустальные бусы, грецкие орехи, предметы скандинавских и общебалтийских типов (равноплечные, скорлупообразные и кольцевидные фибулы), части весов, весовые гири.

В 2003 году на Городище впервые обнаружена берестяная грамота, получившая номер 950 — фрагмент письма (предположительно нескольких братьев родителям) с упоминанием князя.

С территории Городища происходит самая крупная (свыше 2 тыс. экземпляров) коллекция древнерусских вислых свинцовых печатей (булл),

которыми в средневековой Руси скреплялись различные документы. Это позволяет предполагать, что на Городище долгое время под юрисдикцией князя формировался государственный архив, в котором хранились документы по обороту земель и недвижимости новгородской республики, акты политического содержания, торговые договора и пр. Его уничтожение академик В.Л. Янин связывает с разгромом Новгорода Иваном Грозным в 1570 году. Изучение печатей открывает возможность изучения важнейших аспектов экономики и социально-политической жизни Новгорода и других русских княжеств в XI—XVI вв.

В 1998—2004 гг. экспедицией ИИМК под руководством Е.Н. Носова проводились исследования мысовой части Городищенского холма к северу от Сиверсова канала, где были вскрыты *остатки перевоземляных укреплений*, датированных второй половиной IX века. У самого основания холма были расчищены остатки двух рядов деревянных конструкций. Внутренний ряд представлял собой трехстенные дубовые срубы, незамкнутые со стороны холма. Длина внешних стен составляла до 4 м. Перед рядом этих срубов были расчищены остатки второй, внешней полосы фортификаций. Она представляла собой ряды тонких поперечных стенок, находившихся в 1—2 м друг от друга. Эти конструкции поднимались рядами вверх не менее чем на 4 м. Срубы были заполнены красноватой супесью. Эта крепость увеличила площадь холма, по её краю проходил ров, а на вершине, вероятнее всего, находился частокол (тын).

На Рюриковом Городище находится еще один достопримечательный исторический объект — *воронки от авиабомб* и снарядов времен Великой Отечественной войны. Территория Городища оказалась на линии фронта уже в августе 1941 г., и с этого времени церковь и пространство за холмом подвергались немецким обстрелам и бомбардировкам. Следы авиационных ударов являются более 10 воронок от 500-килограммовых бомб в юго-восточной части селища, где в настоящее время они представляют затянувшиеся дёрном ямы с кустарниковой растительностью.

Линия фронта проходила здесь более двух лет, фашистскими войсками неоднократно предпринимались попытки занять этот плацдарм, но, несмотря на бомбардировки и артобстрел, эта территория осталась непобежденной. На этот символический и патриотический факт следует обратить особое внимание.

В конце XVIII — начале XIX века. через южную часть Городища был прорыт *Сиверсов канал*. Масштабный проект по соединению Волхова и Мсты каналом в обход бурного озера Ильмень начался в 1797 году. Идея строительства канала принадлежала бывшему новгородскому губернатору Якову Ефимовичу Сиверсу. При Павле I Сиверс стал главным директором водных коммуникаций в Российской империи. Ему было поручено прорытие канала из Мсты в Волхов, постройка при Шлиссельбурге нового устья Ладожского канала, прорытие двух каналов для обхода озер Онежского и Ладожского — от Вытегры до реки Свири и от устья Свири до устья реки Сяси.

Отрывка Волховско-Мстинского канала заняла почти 8 лет. 17 июня 1804 г. император Александр I повелел «наименовать канал, проведенный из реки Мсты в Волхов, «Сиверсовым» — в память любви к отечеству графа Сиверса, попечением которого начат этот канал». К сожалению, первоначальный проект канала был изменён, и вместо вхождения его западного окончания в Малый Волховец, русло канала было спрямлено и прокопано прямо до Волхова. Так Рюриково Городище оказалось «разрезано» на две части: мыс и холм. Его мысовая часть навсегда оказалась отсоединена от укрепленного ещё в IX веке холма, древние культурные слои перемешаны и во многом утрачены. За прошедшие двести лет особенности грунтов и гидрологического режима привели к значительному увеличению ширины канала и к серьёзным потерям для археологии. Сам же канал является интересным памятником гидростроительства.

Еще один период строительных работ в непосредственной близости от Рюрикова Городища осуществлялся в период Первой мировой войны. По Высочайшему указу от 20 июля 1914 г. было начато строительство железной дороги Петроград—Орёл. Особенно интенсивно строительные работы развернулись весной 1916 г. (в том числе для нужд снабжения действующей армии), для них был привлечен значительный контингент чернорабочих-китайцев. С перерывами работы велись до осени 1920 г.; за это время были возведены *каменные опоры моста через Волхов* в непосредственной близости от Городища и Нередицы, а также отсыпано более 15 км железнодорожной насыпи, поднявшейся на 0,5 сажени выше критических отметок паводка. Производство работ вблизи выдающегося памятника вызвало активные протесты общественности.

Одной из особенностей Городища, характерных для древнерусского градостроительства, является неразрывная связь с ландшафтным окружением. Красотой панорамного окружения церкви Благовещения восхищался русский художник и ученый Н.К. Рерих, который оставил его описание на начало XX века. «Богатое место Городище! Кругом синие, заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом — Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулась Кремль. На Торговой стороне белеют все храмы, что «кустом стоят». Виднеются — Лядка, Волоотово, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сквородский монастырь, Никола на Липне, за лесом синее Бронница. Всё, как на блюдечке за золотым яблочком», — писал Н.К. Рерих, проводивший здесь летом 1910 года одну из первых археологических раскопок.

Эти слова — образное и важное подтверждение того, что комплекс Рюрикова Городища осознавался и воспринимался крупнейшими специалистами как несомненный культурно-ландшафтный объект, в единстве и цельности собственно памятников Городищенского холма с его архитектурным и природным окружением. Рерих отмечает, в первую очередь, открывающуюся отсюда величественную панораму Новгорода от Юрьева и бывшего Аркажского монастырей до св. Софии с Кремлём и храмами Торговой стороны за Волховом, упоминает другие объекты, составлявшие панорамное окружение Городища. Большинство упоминаемых памятников и ансамблей составляло важную часть исторического ландшафта XIV века — времени активного каменного новгородского строительства (рис. 4).

Значительный ущерб панорамному окружению Городища был нанесен в годы Великой Отечественной войны, когда пострадали и в ряде случаев были полностью уничтожены архитектурные памятники Спаса Нередицы, Кириллова монастыря, Лядского монастыря и др. В настоящее время отдельные памятники восстановлены, от других сохранились лишь урочища с руинами. Места бывших монастырей и церквей новгородской окрестности с богатым историческим прошлым и ценным археологическим слоем обладают тем не менее значительным культурным потенциалом.

В непосредственной близости от Городища находится один из шедевров древнерусской архитектуры и фресковой живописи — церковь Спаса на Нередице, построенная в 1198 г. по заказу новгородского князя Ярослава Владимировича.

Природные особенности Рюрикова Городища

Культурный ландшафт Рюрикова Городища представляет собой часть уникального природно-культурного комплекса, который обычно называют Приильменской низиной. Это *дельтовый ландшафт*, сформированный потоками древнего Волхова, который тек ранее с севера на юг. Дельтовые ландшафты — это особые, водно-земные ландшафты. Водно-земной ландшафт Приильменской низины является сочетанием водно-ледниковых песчаных холмов, межхолмовых заболоченных и обводненных понижений и пойменных проток.

Сухие холмы среди пойменных земель — идеальное место для поселений, островное убежище среди обильной рыбой и зверем поймы. Кроме того, Ильмень формирует вокруг себя более мягкий и сухой микроклимат. По этим природным причинам палеодельта Волхова осваивается ещё в неолитическое время. Судя по найденным на Городищенском холме остаткам неолитической стоянки (III—II тыс. до н. э.) и поселения раннего железного века (I тыс. до н. э.), Рюрик основал свой город не на пустом месте.

Дельтовый ландшафт представляет собой идеальное убежище, что особенно хорошо прочитывается при половодьях или осенних затяжных дождях. Холмы превращаются в трудно доступные острова. Кроме того, Рюриково городище, расположенное у истока Малого Волховца, среди дельтовых проток, осуществляло контроль торговых судов, шедших со стороны озера Ильмень.

В своем развитии ландшафт Рюрикова Городища прошел три основных этапа — адаптивно-эволюционный, конструктивно-преобразовательный и современный ценностно-охранительный.

1. *Адаптивно-эволюционный этап.* Охватывает наиболее протяженный период развития ландшафта — с III—II тыс. до н.э. до XVIII века. В течение этого этапа стратегия поведения человеческих сообществ разной этнической принадлежности (финно-угров, славян, варягов, русских) заключалась в максимальном приспособлении к ландшафту, к его ограничениям и особенностям. Актуальность такой стратегии заключалась, с одной стороны, в исключительных ресурсных возможностях Приильменского ландшафта — сочетании охотничьих, рыбных, лесных и, очевидно, водных

ресурсов, а с одной стороны, — в сложных гидрологических условиях, большой амплитуде колебаний уровня поверхностных вод в течение года.

Следы адаптивного промыслово-сельскохозяйственного поведения до сих пор хорошо читаются в Городищенском ландшафте в виде бывших пахотных и сенокосных угодий.

2. Конструктивно-преобразовательный этап. Связан с активным воздействием на природную составляющую ландшафта, что проявилось в сооружении каналов, строительстве насыпей, изменении гидрологического режима, направления и объема стока.

Его началом является совершенствование Верхневолоцкого транспортного пути. Применительно к данной территории этот проект привел к углублению основной протоки Малого Волоховца и строительству судоходного Сиверсового канала. Канал связал Мсту и Волхов и привел к существенному изменению характера стока. Большая часть объема стока Малого Волоховца перемещается в другую дельтовую протоку — в Жилотуг, позже на него переносится и сам топоним — Малый Волоховец, а прежняя существенно обмелевшая протока получает новая имя — речка Спасская (в честь близлежащего Нередицкого храма).

В процессе дноуглубительных работ вместе с археологическими памятниками была потеряна низкая мысовая часть самого Рюрикова Городища.

Через столетие другой масштабный проект (строительство железной дороги Петербург—Орёл) — затронул всю Приильменскую низину. В процессе строительства была сооружена высокая насыпь и построены опоры для железнодорожного моста через Волхов. Насыпь рассекала Городищенский ландшафт на две части — северную с небольшим холмом, на котором в историческое время находился Никольский Лятский монастырь, и южную — с Городищенским холмом. Была нарушена целостность пойменного ландшафта, а также ближние (между Ляткой, Городищем и Нередицей) и дальние визуальные связи — между Городищем, Нередицей и Новгородом.

Кроме того, было изменено течение речки Спасской (бывшего Малого Волоховца), она была перекрыта насыпью в среднем течении, и потому для нее параллельно насыпи вырыта канава, по которой и был направлен сток. Новое устье еще более обмелевшей протоки теперь находится в районе опоры так и не построенного моста через Волхов.

Свои особенные шрамы в ландшафте оставила Великая Отечественная война: длительное нахождение здесь линии фронта привело к масштабным разрушениям архитектурных памятников Новгорода, в том числе Благовещенской церкви на Рюриковом Городище. Следы войны хорошо читаются в Городищенском ландшафте не только в виде руинированной церкви, но и по местонахождению многочисленных крупных воронок от авиабомб и артиллерийских снарядов, образовавшихся при немецком обстреле позиций Красной армии.

Существенные физические преобразования ландшафтов Приильменской низины продолжились и во второй половине XX века: были проведены широкомасштабные мелиоративные работы, выкопаны пруды, построены автомобильные дороги, глубокой тракторной вспашкой срыт холм на месте городищенской Никольской церкви.

3. Ценностно-охранительный этап. Элементы охранительного отношения к культурному и природному наследию территории прослеживаются на протяжении всей ее истории. Но системный подход в этой сфере реализуется начиная со второй половины XX века. В результате многие монастыри и храмы Прильменя (Юрьев монастырь, Перьнь, церковь Спаса на Нередице и другие) были восстановлены, проведены масштабные археологические исследования, разработаны и реализуются туристские проекты. Само Городище в течение многих десятилетий продолжает привлекать внимание археологов.

С другой стороны, в связи с общими процессами депопуляции сельского населения деревня Городище практически прекратила свое существование (остался лишь один дом). Прекращение примерно с 1980-х гг. селитебной и сельскохозяйственной нагрузки на территорию приводит к мутированию (натурализации) ландшафта — уголья зарастают, протоки не чистятся, заболачиваются и мелеют.

Требуется системный подход не только к отдельным памятникам и угольям, необходимо поддержание всего ландшафта в целом, включая восстановление и консервацию.

Выше говорилось, что Городищенский ландшафт — это дельтовый ландшафт, сформированный потоками древнего Волхова, текущего с севера на юг. Однако современный Волхов течет с юга на север, к Ладожскому озеру.

Перехват долины и смена направления течения реки произошли примерно 6 тысяч лет назад. Поэтому данный ландшафт точнее назвать палеодельтовым, или антидельтовым ландшафтом, имея в виду, что Волхов течет вспять, из бывшей дельты к бывшему истоку.

Однако Приильменье — это не только ландшафт-память. Примерно раз в 100 лет создаются условия (низкий уровень воды в озере Ильмень в сочетании с дружной весной и быстрым снеготаянием), когда Волхов поворачивает вспять, словно «вспоминая» свою молодость. Эти явления фиксировались в летописи, вызывая у современников тревожные предчувствия. Волхов тек вспять в 1063, 1162, 1176, 1373, 1376, 1415, 1525 гг. В советское время подобное явление наблюдали в 1960 г.

Такой реки с такой естественной историей, свойствами и дельтой (точнее, антидельтой) нет нигде в России. А в целом можно утверждать, что территория Приильменья, включая Городищенский холм, представляет собой уникальный природно-культурный комплекс.

В течение последних двух столетий Городищенский ландшафт претерпел существенные изменения и преобразования. Однако окрестности Рюрикова Городища, несмотря на близость крупного города, хорошо сохранили свои ландшафтные особенности. Существенно исказило облик территории и направление речного стока строительство железнодорожной насыпи в начале XX века. Наибольшие нарушения связаны с разделением единого пойменного комплекса, связывающего Лядский и Городищенский холмы, изменением стока речки Спасской, нарушением вековых визуальных связей. Среди современных агрессивных в отношении ландшафта действий следует назвать сооружение зданий Водоканала на левом берегу Волхова.

Целостность Городищенского ландшафта задается принадлежностью к единой территории, одному пойменному острову, расположенному в пределах «антидельты» Волхова и имеющему естественные (водные) границы. Исходя из этого природно-культурный Городищенский ландшафт должен включать:

Городищенский холм с мощным культурным слоем средневековых городища и селища, остатками храмов XII и XIV веков (церковь Благовещения), со следами деревни Городище, кладбищем, зарастающими пашнями и лугами;

- небольшой Лядский холм с культурным слоем древнего Никольского монастыря и зарастающими лугами;
- межхолмовые заболоченные понижения с небольшими пойменными протоками;
- часть железнодорожной насыпи от Волхова до поворота речки Спасской;
- часть Сиверсова канала от Волхова до истока речки Спасской.

Стратегические цели и задачи сохранения и использования наследия Рюрикова Городища

В XIX веке Рюриково Городище стало одним из самых популярных объектов научного и художественного интереса в России. Уже тогда нарастало понимание того, что запустение этого места никак не соответствует его значению в истории России. «Где была когда-то резиденция князя Рюрика и последующих новгородских князей в летнее время, затем загородный дом князя А.Д. Меньшикова, — там теперь небольшое бедное село, называемое "Рюриково городище" и промышляющее огурцами...» — так описал состояние Городища в 1911 г. делегат XV Всероссийского археологического съезда В.Е. Рудаков.

Похожая ситуация сохраняется и сейчас, спустя столетие. Долгий период небрежения к древним памятникам и разрушения Великой Отечественной войны оставили от Городищенского холма практически незаселенное и пустое место. Вместе с тем памятники Рюрикова Городища, свидетельствующие о начале государственности России, сохранились и могут стать наглядным повествованием о событиях древнейшей российской истории (так же, как и древние памятники Греции, Рима, Карфагена).

Начавшиеся в 1930-х годах археологические раскопки Новгорода явились, по сути, вторым рождением древнего города и открыли миру яркую и самобытную культуру средневековых новгородцев. Уже в то время руководители совместной экспедиции МГУ и ГАИМК (Государственной Академии истории материальной культуры в Ленинграде) писали: «Раскопки 1932 года в Новгороде доказали окончательно, что Новгород может и должен стать местом больших стационарных раскопок, подобно античным

городам. Сохранность разновременных деревянных сооружений открывает блестящие перспективы. Древний деревянный Новгород лежит под землей и ожидает раскопок. Дома, мастерские, лавки, дворы, улицы вечернего периода — все это из области сказочной романтики перейдет в область науки»¹. В перспективе Рюриково Городище как уникальный исторический памятник, несомненно, должно стать объектом особой патриотической значимости, местом притяжения и паломничества россиян.

Рюриково Городище как значимый памятник и достопримечательное место, связанное с ключевыми событиями российской истории, нуждается в достойной музеефикации, тщательном сохранении следов древней истории и сбережении того удивительного ландшафта, который вызывал восхищение все прошлые столетия. При музеефикации объектов культурного наследия на территории Рюрикова Городища следует представлять, что какое-либо строительство на самом Городищенском холме практически невозможно по двум существенным ограничениям:

- близкий уровень грунтовых вод, заболачивание и затопление значительной части Городищенского холма во время половодья;
- режимы зон охраны двух выдающихся памятников истории и культуры — церкви Благовещения и церкви Спаса на Нередице, входящих в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Предлагаемая концепция музеефикации Рюрикова Городища исходит из того, что форма и способы сохранения и использования историко-культурного наследия этого древнейшего поселения России должны полностью отвечать требованиям, предъявляемым к объектам из списка Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Проектируемый здесь музейно-культурный комплекс по уровню музейных и туристских предложений должен обеспечить высокую привлекательность для посетителей при сохранении уникального культурного ландшафта.

Подходы к такой музеефикации уже отработаны в Европе. Музей под открытым небом Рюриково Городище, подобно своим аналогам — поселениям эпохи викингов в Северной Европе: Бирка (Швеция), Хедебю (Германия), Рибе (Дания) и другим — должен включать в себя собственно памятник археологии — древнее укрепленное поселение с валом

¹ Арциховский А.В., Каргер М.К. Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом // Проблемы истории материальной культуры. № 1—2. 1933. С. 64.

и рвом IX—XI вв., а также храмовый ансамбль Благовещенской церкви и её ландшафтное окружение с близлежащими архитектурными памятниками (Спасо-Нередицкой церковью, бывшим Лядским монастырем и др.).

В случае с Рюриковым Городищем, когда в его границах существует комплекс разнообразных археологических памятников, относящихся к различным эпохам — от неолита до позднего средневековья, необходимо обозначить наиболее важный в историческом и культурном смысле объект, который выступил бы в роли связующего элемента этого обширного комплекса. В данном случае наиболее важным является роль Городища на стадии возникновения и оформления политической структуры Древнерусского государства (IX—X вв.), поэтому именно вокруг неё и должен концентрироваться показ археологизированных, архитектурных и ландшафтно-топонимических древностей.

Реализация этой поставленной задачи базируется на следующих основных положениях.

1. *Культурно-ландшафтный подход.* Вся территория Городищенского холма должна рассматриваться как единый культурно-ландшафтный комплекс, где необходимо исключить негативные диссонирующие вмешательства и нарушение ландшафта. Этот культурно-ландшафтный объект включает не только археологические и архитектурные памятники, но и более поздние культурные наслоения, связанные с существовавшей здесь деревней, со следами работ по строительству канала, а также памятники природы и прибрежный волховский ландшафт.

2. *Современная музеефикация.* Существующая ситуация с сохранением культурного наследия на Рюриковом Городище не отвечает его историческому потенциалу. Предполагается провести научную и щадящую музеефикацию на самом Городище, подготовив к показу систему ландшафтных объектов (остатки рва, валов, фундаментов и пр.), а также предложить создание специализированного музея. Его строительство необходимо осуществить на некотором удалении от городища, по пути к нему. Предполагается, что здесь будет не просто музей находок с Рюрикова Городища, а музейный комплекс, посвящённый раннему периоду истории России, связанный с археологией, историей, архитектурой и искусством Новгородской земли.

Создание нескольких музеефицированных объектов позволит достаточно равномерно распределить посетителей по исторической территории и за ее пределами, избежать чрезмерных нагрузок на отдельные объекты. Это преследует также еще одну важную цель — формирование разнообразного культурного и туристического предложения, которое позволит посетителю задержаться в этом месте на несколько часов. Благодаря этому формируются предпосылки для более эффективной в познавательном и экономическом смысле организации обслуживания.

3. *Превращение Рюрикова Городища в один из ведущих российских (а в перспективе мировых) туристических объектов с продолжением преемственности традиций крупнейших международных связей и контактов.* Историческое значение Рюрикова Городища и его древние международные связи (путь «из варяг в греки», волжский путь и др.), а также прямая связь с историей Великого Новгорода делают эту задачу выполнимой. Рюриково Городище может полнее представить «археологическую историю» Великого Новгорода и стать в перспективе важной и обязательной точкой городского туристского посещения. Перспективное развитие получают различные формы культурно-познавательного туризма, научный туризм, международные контакты со скандинавскими странами, с регионами бассейна Днепра и Волги.

4. *Создание научного центра, объединяющего идею научных исследований на базе историко-культурного комплекса Рюрикова Городища и выдающихся архитектурных памятников его окружения.* Использование потенциала историко-культурного наследия Рюрикова Городища имеет чрезвычайно важное значение не только для патриотического воспитания, но и для развития науки. В связи с этим в перспективе намечается формирование на базе создаваемого музейного комплекса при Рюриковом Городище научного (международного) центра по изучению древнерусской истории и культуры.

Рекомендуемые проекты и мероприятия по сохранению и использованию наследия Рюрикова Городища

Церковь Благовещения — главный объект Рюрикова Городища. Она является ценнейшим объектом культурного наследия — своеобразным сви-

детелем древнего времени процветания этого места. Памятник нуждается в проведении первоочередных консервационных работ.

В настоящее время существуют две основных версии дальнейшей судьбы храма: консервация и реставрация.

Остатки храма могут демонстрироваться в современном руинированном состоянии при осуществлении надежной консервации. Даже в таком виде они производят величественное впечатление. Подобный подход к сохранению остатков исторических сооружений принят во всем мире. Главным достоинством первого пути является возможность сохранения культурной аутентичности объекта, что особенно важно для памятника, включенного в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Однако, по мнению ряда специалистов, методика консервации руинированных объектов до сих пор несовершенна, и проведения консервационных работ может быть недостаточно для обеспечения физической сохранности памятника.

В случае проведения реставрационных работ появляется возможность сохранения памятника как целостного художественного объекта, что особенно важно в условиях ландшафтного комплекса. Проект реставрации памятника разработан в 1973—1978 гг. известным реставратором Л.Е. Красноречьевым в двух вариантах, первый из которых предусматривает воссоздание памятника на XIV век, второй — на довоенный период.

Недостатком второго пути (реставрации) является возможная потеря культурной аутентичности памятника. В отличие от храма Спаса Нередицы, реставрация которого основывалась на довоенных обмерах и получила международное признание, для церкви Благовещения на Городище такая документация отсутствует, поэтому не все части проекта убедительно аргументированы и безоговорочно признаны специалистами по древнерусской архитектуре. Так, по мнению доктора архитектуры Вл.В. Седова, «неустойчивость, неясность, постоянное смещение деталей» — характерные черты новгородской архитектуры XIV в. — делают недоверенными попытки воспроизведения неизвестных форм храма по аналогии с другими архитектурными объектами, что неизбежно при отсутствии точных и достоверных обмерных чертежей. Седов оставляет открытым вопрос о форме завершения храма (хотя Красноречьев предположил позакомарное покрытие), форме сводов на всех углах, полагая, что наличие коробовых сводов документировано только на восточных углах компартиментов.

Представляется, что реставрация церкви Благовещения должна пройти в два этапа. На первом этапе (2011–2012 гг.) необходимо остановиться на мерах по неотложной консервации памятника. На втором этапе должна быть осуществлена повторная экспертиза проекта Л.Е. Красноречьева по реставрации церкви Благовещения на Городище с учетом последних публикаций и результатов археологических исследований и принято решение о возможности полного восстановления памятника.

Помимо осмотра церкви Благовещения чрезвычайно интересным объектом могут стать собственно места археологических исследований и находок. Предполагается музеефикация нескольких объектов.

Фундаменты древних храмов — музеефицированный объект. Вскрытие и консервация фундаментов древнейшего храма, возведенного на этом месте в 1103 г., а также фундаментов церкви Благовещения XIV в. дадут возможность создания подземного музеефицированного пространства, перекрытого сверху (возможно, прозрачным материалом) и оснащенного входом и выходом для посетителей, небольшими музейными витринами.

Здесь могут быть созданы несколько ходов у подземных стен древней части памятника (в виде своеобразного лабиринта), где будут демонстрироваться собственно части фундамента, представлены плинфа и кирпичи, керамика, другой подлинный материал. Посетитель этого подземного музеефицированного археологического раскопа увидит тип кладки, характерный для разного времени строительства церкви, сможет прикоснуться к камням, хранящим «следы времени возникновения российской государственности».

Следует учесть, что мощность подземных сохранившихся частей храма огромная. В настоящее время мы не видим фундаментов, видны только нижние части стен разрушенной церкви. Также без пояснения специалиста сейчас трудно представить, что фундаменты постройки 1103 года практически в 3–4 раза превосходят по площади фундаменты современной руинированной церкви. Старинный храм был огромным, и подземный осмотр его подлинных частей сможет стать наиболее ярким впечатлением от посещения Рюрикова Городища.

Крепостной ров — это также перспективный музеефицированный объект, интересный для показа. В перспективе предполагается оборудование подземного музеефицированного пространства для демонстрации

устройства древнего рва городища (XI в.), участка крепостного вала и археологической стратиграфии раскопа (от подстилающей поверхности до поздних горизонтов культурного слоя). Для этого необходимо предусмотреть устройство обзорной площадки, входа и выхода для посетителей из раскопа.

В настоящее время ведутся археологические раскопки рва к востоку от собора, рядом с кладбищем. Этот участок не очень подходит для музеефикации, так как ров был заложен в легком песчаном грунте. Однако на первом этапе (на время проведения археологических исследований в этом месте) здесь может демонстрироваться собственно археологический раскоп, выявленные детали оборонительного сооружения, некоторые находки текущего сезона.

Такой музеефицированный объект — «действующий археологический раскоп» — по сути, является достаточно интересным и привлекательным для посетителей, особенно школьников. Он позволяет показать специфику труда археологов, структуру культурного слоя, вносит «живой» элемент в посещение объекта культурного наследия.

В дальнейшем, по мере археологических исследований, музеефикация рва и вала может быть осуществлена в другом месте, где этот элемент древнего городища выражен более эффектно.

Печь для обжига кирпича может также стать интересным музеефицированным археологическим объектом. Эта нечасто встречающаяся археологическая находка обнаружена на Городище, и примечательно, что она имеет прямое отношение к строительству в прошлые века именно каменных храмов. Можно говорить, что участок с печью — это фактически «стройплощадка» храма 1103 года. На основе имеющихся данных возможно осуществить достоверную реконструкцию древней (XII в.) печи, здесь же могут быть показаны дошедшие до нашего времени куски плинфы с сохранившимися следами ладоней и ступней новгородцев, отпечатавшимися в глине растениями и даже следами домашних животных — своеобразными посланиями, дошедшими через несколько столетий до нашего времени.

Крепостная стена Рюрикова Городища. По мнению специалистов, возможна реконструкция небольшого участка деревянной крепости с обустройством здесь смотровой площадки. Место для этой реконструкции

предполагается на возвышенном участке Городища (предполагаемый участок вала), на берегу Волхова.

Такая реконструкция целесообразна с нескольких точек зрения: она поможет укрепить подмываемый в половодье берег и одновременно создаст акцент для восприятия Городищенского холма с воды (в настоящее время туристы видят Рюриково Городище, в основном проплывая мимо него на прогулочном теплоходе). Она также поможет создать у посетителей представление о древних фортификационных сооружениях. Кроме того, невысокая реконструированная крепостная стена поможет оформить смотровую площадку на Городище, с которой откроется живописный вид на Волхов, на Юрьев монастырь, а также на Новгородский кремль.

Очень важно, чтобы эта реконструкция основывалась на научных исследованиях, а не представляла некую фантастическую постройку. В архитектуре площадки следует отказаться от использования высотных элементов, которые могут нарушить обзор церкви со стороны Волхова, высота её должна быть символичной и не контрастировать с высотой руинированной церкви.

Памятный знак, повествующий о древности этого места и его уникальном значении в становлении российской государственности. Он может рассматриваться в перспективе как один из значимых объектов на Городище. Возле этого знака будут проходить официальные церемонии, он станет своеобразной ключевой точкой экскурсионного посещения городища.

Предполагается его установление именно на смотровой площадке возле реконструированного участка стены. Архитектурные формы знака должны быть достаточно простыми, чтобы избежать возможной «конкуренции» с историческими памятниками. Скорее всего, это будет плоский валун или лежащая каменная стела с мемориальной надписью.

Следы героических событий Великой Отечественной войны. Необходимо отметить и такой факт, имеющий несомненное патриотическое значение, что эта территория, давшая начало российской государственности, находилась на передовом крае обороны и не была отдана врагу. Необходима расчистка ландшафтных следов войны (воронок от авиабомб) и установление памятного знака с надписью, свидетельствующей о героизме советских солдат. В перспективе необходимо также обследование на предмет обнару-

жения оборонительных сооружений — траншей, оборудованных окопов — и их включение в мемориальную ландшафтную экспозицию.

Выделение исторических объектов и исторических границ на Рюриковом Городище. Памятные знаки (кресты или мемориальные камни) должны быть установлены:

- на месте Никольской церкви,
- на месте Аргмакова монастыря,
- в местах обнаружения археологическими методами других исторических архитектурных объектов.

Также рекомендуется провести трассировку установленных границ древнего городища и селища невысокой растительностью, тропинкой или какими-то другими знаками. Эти отметки будут свидетельством масштабов древнего поселения и масштабов его заселенности и будут показывать, что здесь была не только единственная церковь (какое впечатление создается сейчас).

Благоустройство кладбища. Кладбище в настоящее время не является объектом культурного наследия, хотя в принципе старые кладбищенские территории заслуживают подобного статуса. К югу от храма сохранились могилы раннего времени, некоторые детали оград и кресты относятся к концу XIX—началу XX века. Первоначально намечалась полная ликвидация кладбища, однако, по гуманитарным соображениям и социальным последствиям такое радикальное решение нецелесообразно.

В качестве первоочередной меры необходимо закрыть кладбище для захоронений (в таком случае оно может быть ликвидировано через 25 лет после последнего захоронения), а кроме того перенести часть захоронений по желанию родственников и благоустроить кладбище. Необходимо ликвидировать высокие металлические ограды захоронений и заменить их невысокими оградами, сохранить обложенные дерном могильные холмы и памятники. Также следует установить ограничения на высоту и форму мемориальных памятников. Желательно установить традиционные ажурные металлические или простые деревянные кресты или невысокие надгробные плиты. Территория кладбища может быть фиксирована невысокой оградой, она одновременно может выполнять функции маркировки возвышенной части Городища. После благоустройства и ограничения территории кладбище

станет обычным ландшафтным элементом при церкви и не создаст диссоциирующей ассоциации.

Памятный знак у Сиверсова канала. Целесообразно установить небольшой обелиск с информацией о времени постройки и значения этого канала при входе в него со стороны Волхова. Такая практика существовала для многих подобных объектов в царской России. Она уместна и для этого исторического гидротехнического сооружения.

Музеефикация сооружений в 1916 году опор для моста через Волхов. Эти технические сооружения, которым скоро исполняется сто лет, уже могут рассматриваться как объекты культурного наследия. В любом случае их расположение по отношению к Рюрикову Городищу должно быть учтено и использовано на благо историко-культурной территории. Предлагаются следующие варианты использования мостовых опор:

- сооружение *смотровой площадки* на первой от берега мостовой опоре;
- создание панно «*Великий Новгород в системе великих исторических торговых путей*» на второй мостовой опоре; панно лучше сделать в форме рельефа, не выступающего за пределы опоры. Целесообразно изобразить карту торговых путей средневековой Европы, включив несколько реплик древних рисунков (например, с изображениями кораблей). Панно впишется в каменную структуру опоры и добавит познавательной информации.

Церковь Спаса Преображения на Нередице. Выдающийся архитектурный памятник и архитектурная доминанта, воспринимаемая совместно с церковью Благовещения на Городище. В настоящее время входит в состав Новгородского музея-заповедника. Необходимо благоустройство окружающей территории, а также тщательный контроль за строительством и использованием земельных участков в деревне Спас-Нередица с целью соблюдения охранных зон памятника (дефицит селитебной территории провоцирует нецелевое использование земельных участков: земли сельскохозяйственного использования жители застраивают).

Археологический памятник — сопка. Предполагается реконструкция этого археологического памятника, типичного для данной территории. Сопка, окончательно снесённая при раскопках В.Я. Конечного в 1979 г., должна стать важным ландшафтным элементом территории, дающим представ-

ление о погребальной культуре социальной элиты древнерусского общества накануне христианизации.

В 1979 г. новгородским археологом В.Я. Конецким были произведены небольшие раскопки искусственной насыпи, сохранявшейся до конца 1970-х гг. к северо-востоку от церкви Спаса на Нередице. Размеры насыпи составляли 15—18 м в диаметре, при внешней высоте всего 0,5—0,7 м. До этого было известно, что в процессе строительства насыпи железной дороги в 1916—1917 гг. был разрушен могильник древнерусского времени (XI—XII вв.), расположенный в северной оконечности Нередицкого холма, то есть на трассе дороги. В процессе рытья карьеров в частные коллекции, а также в различные музейные собрания поступали предметы погребального инвентаря, керамические сосуды и пр. В настоящее время частично эти находки представлены в археологических фондах Государственного Русского музея, но произошедшая с ними депаспортизация лишает исследователей возможности их корректного научного использования. Целые комплексы находок вообще отсутствуют.

Тем не менее, основываясь на материалах синхронных памятников (в частности, Деревяницкого могильника), В.Я. Конецкий признаёт грунтовый тип Нередицкого могильника, что было характерно для центральных районов Новгородской земли в XI—XII вв. По составу инвентаря могильник у Нередицы является типичным памятником пригородной земли, где отразились традиционные черты древнерусского погребального обряда с явным воздействием раннегородской культуры. На это указывают характерные украшения, амулеты и предметы мужского убора.

«Нередицкий могильник является некрополем одного из пригородных сёл и вряд ли имеет непосредственное отношение к Рюрикову городищу. О древней обитаемости этих мест говорит наличие сопки — таков итог исследования В.Я. Конецкого. Сопки, как погребальные насыпи славянского населения дохристианской поры хорошо известны исследователям северо-запада России, где их сохранились сотни. Особенности устройства этих насыпей изучены в многочисленных раскопках, что даже позволяет представить технологическую схему их сооружения.

Внутренние конструкции сопки, сочетающие грунтовые слои с каменными выкладками и прослойками дёрна, их типологические различия

(В.П. Петренко, например, выделял 4 типа), а также присутствие следов влияния скандинавского мира на погребальный обряд, делает особенно актуальным воссоздание сопки на Нередидском холме, рядом с Рюриковым Городищем. Восстановленный пример сопкообразной насыпи мог бы вместе с другими достопримечательностями составить единый, безусловно интересный историко-археологический и архитектурный комплекс. Воссоздание нередидской сопки видится тем более актуальным, поскольку ближайшие к Новгороду памятники такого рода (Хутынъ, Береговые Морины) в настоящее время в значительной мере разрушены и не дают представление об этом уникальном пласте новгородских древностей.

Сопка может быть реконструирована в габаритах насыпей, известных на северо-западе (высотой примерно от 3—6 до 10—12 м при диаметре около 30—40 м). Поскольку погребальные сооружения древних славян имели внутренние конструкции и, по сути, являлись архитектурными сооружениями, может быть предложен вариант воссоздания насыпи с внутренней «прорезью», которая давала бы возможность увидеть внутреннюю структуру этого типа могильных курганов Древней Руси.

Место бывшего Николо-Лядского монастыря. При возможной ликвидации железнодорожной насыпи со стороны Городища открывается прямой вид на место Николо-Лядского монастыря. При таких условиях он становится единой частью природно-ландшафтного Городищенского комплекса. Остатки монастыря должны быть выявлены на местности, необходимо проведение археологических исследований с последующей консервацией и музеефикацией находок. К этому месту должна подходить экскурсионная тропа.

Площадка для проведения массовых мероприятий. Она не должна находиться непосредственно на самом городище, в связи с ценностью этого места и возможностью нанести ущерб объектам культурного наследия. Ранее описанная смотровая площадка и памятный знак могут быть использованы для торжественных случаев, но не массовых. Для проведения городских праздников, концертов, исторических военных реконструкций целесообразно использовать другое место, за пределами культурного слоя. Предлагается два варианта:

на самом Городище в его восточной части;

за пределами Городища, на лугу, недалеко от церкви Спаса на Нередице.

Визит-центр и музейный комплекс располагаются за пределами Городищенского холма.

Визит-центр целесообразно разместить при подъезде к Городищу со стороны Спас-Нередицы. Эта точка, до которой будут доезжать туристские автобусы и личный автотранспорт, а далее путь на Городище будет пешим (индивидуальный или в составе экскурсионной группы).

Это важнейший компонент туристической структуры, выполняющий организационную и сервисную функцию. Он предлагает посетителям всю необходимую предварительную информацию о достопримечательностях на Городище, осуществляет заказ экскурсий, обеспечивает туристов информационной и краеведческой литературой, туристскими картами, сувенирами. При нем располагается стоянка автотранспорта, кафе, туалеты. Визит-центр оказывает посетителям другие услуги (например, бронирование мест в гостиницах, билетов на транспорт и культурные мероприятия).

Учитывая близость к достопримечательному месту, здание визит-центра не должно быть высоким. В данном случае его целесообразно спрятать в складках местности (разместив, например, при железнодорожной насыпи или возле бывшего карьера). Архитектура визит-центра может перекликаться с «Красной избой» в Великом Новгороде, показывая общность функций данных объектов.

На первых порах, до завершения создания музейного комплекса, визит-центр может иметь музейную экспозицию, рассказывающую о Рюриковом Городище, его архитектурном и археологическом окружении, показывать интересные археологические находки и предвирать посещение Рюрикова Городища.

Музейный комплекс. Это один из наиболее важных проектов, связанных с Рюриковым Городищем (хотя он и не будет располагаться собственно на Городищенском холме). Выявление и сохранение наследия Рюрикова Городища невозможно без достойной музейной составляющей, и создаваемый здесь музей должен в полной мере отвечать уникальному значению Рюрикова Городища в русской истории и в становлении российской государственности.

В перспективе здесь будет не просто музей находок с Рюрикова Городища, а музейный комплекс, посвящённый раннему периоду истории России, связанный с археологией, историей, архитектурой и искусством Новгородской земли — чрезвычайно важного и плодотворного периода российской истории. Это должен быть музей национального значения.

Музейный комплекс, который предполагается сформировать при подъезде к Рюрикову Городищу, можно назвать *археолого-архитектурным музеем*. В состав его экспозиции могут войти следующие разделы:

— *археологическое и архитектурное наследие территории* (с показом истории заселения и археологических особенностей северо-запада, системой расселения вокруг Новгорода, историческим макетом Рюрикова Городища и окружающих его участков, на котором показаны все ранее существовавшие городища, церкви и монастыри, с макетами выдающихся церквей, реконструкциями древних археологических памятников — длинных курганов и сопок);

— *великие торговые пути* (экспозиция о пути «из варяг в греки», Великом волжском пути, торговые и культурные связи, роль Новгорода в международной политике и экономике);

Рюриковичи (информация о династии Рюриковичей, ее формированиях, персоналиях);

— *памятная экспозиция о событиях Великой Отечественной войны;*

— *восстановление великих памятников культуры Новгородской земли* (экспозиция, показывающая военные разрушения памятников истории и культуры, их реставрацию, в том числе и реставрацию знаменитых новгородских фресок; в музее могут найти достойное место многие восстановленные фрески, желательно показать методы их воссоздания).

Следует подчеркнуть, что в настоящее время в России фактически нет национального археологического музея. Его роль в определенной степени играют Государственный исторический музей, Эрмитаж, но главный упор в их экспозиции все же делается не на археологическую составляющую. Археологические экспонаты находятся и в Новгородском музее-заповеднике, однако и здесь посетителей более привлекают исторические разделы, иконопись, собственно памятники архитектуры Великого Новгорода.

Создание подобного музея предполагает также строительство специального *депозитария для хранения археологических находок*. Это важней-

шее условие существования современного крупного музея археологической направленности. Строительство такого депозитария позволит сконцентрировать находки, сделанные различными археологическими экспедициями в регионе в одном месте (сейчас они зачастую расплываются по разным научным центрам), создать условия не только для их хранения, но и для тщательного изучения специалистами (включая зарубежных ученых).

Предполагаемый музейный комплекс при Рюриковом Городище может стать именно крупнейшим специализированным археологическим музеем. Интересно, что схожая идея высказывалась еще в 1930-х годах, когда предполагалось создать подобный музей на базе древних архитектурных памятников Новгородской земли (церквей в Спас-Нередице, на Волотовом поле, в Ковалёве, на Городище и в связанном с ними районе археологических памятников). Очень важно, что в музее также появляется возможность выставить уникальные новгородские фрески, которым пока не находится другого места (музей фресок пока не создан). Здесь же может находиться и научно-реставрационная мастерская.

В окружении этого музейного комплекса могут размещаться научные реконструкции поселений викингов и славянских поселений, центр ремёсел с кузнечными, керамическими и другими мастерскими, гостиница в формах исторического реконструированного объекта, заведения занимательного питания и пр., как это уже существует в ряде археологических музейных комплексов Скандинавии и Западной Европы. В перспективе рядом с территорией музейного комплекса может быть создан Музей природы и зоопарк (Новгородский музей-заповедник в настоящее время не имеет природного отдела, зоопарка в городе также нет).

Такого рода музейный комплекс будет формироваться как национальный археолого-архитектурный музей, как научно-методический центр, привлекающий российских и зарубежных специалистов, а также как очень интересный многофункциональный туристско-экскурсионный объект. *Проектирование и организация этого объекта заслуживают пристального внимания со стороны федеральных органов культуры, им следовало бы объявить международный конкурс на музейный проект, а также создать условия для международного сотрудничества по его реализации.*

Размещение музейного комплекса предполагается у современного населенного пункта Шолохово (примерно в 3 км от Городища). К этому месту подходит асфальтированная дорога, подведены все инженерные сети и, таким образом, уже существуют предпосылки формирования необходимой инженерной инфраструктуры.

Для самого Рюрикова Городища инфраструктурные проблемы стоят очень остро. В настоящее время к нему большую часть года трудно подъехать (в период половодья оно полностью отрезано от суши), нет здесь и речных причалов. Реализация проектов по созданию инфраструктурных объектов на Городище и приведение в порядок самой территории должны быть поставлены в число первоочередных мероприятий.

В качестве подобных инфраструктурных проектов рекомендуются следующие.

Организация причала рейсовых и туристских теплоходов на Волхове у Городища. Для причала целесообразно использовать место ранее существовавшей пристани, недалеко от железнодорожной насыпи и мостовых опор. Устройство причала рейсовых и туристических теплоходов на самом Городище (как это было сделано в 2010 г.) недопустимо по условиям сохранения объекта культурного наследия и ландшафтного облика Рюрикова Городища. Для лодок и небольших катеров может быть создан причал со стороны Сиверсова канала.

Очень важным является организация пешеходных дорожек по территории Рюрикова Городища, позволяющих осматривать исторические объекты без ущерба для культурно-ландшафтного облика территории. На городище должна быть создана система дорожек и смотровых площадок, направляющих движение одиночных туристов и организованных групп.

Необходимо строительство моста для прохода на Рюриково Городище со стороны Волховского причала. Конструкция моста должна быть определена после решения о том, оставлять или засыпать протоку, которая в настоящее время течет вдоль железнодорожной насыпи.

Необходим также легкий пешеходный мост из деревянных конструкций для прохода на Рюриково Городище из села Спас-Нередицы. В период половодья этот мост будет сниматься.

Очень важной работой является понижение железнодорожной насыпи недостроенной железной дороги, закрывающей видовое пространство

между Рюриковым Гордищем и Великим Новгородом. Требуется не только расчистка ее от деревьев, но и ликвидация практически всей насыпи вдоль Рюрикова Городища. Решение этой проблемы облегчается в связи с тем, что материал насыпи может быть использован для прокладки дороги с улучшенным покрытием со стороны Шолохово к территории городища (фактически к мостовым опорам).

Понижение железнодорожной насыпи делает актуальным вопрос о *расчистке и восстановлении русла Малого Волховца и Спасской протоки*, перекрытой этой насыпью. Это чрезвычайно важное инженерное мероприятие, которое значительно улучшит дренажное состояние территории и восстановит исторический ландшафт.

Необходимы также *мероприятия по предотвращению абразии и снижению разрушения берегов под влиянием волн*. В настоящее время происходит значительное подмывание берегов, которое угрожает археологическому памятнику; обрушения и утраты происходят каждый год. Берега при выходе Сиверсова канала в Волхов должны быть укреплены.

Совершенствование энергоснабжения. Сейчас по территории Рюрикова Городища проходит линия электропередачи (провода на столбах). Она, несомненно, нарушает ландшафтный облик городища. Необходима её замена на подземный кабель.

Еще одним диссонирующим элементом для культурного ландшафта Рюрикова Городища является комплекс *зданий Водоканала* на противоположной стороне Волхова. Строительство этого крупного производственного комплекса зданий нанесло серьезный ущерб исторической панораме Новгорода, открывающейся с возвышенной части Городища от церкви Благовещения. Занимая промежуточное положение между историческим центром Новгорода с Кремлем, собором св. Софии, храмами Торговой стороны и архитектурным ансамблем Юрьева монастыря, комплекс зданий Водоканала фактически «перерезает» береговую панораму, разрывая исторически сложившиеся визуальные связи между памятниками. Крупные лапидарные формы производственной архитектуры составляют резкий контраст масштабной архитектуре средневекового города, органично вписанной в природную среду и гармонично сочетающейся с природным ландшафтом.

Ущерб эстетике и культурной аутентичности уникального ландшафта, нанесенный этой постройкой, фактически непоправим. По-видимому, не-

сколько смягчить результаты современного строительства могло бы продуманное озеленение и цветочное решение, которое в состоянии зрительно расчленил массивные объемы здания, в какой-то мере замаскировать агрессивные современные архитектурные формы и помочь хоть немного вписать их в природную среду. В перспективе комплекс зданий водоканала необходимо перенести в другое место.

Благодаря музеефикации Рюрикова Городища решается еще одна важная задача — формируются предпосылки для более эффективной организации *туристского обслуживания*.

Великий Новгород и Новгородская область являются признанным центром российского туризма. Однако в последние годы здесь проявляются некоторые неблагоприятные тенденции в развитии туристического обслуживания. Так, по сравнению с 2008 годом (наиболее удачным) количество иностранных туристов сократилось примерно на 30 % — достаточно резкое снижение даже на фоне общего спада туристского потока. Сильно замедлились и темпы роста внутреннего туризма (с 12 % в 2007 году до 0,1 % в 2009 году). Почти на 10 % снизился экскурсионный поток на территории Великого Новгорода. По мнению экспертов это во многом объясняется тем, что на объектах показа эксплуатируются программы, сформированные более 30 лет назад, которые вызывают всё меньший интерес у посетителей.

Другая проблема заключается в том, что туризм в Великом Новгороде носит в значительной степени экскурсионный характер, основная масса посетителей осматривает город за один день и не остается на ночёвку. Причём город имеет достаточно развитую сеть гостиниц, позволяющих принимать туристов с разными запросами и требованиями к комфорту проживания (почти 2 тыс. мест). Однако в среднем за год наполняемость гостиниц составляет всего примерно 30 %. Это не позволяет городу в полной мере получать экономический эффект от организации музейного и туристического обслуживания.

Решить эту проблему можно, сформировав такой комплекс туристического предложения, который занимал бы туристов, по крайней мере, на два дня и вынуждал их оставаться в городе на ночлег или на несколько ночёвок. Экономический эффект от обслуживания остающегося на ночлег туриста фактически в 20 раз выше, чем от обслуживания экскурсанта (не только за

счет оплаты проживания в гостинице, но и за счет вечернего ужина, дополнительных покупок, развлечений и пр.).

Именно мероприятия по сохранению и использованию культурного наследия Рюрикава Городища станут фактором дополнительной туристической привлекательности Великого Новгорода и создадут дополнительные предпосылки для реализации двухдневных и многодневных туристических программ.

Сейчас турист, как правило, посещает Новгородский кремль, его музеи и знакомится с архитектурными памятниками Кремля (Софийский собор, памятник 1000-летию России) и Торговой стороны. Этим достопримечательностей вполне хватает на однодневный маршрут. Рюриково Городище формирует дополнительное предложение, связанное с достопримечательностями иного рода — осмотром древнейших археологических объектов, старинных новгородских церквей (на Нередице, в Ковалёво, на Волотовом поле), фресок и реконструкций в предполагаемом музее. Летом здесь возможен водный маршрут с выходом на озеро Ильмень и проведением некоторого времени на природе.

Двухдневный маршрут с пребыванием в Великом Новгороде может начинаться именно с посещения в первый день Рюрикава Городища и связанных с ним достопримечательностей (как символа «начала российской государственности»), а уже во второй день можно предлагать посещение других архитектурных памятников и музеев непосредственно в центральной исторической части города.

С культурным наследием Рюрикава Городища связаны предпосылки развития *научного туризма*. Этот период российской истории также чрезвычайно интересен для учёных скандинавских стран и Западной Европы в силу тесных торговых, культурных и династических связей. Роль Великого Новгорода на Волжском пути привлекает специалистов по Древнему Востоку. Активное участие Великого Новгорода в Ганзейском союзе, в рамках которого происходит сейчас возрождение культурных контактов с европейскими странами, также является фактором дополнительной культурной и научной привлекательности. Будущий музейный и научный центр станет местом постоянных контактов специалистов России и других стран в сфере археологии, древнерусского искусства и архитектуры, истории, местом конгресс-туризма.

Очень интересным для развития туризма в перспективе станут *туристические маршруты по древним торговым путям*: «из варяг в греки» и Великому волжскому пути. Великий Новгород должен сыграть ведущую роль в их организации в силу своего ключевого положения на пересечении древних водных дорог. Важно учесть, что уже сейчас в других регионах России предпринимаются меры по туристскому освоению этих торговых путей: программа Великого волжского пути и развитие Болгарского музея-заповедника в Республике Татарстан, бывшего ключевой точкой в торговле Востока и Запада; проект создания музея-заповедника в Гнёздово на Днепре в Смоленской области и др. Это очень перспективный российский и международный туристический проект.

Какое-либо интенсивное строительство объектов размещения туристов в окрестностях Рюрикова Городища нецелесообразно. Гостиничный фонд в Великом Новгороде пока достаточен, доступность Рюрикова Городища от центра города также очень хорошая: примерно 20 минут на автотранспорте и 10–15 минут при использовании речного транспорта.

Вместе с тем чрезвычайно интересным здесь будет *строительство небольшой гостиницы с имитацией исторического поселения*, например проживание в реконструированном жилище древних викингов. Подобный опыт имеется, например, в скандинавских странах, где музеи под открытым небом, связанные с историей викингов, имеют и своеобразные исторические гостиницы. Условия ночлега в них достаточно просты, даже иногда специально лишены комфорта, но экзотичность пребывания в таком «доисторическом отеле» неизменно привлекает к себе посетителей, хотя бы на одну ночёвку.

Подобную гостиницу «Поселение викингов» (ориентировочно на 100 мест с возможностью принять два туристических автобуса) целесообразно территориально совместить с музейным комплексом возле Шолохово. В сочетании с «городом мастеров», занимательным питанием, музейными и экскурсионными достопримечательностями этот объект размещения туристических групп может оказаться чрезвычайно востребованным. В перспективе при увеличении туристического потока к Рюрикову Городищу возможно дальнейшее развитие туристической гостиницы, например, создание туристических деревень, имитирующих исторический национальный стиль

(датская, норвежская, шведская, русская), которые будут объединены общим блоком питания и обслуживания. Вместимость такой гостиницы в перспективе может составить 240—300 мест.

Реализация намеченных первоочередных мероприятий позволит в ближайшие годы сформировать следующую ситуацию на Рюриковом Городище:

- подготовить к показу законсервированные руины церкви Благовещения;
- создать несколько музеефицированных археологических объектов для осмотра посетителями (фундаменты старинных церквей, фрагменты рва и вала, древних печей);
- создать смотровую площадку на Рюриковом Городище и на мостовой опоре, сформировать ухоженный ландшафтный облик исторического места;
- поставить несколько памятных знаков на Рюриковом Городище (1150-летию российской государственности, защитникам Городища в Великую Отечественную войну, панно на мостовой опоре);
- организовать подъезд к Рюрикову Городищу со стороны Шолохово и причал речных судов, курсирующих по Волхову;
- организовать прием посетителей в визит-центре у Рюрикова Городища, их экскурсионное обслуживание (предполагается в год принимать на первом этапе до 50 тыс. экскурсантов);
- организовать международный конкурс музейного комплекса, связанного с Рюриковым Городищем, и заложить научные и проектные основы развития культурного и туристического обслуживания на этом достопримечательном месте, начать формирование будущего национального музейного центра.

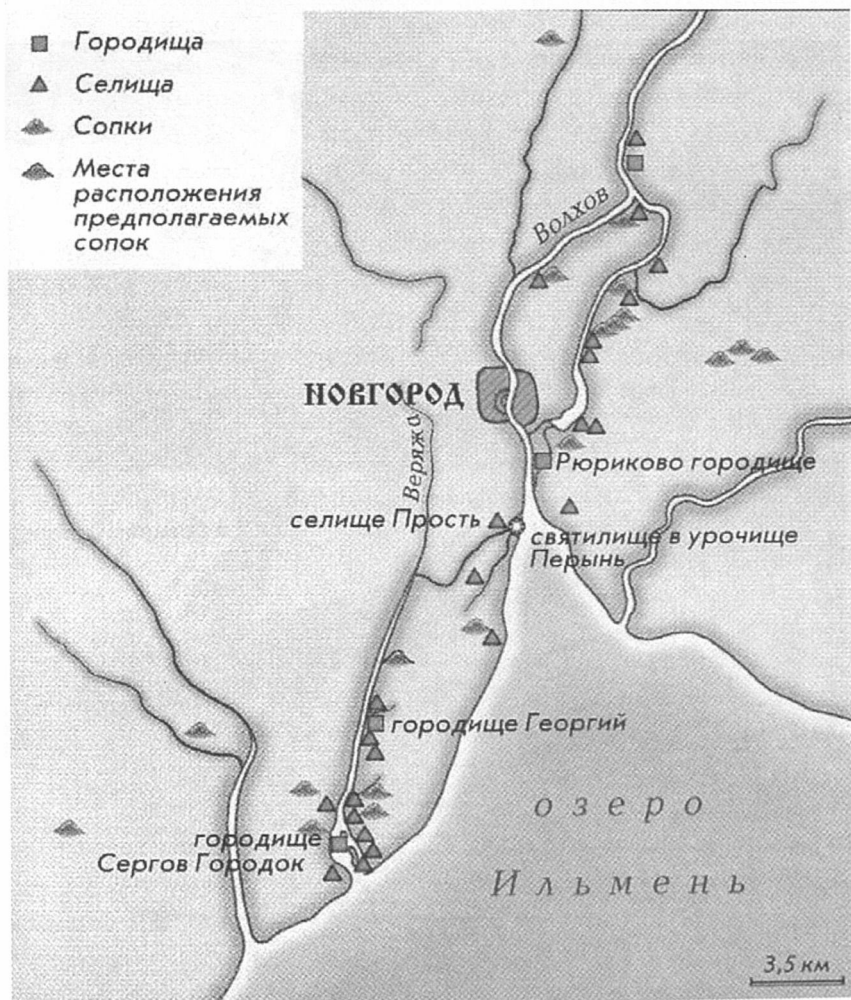

Рис. 1. Приильмень в VIII–X вв.

Рис. 4. Археологические раскопки урочища Боровица

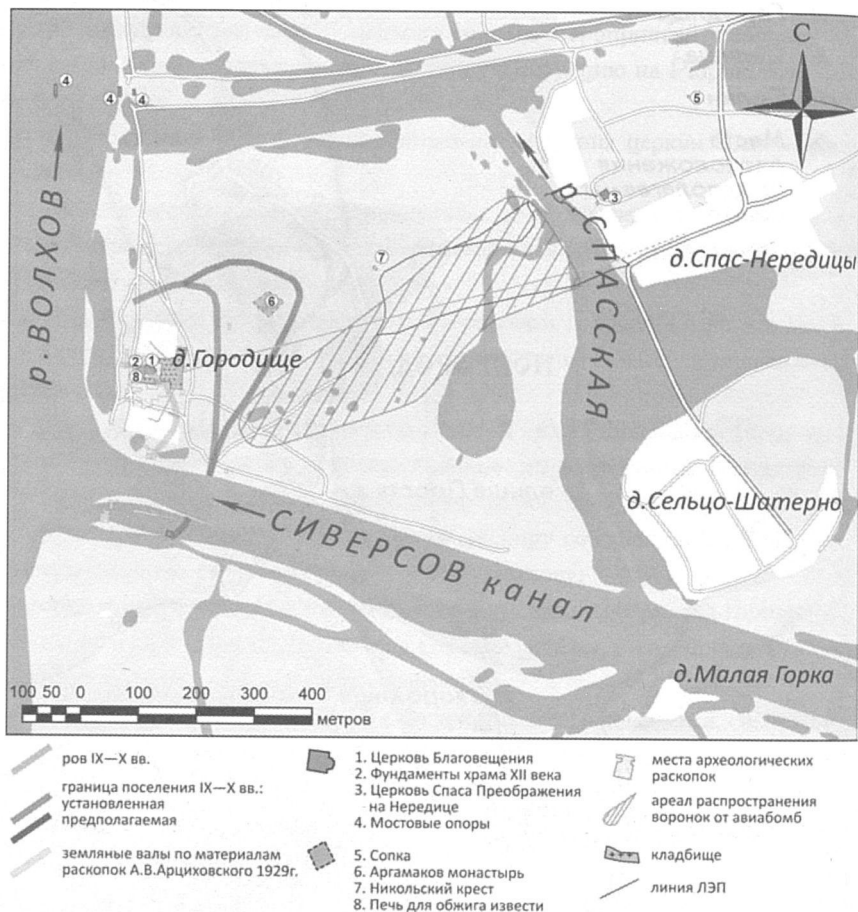

Рис. 2. Объекты культурного наследия на территории Рюрикова Городища (автор-составитель картосхемы — А.И. Глухов)

Рис. 3. Церковь Благовещения на Городище (XII–XIV вв.)

Рис. 4. Археологические раскопки у церкви Благовещения

Рис. 5. Вид с Горицынского холма на церковь Спаса на Нередице

Рис. 6. Горицынский холм во время весеннего половодья

В.Г. ЛЕОНТЬЕВ,
С.З. ЧЕРНОВ

ПРОГРАММА СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ДРЕВНИЙ РАДОНЕЖ»

В 2014 г. исполняется 700 лет со дня рождения великого подвижника России Преподобного Сергия Радонежского. С его именем связано формирование духовного движения, которое оказало глубокое влияние на историческое развитие Московской Руси. Опираясь на православное вероучение и личный духовный опыт Преподобный и его последователи создали нравственное обоснование созидательной деятельности, ставшее краеугольным камнем хозяйственного подъема и объединения русских земель, борьбы за независимость и укрепления государственности, развития искусств в эпоху Андрея Рублева и последующий период.

Древний Радонеж, где прошли годы отрочества и юности Преподобного Сергия, — святыня православия, уникальный историко-археологический и историко-ландшафтный комплекс, одна из важнейших исторических территорий России, место, где рождалась самобытная культура Московского государства.

Идея создания в Радонеже музея-заповедника принадлежит П.А. Флоренскому, который высказал ее в 1919 г., назвав Троице-Сергиеву лавру и Радонежский край «живым музеем России». Активное общественное движение за сохранение Радонежа и окрестностей возникло в 1960-х годах и связано с именами Л.М. Леонова, П.Д. Корина и Ф.Ф. Ляха. В 1977 г. Президиум Центрального совета ВООПИиК принял решение о необходимости создания в Радонеже музея-заповедника.

В результате комплексных исторических, археологических и историко-ландшафтных исследований, проведенных в 1976—1985 гг., в окрестностях Радонежа было выявлено 290 памятников археологии, истории, архитектуры, дошедших до наших дней в историко-ландшафтном окружении. На

основе этих исследований был разработан проект зон охраны древнего города Радонежа (1986) [1].

Зоны охраны древнего города Радонежа утверждены в установленном законом порядке действующим правоустанавливающим актом (решение Мособлсполкома № 826/20 от 12.06.1986 г.) (рис. 2). 290 объектов культурного наследия на этой территории с 1986 г. являются вновь выявленными объектами культурного наследия. На протяжении 1987—2011 гг. Центральный совет ВООПИК и Институт Наследия силами авторов проекта зон охраны осуществляли мониторинг и градостроительный контроль зон охраны.

15 октября 1992 г. Распоряжением Президента Российской Федерации № 584-рп «О Троице-Сергиевой лавре и мерах по сохранению национального историко-культурного наследия на территории Сергиево-Посадского района Московской области» было намечено создание в Радонеже музея-заповедника. В 2000 г. Научно-методический совет Министерства культуры России констатировал: лишь так можно сохранить эту уникальную территорию в условиях развивающегося Подмосковья. Сегодня этот вопрос встал со всей остротой.

В 2010—2011 гг. в результате сговора риэлторов с местной администрацией была совершена попытка массовой застройки пахотных земель на территории памятника, охранной зоны и зоны охраняемого ландшафта на площади 243 гектара. Правовая оценка этих действий была дана в актах от 30 мая и 17 августа 2011 г., подготовленных Институтом Наследия и Центром правовой защиты наследия по инициативе Общественной палаты РФ. В настоящее время по поручению Правительства РФ от 14 декабря 2011 г. Министерством культуры РФ совместно с другими ведомствами ведется работа по пресечению противоправной застройки.

Распоряжением Правительства РФ № 2364 от 26 декабря 2012 г. Институту Наследия было поручено осуществить «Программу научно-исследовательских, проектных работ по подготовке к созданию музея-заповедника «Древний Радонеж» и мероприятий по популяризации влияния Преподобного Сергия Радонежского на культуру России». Предполагается разработать материалы для включения комплексов и отдельных памятников археологии в Единый государственный реестр объ-

ектов культурного наследия в качестве археологических ансамблей и памятников федерального значения. Кроме того, планируется разработать документацию по отнесению территории зон охраны древнего города Радонежа в категорию «достопримечательное место» (проект границ, проект предмета охраны и градостроительные регламенты) для включения его в Единый государственный реестр объектов культурного наследия в качестве объекта культурного наследия федерального значения. Параллельно силами специализированной организации предполагается установить границы зон охраны древнего города Радонежа в качестве зон с особыми условиями использования и подготовить кадастровые планы зон охраны для последующей их передачи Министерством культуры РФ в ФГУ «Кадастровая палата» по Московской области для внесения сведений о границах территории памятников и зон охраны древнего города Радонежа в Государственный кадастр недвижимости и в Росреестр для регистрации соответствующих обременений в Государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

На прошедших 29.12.2011 г. слушаниях в Общественной палате РФ было решено наряду с принятием этих экстренных мер ставить вопрос о выполнении распоряжения Президента об организации музея-заповедника, поскольку лишь музей-заповедник может стать юридическим лицом, которое возьмет на себя практическую работу по охране территории и соблюдению действующих режимов земле- и природопользования.

В связи с этим 20 февраля 2012 г. на Учёном совете Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва была заслушана серия докладов и проведено обсуждение ключевых вопросов, связанных с разработкой концепции заповедника. Настоящая статья посвящена изложению основных положений этой концепции, получивших одобрение Учёного совета.

С точки зрения международной классификации культурного наследия ценность «Древнего Радонежа» обусловлена несколькими факторами.

Здесь сохраняются мемориальные места, связанные с жизнью семьи Сергия Радонежского, а также аутентичная историческая и природная среда, повлиявшая на формирование его личности и духовного опыта.

Радонеж представляет собой живой музей археологических памятников, культурных ландшафтов и традиций Московской Руси, память о которых сохраняет старожильческое население.

Ландшафты Радонежа в концентрированном виде несут уникальную историческую информацию о феномене русской культуры эпохи православного предвозрождения (XIV—XV вв.).

В связи с этим возникает задача сохранить Радонеж на длительную перспективу и создать условия для прочтения этой информации на уровне научных исследований, духовного постижения, художественного осмысления и церковного почитания. Решить подобную задачу возможно лишь с помощью создания музея-заповедника нового типа.

При первом же посещении Радонежа у человека, сколько-нибудь знакомого с памятниками русской старины, возникает ощущение, что здесь в наиболее чистом виде представлены следы раннемосковской культуры XIV—XV вв. Действительно, Радонеж — единственный удельный город Московского княжества, который, будучи разрушен в 1609 г., не получил развития в XVII—XX вв. и сохранился до наших дней как памятник археологии.

Город этот возник в 1370-х годах на землях князя Владимира Андреевича Храброго, верного союзника Дмитрия Донского, покровителя и почитателя Сергия Радонежского. Вскоре после кончины Преподобного Сергия (1392) Радонеж стал центром удельного княжества (позднее уезда). Здесь существовали свое войско, княжеская дума и двор, ремесленное («городчане») и сельское («волостные люди») население, о которых мы знаем из актов Троице-Сергиева монастыря.

Археологически эта эпоха материализована в виде погостов-могильников на местах радонежских церквей Рождества Богородицы и Афанасия и Кирилла Александрийских, исторического культурного слоя городского посада (более 40 гектаров), в многочисленных селищах и прудах на полянах-осёлках и в древних трактах в Москву, Переяславль, Покровский в Хотькове монастырь, волости Инобож, Тешилово, Шерна, которые локализованы по межевым книгам 1543, 1620-х и 1684 гг. и сохранились до наших дней как лесные дороги. Не меньший интерес заслуживают и окружавшие город древние уголья — луга и поля.

Весь этот мир, сложившийся еще в годы жизни Преподобного и неразрывно связанный с его детищем — Троицким монастырем, — не что иное как земля Преподобного Сергия, творение тех, кто находился под прямым влиянием идей радонежского чудотворца. Свидетелем того Радонежа был Епифаний Премудрый, который приступил к написанию «Жития Сергия Радонежского» (по собранным им ранее материалам) в 1418 г.

Отрочество и юность Варфоломея, будущего Сергия Радонежского, которые Епифаний описал со слов «самовидцев», были хронологически отделены от него почти столетним периодом. Радонеж конца 1320-х — начала 1330-х годов, когда семья Кирилла и Марьи переселилась сюда из Ростова, был небольшим селом — центром крестьянской волости, принадлежавшей великому московскому князю Ивану Калите.

Места, связанные с жизнью этой семьи, устанавливаются благодаря преданиям, поверяемым археологическими данными.

Необходимо сказать, что с самого начала работ в Радонеже и его окрестностях изучению устной традиции уделялось первостепенное внимание. В 1976—2011 гг. опросы старожилов были проведены повсеместно на юге Сергиево-Посадского и севере Пушкинского районов¹. Это позволило локализовать названия примерно двух тысяч урочищ и угодий, многие из которых восходят к именам утраченных деревень и угодий XIV—XVI вв., которые известны сегодня лишь по грамотам и писцовым книгам. Следует отметить, что за пределами Радонежа и Троице-Сергиевой Лавры устные свидетельства о Сергии Радонежском единичны. В связи с этим устная традиция о Сергии, которая была зафиксирована в селе Городок (ныне село Радонеж) записями Доленга Ходаковского (1821), Константина Аксакова (1857) и Сергея Чернова (1980—1984), не может быть объяснена влиянием письменных текстов.

Предания указывают на место, где близ церкви Рождества Богородицы жила семья Преподобного, где располагался дуб и источник Сергия Радонежского. В 1980 г. Матрёна Павловна Масленцева указала место дуба Сергия (близ поля Гусинцы), который сгорел в 1887 г. и сохранялся до 1925 г. в виде остова. За несколько лет до 1980 г. она вместе с жителями

---

¹ Исследования эти были начаты С.З. Черновым и были продолжены ст.н.с. Института Наследия О.Н. Глазуновой и Е.И. Бурла.

села Городок Е.И. Плющиковой и сестрами Семеновыми посадила новый саженец, который вскоре попал под распашку (рис. 3). К востоку от Радонежа, у подножья Радонежской горы, на ручье Оржавец, были найдены следы поселений первой половины XIV в., которые возникли в дубравах при ключах. Предание, впервые записанное в 1821 г., помещает здесь древнее святилище Белые Боги [2].

Свидетельства устной традиции Радонежа связаны с точно локализованными на местности урочищами и находят подтверждение в независимых источниках. Так, Дюденовская дорога, ведущая на север от села Радонеж, обязана своим названием одноименной пустоши Дуденовой площадью 22 десятины, которая была отмежёвана церковнослужителям села Городок в 1768 г. (рис. 4). В настоящее время этот земельный участок занят лесом, посреди которого, на старинной поляне, обнаружены следы средневекового поселения, датируемого керамикой XIV—XVI вв. Судя по грамоте 1456 г., владение это принадлежало потомкам Дюдены, мужа сестры Сергия Радонежского Екатерины, который упоминается в Житии Сергия Радонежского. Значение этого свидетельства весьма велико. Участки такого размера получали в те времена «*слуги под дворским*», представители низшего звена княжеской администрации, не имевшие тогда права владеть вотчинами. Таково было незавидное положение изгнанников, один из которых — Кирилл — на родине входил в думу ростовского князя.

Мемориальные места, связанные с жизнью семьи Сергия Радонежского, могут быть в полной мере осмыслены лишь при знании их исторического и ландшафтного контекста. В связи с этим встает множество вопросов, связанных с экспонированием древностей Радонежа. Разумеется, здесь должна возникнуть экспозиция, концентрирующая данные по истории Радонежа и показывающая подлинные археологические материалы, полученные при исследовании могильников, посада и поселений, а также более ранних древнерусских памятников северо-востока Московского края. Соответствующие коллекции, хранящиеся в настоящее время в Институте археологии РАН, могут быть переданы в музей-заповедник после его создания.

Роль подобной экспозиции состоит в том, чтобы подготовить посетителя к восприятию древностей Радонежа — познакомить его с историей Радонежского княжества, особенностями материальной культуры, харак-

терной для каждого этапа освоения его территории, с генеалогией и службой радонежских бояр и служилых людей — ктиторов Хотьковского и Троицкого монастырей. Однако основным элементом показа в музее-заповеднике должен стать сам исторический ландшафт Радонежа. В связи с этим встает задача поиска формы экспонирования элементов этого ландшафта.

Селище в Дуденовой пустоши — яркий пример археологического памятника, ценность которого не исчерпывается нетронутым культурным слоем. На месте, которое выкашивалось в XVII—первой трети XX в., сформировались луговые почвы, не зарастающие лесом. Эти древние поляны с прудами-копанями и сходящимися к ним дорогами, которые местные жители называют «осёлками» (некогда заселенное место), представляют собой элементы реликтового ландшафта XIV—XVI вв. и имеют большое экспозиционное значение (рис. 4, 5).

Не менее интересны древние тракты и дороги, значительная часть которых сохранилась в окружающих Радонеж лесных массивах. Точная фиксация трасс древних дорог позволяет организовать паломнические и туристические маршруты, ведущие к Радонежу от церкви села Рахманова и места часовни Стефана Пермского (Древняя Переяславская дорога — рис. 6), от Покровского в Хотькове монастыря вдоль реки Пажи (Богомольческая и Инобожская дороги), от низовий реки Вори через церковь села Воздвиженского (Муромцевская дорога). Обустройство этих маршрутов посредством деревянных мостов, гатей и выстилок позволит использовать их не только в летний, но и в осенний и весенний периоды. Подобные путешествия будут интересны вдвойне, поскольку они раскрывают пейзажные панорамы с тех самых точек, от которых их видели люди в Средневековье и потому, что они помогут нашим современникам войти в неспешный ритм пешего путешествия, излюбленного Преподобным Сергием.

Говоря о пейзажах Радонежа, мы подступаем к вопросу о том, насколько они соответствуют пейзажам периода Средневековья. Здесь необходимо кратко ознакомить читателя с результатами исследований природной среды этого края.

Радонежский палеоландшафтный проект (1984—2011) был развернут в середине 1980-х годов по инициативе археологов [3]. В нем приняли уча-

стие ландшафтоведы, почвоведы, геоботаники, палинологи и специалисты по радиоуглеродному датированию [4].

Разнообразие природного ландшафта Радонежа зафиксировано на картах восстановленных ландшафтов, которые отражают природную мозаику на уровне местностей и фаций и образуют своего рода канву для всех дальнейших исследований природной среды¹.

Почвы Радонежа содержат природные горизонты, свидетельствующие об изменениях климата и растительности. Разнообразные остатки древней растительности — пыльца, угольки и другие объекты — позволяют реконструировать облик ландшафта практически каждого урочища на этой территории².

Средневековые пахотные горизонты, сохранившиеся в почвах и находящиеся под современной лесной растительностью, маркируют зоны земледельческого освоения, относящиеся к поселениям XIII—XVI вв. Ранние пашни опознаются по отложениям, смытым в ложбины, овраги и другие понижения рельефа. Эти отложения, возраст которых составляет многие сотни лет, содержат артефакты, а также почвенные горизонты, указывающие на сложную историю освоения территории. Так, в 1987 г. у подножья холма, на котором ранее была зафиксирована постройка первой половины XIV в. (селище Лешково-2), под метровыми отложениями пруда XVI века (он упоминается в 1617 г.) был обнаружен смытый во время древней пахоты слой, содержащий керамику первой половины XIV века (рис. 7).

На перегибах склонов находятся так называемые напашные ступени и валы, очерчивающие границы полей того времени и сохраняющиеся под лесом. Большой интерес для характеристики исторического ландшафта представляют и почвы, погребенные под оборонительными валами и валами, окружающими старые пруды.

Эти почвы и отложения напрямую связаны с историко-археологическими памятниками Радонежа и хранят информацию по истории изменений ру-

¹ Карты восстановленных ландшафтов были разработаны во второй половине 1980-х годов кандидатом географических наук, заместителем заведующего кафедрой физической географии и ландшафтоведения Географического факультета МГУ В.А. Низовцевым.

² Почвы Радонежа исследуются с 1987 г. по настоящее время доктором географических наук, старшим научным сотрудником Института географии РАН и Института Наследия А.Л. Александровским.

котворных ландшафтов. Содержащиеся в них угли позволяют определять возраст этих изменений с помощью радиоуглеродного, археологического и палеоботанических методов. Тем самым почвы связывают памятники археологии с многочисленными следами освоения этих земель в период Средневековья — инфраструктурой, пронизывающей территорию Зон охраны Радонежа. Именно благодаря почвам и отложениям памятники археологии, следы древнего хозяйства и природная среда выступают в Радонеже как целостный предмет охраны.

Изучение растительности, как ныне существующей, так и существовавшей в прошлом, дали ошеломляющие результаты¹. Вначале (1984—1986 гг.) была составлена подробная карта лесов Радонежа по данным таксации 1982 г., геоботаническим описаниям (пробным площадям) и космическим снимкам. Она охватила три типа ландшафтов южного склона Клинско-Дмитровской гряды и показала, что дубово-липовые леса приурочены к вершинам моренных холмов, таежные ельники — к моренным равнинам, смешанные елово-дубовые леса произрастают на склонах холмов. Узкими полосами вдоль выхода песков на крутых речных склонах встречаются сосняки.

Как же выглядел ландшафт, окружающий Радонеж во времена Преподобного Сергия? Сохранились ли лесные массивы, которые можно считать эталоном лесов того времени? Ответ на эти вопросы дала серия спорово-пыльцевых исследований, позволяющих по пыльце, сохранившейся в отложениях средневекового и более раннего времени, реконструировать растительность прошлого. На ключевых участках, в которых брались образцы из торфа, погребенных почв, заросших средневековых прудов, оказалось возможным восстановить картину природной среды в период Средневековья.

Оказалось, что дубовые с большей или меньшей примесью ели леса, сохранившиеся сейчас лишь небольшими участками, 4—5 тыс. лет назад

---

¹ Изучение растительности проводится с 1984 г. по настоящее время Институтом Наследия совместно с кафедрой геоботаники и Ботаническим садом Биологического факультета МГУ. Результаты этой работы защищены в качестве кандидатской диссертации Е.Г. Ершовой «История растительности южного склона Клинско-Дмитровской гряды (Историческая территория древнего Радонежского княжества, Московская область). М., 2010. Автореферат см.: http://www.bio.msu.ru/res/Dissertation/266/DOC_FILENAME/ershova2.pdf.

господствовали на этой территории. Потом из-за похолодания площадь их сократилась, но в XIII—XIV веках они все еще были распространены и покрывали вершины наиболее высоких холмов. В средние века они почти везде, за редким исключением, были вырублены под пашни. Там, где в Смутное время эти поля вновь заросли лесом, мы видим сейчас старовозрастные дубово-осиновые леса с богатым набором растений широколиственного леса — это промежуточная стадия медленно восстанавливающихся дубрав. Таким образом, те небольшие участки дубовых, елово-дубовых, да и близких к ним по составу старовозрастных дубово-осиновых лесов, сохранившихся, например, на склонах «горы над Радонежем», могут считаться эталоном коренного леса — тех самых дубрав, которые так привлекали переселенцев и память о которых осталась в многочисленных названиях деревень, сел, оврагов.

Ельники, вроде тех, что сохранились в долине Пажи, как выяснилось, приобрели «таежный» облик сравнительно недавно. В Средние века они были «сложными», т.е. в их состав входили и дуб, и липа, и орешник. Почему эти породы исчезли, мы можем только предполагать. Может быть, это отражение ухудшения климата «малой ледниковой эпохи», с которой совпало Смутное время и запустение края? Или сказались многовековые выборочные рубки, выпас в лесу или другие виды хозяйственного использования леса?

Восстановятся ли сложные ельники в условиях заповедного режима? На эти вопросы могут ответить многопрофильные исследования на стационарных площадях, таких, например, как лесные кварталы вокруг Морозовского болота. Это переходно-верховое болото, со всех сторон окруженное старовозрастными лесами, дало торфяную колонку, датированную по радиоуглероду с 1221—1278 гг. до нашего времени, — своего рода летопись взаимоотношений людей и природы за последние 800 лет (рис. 8).

Таким образом, природный ландшафт, в пределах которого возникло село Радонежское, представлял собой моренную равнину, покрытую ельниками, которые к югу от села сменялись елово-сосновыми лесами. С северо-востока к селу Радонежскому примыкала моренная возвышенность. Граница ее просматривается и теперь при взгляде с горы «над Радонежем» на с. Радонеж, лежащее на равнине. Возвышенность была расчленена овра-

гами, которые, смыкаясь, разделяли территорию на отдельные холмы, высоко поднимавшиеся над долинами. Окраинные и низменные участки этого ландшафта были заняты еловыми лесами. В центральной же его части господствовали липово-еловые и дубово-еловые леса, произраставшие на более плодородных почвах. Именно в этой местности, где до сих пор сохранились участки дубрав, были основаны первые селения радонежской округи. Переселенцы, продвигаясь из района Приклязьминской низменности на север, вверх по р. Воре, встретили на вершинах моренной гряды леса, типичные для исконных зон славянской колонизации. Это обстоятельство в сочетании с разнообразием ландшафтов и привлекло население к месту будущего города.

Знание мельчайших особенностей природы — отличительная черта людей Средневековья. В ходе раскопок в Троице-Сергиевой лавре была обнаружена погребенная лесная почва, в которой сохранилась пыльца растений, росших в период основания монастыря. Оказалось, что участок леса, выбранный Преподобным Сергием для устройства кельи, отличался от окружавших его густых еловых и дубовых лесов — это был светлый липово-сосновый лес на кромке коренного берега р. Кончуры, на месте выхода песков. На таких сухих кромках ставили дворы в радонежских деревнях (селище на Марьиной горе). Видимо, Варфоломей знал этот прием [5]. О том, как выглядели эти леса, можно судить по сохранившимся участкам в районе Радонежа, на береговых склонах Вори. Эти участки могли бы стать частью экспозиции.

В настоящее время на территории лесничеств, входящих в зоны охраны древнего Радонежа действуют режимы использования, которые обеспечивают сохранение всего разнообразия природного и культурного наследия. Эти режимы разработаны посредством корректировки тех рекомендаций по ведению лесного хозяйства (применительно к каждому выделу, входящему в лесной квартал), которые были сформулированы в таксационном описании 1982 г.

Проект музея-заповедника должен предусмотреть детальное зонирование лесных массивов. На реликтовых и мемориальных участках в целях их экспонирования уход за лесом должен быть ориентирован на воссоздание коренной растительности. Некоторые территории должны сохраняться в

режиме строгой заповедности. Лесные кварталы в северной (левобережье ручья Подмош) и южной (долина реки Вори) частях зоны охраны могут быть определены как площади для многолетних научных исследований (рис. 8).

Учитывая особую ценность лесных массивов, окружающих ныне село Радонеж, при создании музея-заповедника ему должны быть переданы территория Воздвиженского лесничества Сергиево-Посадского лесхоза и участки Тютчевского и Красноармейского лесничеств Пушкинского района, которые входят в территорию зон охраны древнего города Радонежа.

Поля, окружающие ныне село Радонеж практически не изменили своих очертаний с 1920-х годов (229 га) и очень близко соответствуют размерам древней постоянной запашки («пашни паханные»), восстановленной в 1617 г., через семь лет после разорения города (245,4 га). Таким образом, сохранившееся соотношение полей и лесов и их границы отражает землепользование окрестностей Радонежа примерно на середину XV в [6]. Оно имеет ценность и как отражение ландшафтов «эпохи Елифания» и как традиционный крестьянский ландшафт XIX—первой трети XX в. (так называемый «развивающийся ландшафт»). Международные нормативы в области сохранения культурных ландшафтов рассматривают развивающийся ландшафт как самостоятельную ценность. Посредством этих сохранившихся или надежно воссоздаваемых реалий только и возможно «восхождение» к более ранним эпохам [7]. Наличие инструментальных планов полей на 1930 и 1861 годы позволяют воссоздать утраченные ныне элементы старинного землепользования: «полосы» — участки пашни, которые были ограничены расстоянием, которое лошадь с плугом могла пройти без остановки («гоны») и отделялись друг от друга узкими перелесками.

В период максимального хозяйственного освоения в XVI в., когда город был центром уезда, перелог и временные пашни (в 1617 г. они значились в графе «перелогом и лесом поросло») составляли дополнительно 376 га (часть их локализована). Они охватывали значительные участки Радонежской горы, покрытой ныне лесом. Восстановление их сегодня вряд ли целесообразно, так как в эпоху Сергия и Елифания здесь были леса. Зато кажется весьма продуктивным воссоздать (там, где в XX в. сплошные рубки стерли следы прежней растительности) поля, которые окружали малые деревни Радонежской волости (они составляли 30—50 га).

В настоящее время поля Радонежа оказались самым ранимым его элементом. В результате проведения земельной реформы, основанной на федеральном законе № 101 от 2002 г., в условиях внеэкономического нажима на крестьян, являющихся владельцами паев совхозных земель, произошла скупка этих земель по демпинговым ценам. В результате земли оказались в собственности у лиц и организаций, которые не имели намерений заниматься сельскохозяйственным производством. Поля по многу лет остаются нераспаханными и на них формируется березовый и еловый подрост. В связи с этим в настоящее время требуются решительные меры по восстановлению сельскохозяйственного производства.

Пути решения этого вопроса могут быть различными: от установления строгого контроля за исключительно сельскохозяйственным использованием земельных участков до возвращения неиспользуемых по назначению земель (на основании ст. 6 закона № 101-ФЗ) сельскохозяйственным предприятиям, крестьянским хозяйствам местных жителей, приходским общинам (поля на периферии зон охраны) до передачи их в государственную собственность и закрепления на балансе музея-заповедника (поля села Радонеж).

Исторические населенные пункты зон охраны Радонежа развиваются в настоящее время в рамках нескольких видов режимов регулирования застройки, что позволит поддерживать и развивать все виды жизнеобеспечения с учетом сохранения исторического облика застройки, планировочной структуры, высотности и цветовых решений зданий. По ряду деревень (Репихово, Короськово, Арханово, Филимоново) были разработаны генпланы развития, которые помогли местным жителям и дачникам сохранить исторический облик поселений, насыщая постройки элементами современной инфраструктуры, а местным администрациям — производить ограниченное выделение земельных участков группам граждан, имеющим на то право (учителям, врачам, работникам МВД и др.) (рис. 9).

Актуальной представляется разработка генеральных планов развития сел Радонежа и Воздвиженского и альбомов с эскизами рекомендуемых фасадов и планов жилых строений¹. В основе таких рекомендаций должны

---

¹ В этом отношении может быть использован опыт воссоздания и функционирования исторической системы расселения, полученный Институтом культурного и природного наследия при подготовке рекомендаций для развития деревни Ясная Поляна в составе ГМПЗ Музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная Поляна» (автор Н.И. Завьялова).

лежать старинные местные жилые и хозяйственные постройки и использование богатой традиции Кудринской прорезной резьбы. При этом должны быть учтены современные требования к удобствам проживания (в некоторых случаях возможно увеличение постройки в глубину участка для размещения хозяйственных помещений). Эти альбомы позволяют в дальнейшем архитектору заповедника выдавать рекомендации местным жителям по возможным и допустимым реконструкциям их построек при условии сохранения исторического облика поселения.

Говоря о будущем функциональном зонировании заповедника следует отметить, что его формированию способствует удачная градостроительная ситуация, которая начала складываться еще в середине XIX в., когда Ярославская железная дорога пролегла вдали от Радонежа. Благодаря этому сегодня основные промышленные зоны (Хотьково, Вакцина, Софрино) и центры сельскохозяйственного производства (Жучки, Зубцово) расположены за пределами зон охраны Радонежа.

Историческое ополье древнего города (поля сел Радонеж и Воздвиженское) окружено обширными лесными массивами (охранная зона). В этих пределах основным видом деятельности должна быть репрезентация исторических ландшафтов, чему способствует наличие системы древних дорог, ведущих к Радонежу, в том числе Переяславская дорога, пересекающая эту зону с юго-запада на северо-восток. Не меньшее значение имеет живописная долина реки Пажи, обрамленная древними лугами, пролегающая с севера на юг. Лесные кварталы в северной (стационар в районе Морозовского болота), юго-западной (дубравы Тютчевского лесничества) и южной (долина реки Вори к югу от Воздвиженского) частях зон охраны должны стать площадками для стационарных научных исследований.

Долина реки Вори, протекающая вдоль западной окраины радонежских лесов, образует рекреационную зону, которая соединяет Радонеж с музеем-заповедником Абрамцево и может быть использована для создания многочисленных центров притяжения туристов и паломников, рассказывающих об истории Радонежского края в XVIII—XIX вв. (фабрика в Репихове, которая может быть отреставрирована на Мамонтовский период — 1870-е годы; сукновальня на прудах, которая может быть экспонирована как памятник промышленной археологии и др.).

Важным компонентом в формировании музея-заповедника являются общественные объединения района и местное население. В начале 2011 г., когда над Радонежем нависла реальная угроза застройки, около тысячи жителей населенных пунктов, расположенных в приходах сел Радонеж и Воздвиженское, направили обращение в Общественную палату РФ с просьбой разобраться с ситуацией, сложившейся вокруг древнего города и его охранной зоны. В многочисленных выступлениях в средствах массовой информации жители деревень Гольгино, Антипино, Новоселки и других однозначно высказали свою позицию о недопустимости массовой застройки ландшафтов долины реки Вори, поскольку это грубо противоречит действующим режимам зоны охраны и превращает деревни в гетто, отрезанные от земель общего пользования — реки, леса, кладбища. Возмущение жителей Новоселок вызвал метровой глубины ров, которым была окружена их деревня (граница незаконно отведенного поселка) с целью навсегда отделить ее жителей от реки Вори, старинного кладбища, приходского храма и древнего Радонежа.

28 марта 2011 года в Общественной Палате РФ прошел круглый стол «Проблемы сохранности федеральных охранных зон объектов культурного наследия и создания на их основе музеев-заповедников: спасение охранной зоны древнего города Радонеж». Среди участников были руководитель Отдела РПЦ по связям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин, президент фестиваля «Золотой Витязь» Н.П. Буряев, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва Ю.А. Веденин, директор ГОУ «Абрамцевский художественно-промышленный колледж им. В.М. Васнецова» О.Б. Кузьмина, помощник Благочинного церкви Сергиево-Посадского района протоиерей Андрей Крашенинников, Председатель Общественного совета Сергиево-Посадского района по защите и реализации прав человека, гражданских прав и общественных интересов в социальной, культурной и религиозной сферах, секретарь координационного совета по сохранению историко-культурного наследия при главе Сергиево-Посадского района В.Г. Леонтьев, заведующий сектором Института Наследия С.З. Чернов и другие.

Мнение местных жителей, которые, оставаясь в правовом поле, твердо высказали свою позицию о недопустимости противоправного строительства

в Радонеже, выступления представителей Церкви, ученых и деятелей культуры, решительные меры, которые были предприняты Общественной палатой РФ и Общественной палатой Сергиево-Посадского района, сделали свое дело [8].

13 июля 2011 года Патриарх Кирилл обратился к президенту страны с просьбой разобраться с нарушениями зон охраны Радонежа. Это обращение возымело действие. 17 ноября 2011 года, ломая сопротивление чиновников Московской области, президент Д.А. Медведев дал указание Правительству РФ принять меры по выполнению требований режимов зон охраны древнего города Радонеж и по созданию на ее базе достопримечательного места.

Выбор местных жителей, сделанный в пользу сохранения Радонежа — это прежде всего выражение их гражданской патриотической позиции. Но одновременно это и выбор, сделанный в пользу зон охраны Радонежа и будущего музея-заповедника.

Этот выбор явился итогом осмысления людьми хозяйственной и социальной действительности 1990-х и 2000-х годов. В условиях искусственного демонтажа градостроительного контроля в Московской области в начале 2000-х годов производственная, складская и жилая застройка за пределами зон охраны грубо вторгались в те природные уголья, которые искони использовались местным населением и обеспечивают экологическую безопасность. Сегодня эти немногочисленные оставшиеся доступными берега рек и озер, луга и леса стали местом отдыха, прогулок с детьми, сбора ягод и грибов, рыбной ловли — всего того, что оказалось так необходимо в условиях, характеризующихся интенсивным трудом и низкой заработной платой. Нельзя забывать и то, что в ряде случаев эти территории оказываются серьезным хозяйственным подспорьем для местных жителей. Эти драгоценные для людей земли, фактически являющиеся землями общего пользования, не учтены в проектах территориального развития районов и стали легкой добычей инвесторов, ориентированных на быструю прибыль. Элементарная доступность территории, всегда считавшаяся совершенно естественной, сменилась ситуацией, когда старые дороги, соединявшие населенные пункты друг с другом, оказались перерезанными выкупленными в частную собственность участками, которые были огорожены, а порой и снабжены охраной.

В этих условиях ситуация на землях зон охраны Радонежа выгодно отличалась от положения, сложившегося на окружающих территориях. В свою очередь, ограничения хозяйственной деятельности, которые были введены проектом зон охраны за пределами населенных пунктов, практически не затрагивали интересы людей. Характерно, что за 25 лет существования этих ограничений не поступило ни одной жалобы от местного населения о нарушении их интересов или о неправомерных действиях органов охраны памятников.

Рассматривая функционирование музея-заповедника в этом контексте следует отметить, что он призван стать альтернативой экстенсивной модели хозяйственного развития, действующей сегодня. Вместо развития, которое ведет к деградации территории, уничтожению всего, что в ней есть ценного и привлекательного, музей-заповедник призван уберечь природную среду и стать современным инструментом инновационного развития края. Эта новая модель предполагает выстраивание деятельности, основанной на соединении возрождения традиционного природопользования и ремесел с многоуровневым обслуживанием туристов, паломников, специализированных групп, которое опирается на совершенно новый уровень информационного обеспечения и предполагает создание дополнительных статусных рабочих мест для местного населения. Финансирование музея-заповедника в основе своей должно быть государственным. Однако, если удастся построить социокультурное проектирование с участием Церкви и бизнеса и создать Попечительский совет, это может стать серьезным подспорьем. Кроме того, необходимо выстроить матрицу грантов, природосберегающих программ и минипроектов с участием жителей.

Участие местных жителей в деле возрождения Радонежа мы уже наблюдаем. Отцом Андреем, настоятелем храма Воздвижения честного креста в с. Воздвиженском, возрождены крестные ходы. Они проходят в летний и осенний дни памяти Преподобного из Воздвиженского через Радонеж и Морозово к Троице-Сергиевой лавре и привлекают до 500 верующих. Место древнего кладбища на Убогой горе, куда предание относит стрелецкие могилы 1682 г., отмечено деревянным крестом. С помощью фонда «Русская архаика» начато воссоздание архитектурного облика сельской застройки в Воздвиженском.

Возвращаясь к общим задачам музея-заповедника, следует сказать, что они формулируются, исходя из представлений П.А. Флоренского о Радонежском крае и Троице-Сергиевой лавре как синтезе русской культуры [9]. В связи с этим возникают две взаимосвязанные задачи.

В ходе обсуждения существенные соображения на этот счет были высказаны Юрием Александровичем Ведениным, директором Института Наследия, Мариной Евгеньевной Кулешовой, руководителем сектора Правовых проблем управления культурными ландшафтами Института Наследия, и Галиной Алексеевной Зайцевой, руководителем центра Экологических проблем сохранения наследия и экспертизы региональных программ и проектов Института Наследия.

Первая задача — сохранить Радонеж на длительную перспективу как хранилище подлинных памятников и исторической среды — землю, сформировавшую Преподобного Сергия и посредством его влияния придавшую русской культуре ее неповторимые черты. Музей-заповедник должен создать многоуровневое микроисторическое информационное «поле» для погружения в актуальное прошлое и для «прочтения» текстов и ландшафтов, связанных с Преподобным Сергием, которое опиралось бы на глубокое знание средневековой культуры и личный опыт каждого человека.

Вторая задача — сформировать площадку научного исследования, духовно-опытного постижения, художественного осмысления и церковного почитания Радонежа — своего рода территорию самопознания, которая могла бы способствовать формулированию ответов русской культуры на вызовы современности.

Решить подобные задачи возможно лишь с помощью соединения в рамках церковно-научно-государственно-общественного проекта собственно музея-заповедника, обеспечивающего углубленное знакомство людей с Радонежем (в системе Министерства культуры РФ), с научно-исследовательским центром изучения культуры Московской Руси, объединяющим представителей гуманитарного и естественнонаучного знания и ведущим многолетний мониторинг Радонежа (в системе РАН), учебным подразделением Московской Духовной Академии (РПЦ), приходскими (Радонежский, Воздвиженский, Морозовский) и общественными объединениями местного населения (Общественная палата РФ).

Музей-заповедник «Древний Радонеж» с подобным кругом задач (в границах существующих зон охраны древнего города Радонежа) в перспективе мог бы стать заповедным ядром более широкого образования, идею которого недавно высказал председатель Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов Николай Петрович Бурляев, предложивший создать, наряду с «Кремниевой долиной» — зоной материальной модернизации — «Духовную долину» в Радонеже — зону духовного самопознания.

Сохранение для потомков Радонежа как «Земли Сергия Радонежского» и живого музея русской культуры будет служить сохранению культурных и нравственных ценностей, укреплению духовного единства российского народа и ничем не может быть заменено в этом качестве. Осуществление подобного проекта станет примером сотрудничества государственных структур и ученых, связанных с охраной культурного наследия, с Русской Православной Церковью и общественностью ради общего благого дела.

Думается, что новизна задач музея-заповедника в Радонеже, который предполагает не исторические назидания, а непосредственное приобщение к истокам русской культуры, не может не привлечь к нему интерес.

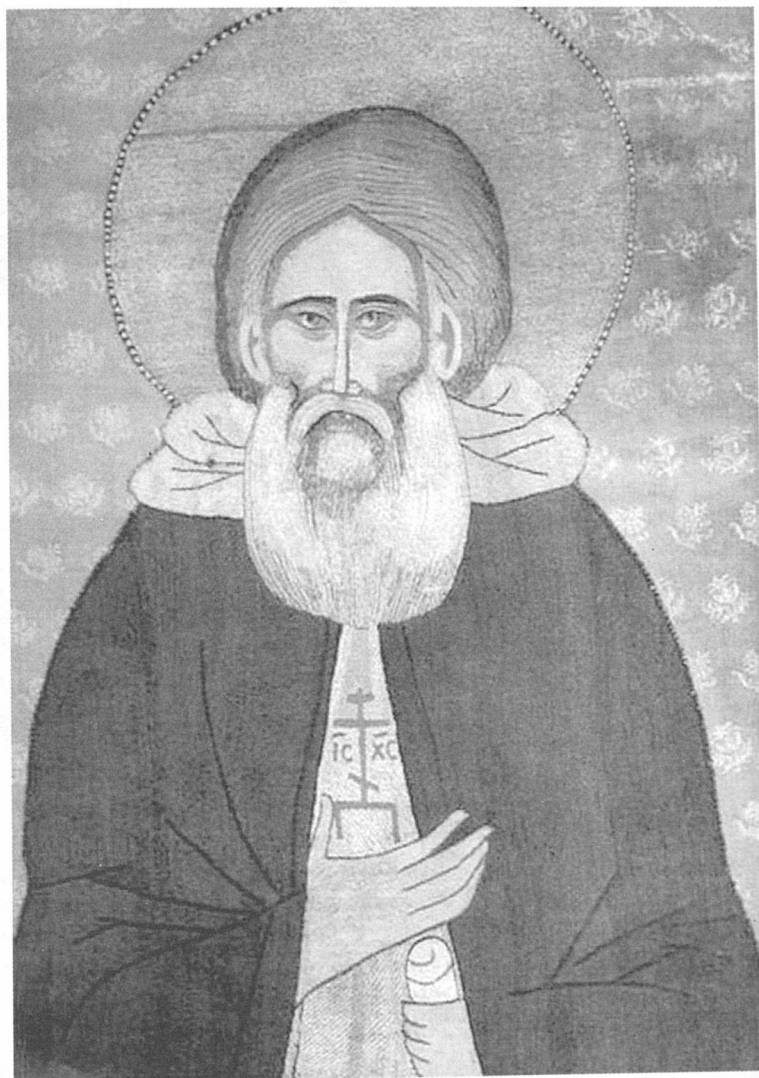
Павел Александрович Флоренский писал, что высокое видится лишь с высоты. Значение Радонежа для русской культуры столь велико, что создаваемый здесь музей-заповедник не может быть ничем иным, как масштабным проектом, ориентированным на стратегию опережения. Лишь тогда он привлечет к себе внимание Общества, что станет залогом его динамичного развития.

Празднование 700-летия рождения Преподобного Сергия Радонежского в 2014 г. не только дает возможность, но и обязывает нас выполнить Распоряжение Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 1992 г. об организации музея-заповедника.

Литература

1. Чернов С.З. Древний Радонеж // Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры «Памятники Отечества». 1988. № 2 (18). — С. 62—72. Текст статьи без примечаний см.: <http://nauka.relis.ru/11/0111/11111102.htm>

2. Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры: Новые открытия; 1988. М., 1989. См. также: <http://hotkovo.net.ru/radoneg/chernov/tchernov.pdf>
3. Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М., 2004.
4. Александровский А.Л., Ершова (Бызова) Е.Г., Спиридонова Е.А., Чернов С.З. Реконструкция измененных человеком природных комплексов средневекового Радонежа по палинологическим, геоботаническим и почвенным данным: соотношение локального и зонального при интерпретации спорово-пыльцевых комплексов (исследования 1991–1999 гг. на Воздвиженской трансекте) // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Ч. II. М., 2001.
5. Александровский А.Л., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д. и др. Исследования погребенных почв в Троице-Сергиевой лавре в 2003 г. и опыты реконструкции коренной растительности // Сельская Русь в IX–XVI вв. М., 2008.
6. Чернов С.З. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта. М., 1987. С. 69–74.
7. Чернов С.З. Русский средневековый ландшафт как объект археологических исследований: на примере района Древнего Радонежа // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004.
8. Ревтский А. Защитники древнего Радонежа консолидировались // Церковный вестник. 20.03.2011 г: http://e-vestnik.ru/society/zashchitniki_prirodno-ohrannoy_zony_2903; Ревтский А. Защитникам охранной зоны древнего города Радонеж угрожают расправой // Церковный вестник. 18.09.2011; Смолицкий Г. Радонеж может пойти по стопам «Речника» // Известия 13 сентября 2011.
9. Флоренский П.А. Троице-Сергиева лавра и Россия // Троице-Сергиева лавра. Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, 1919. См. также: http://www.hrono.ru/libris/lib_f/floren_lavra.html.

Рис. 1. Сергей Радонежский. Изображение на пелене

Схема Зон охраны древнего города Радонежа Сергиево-Посадского района

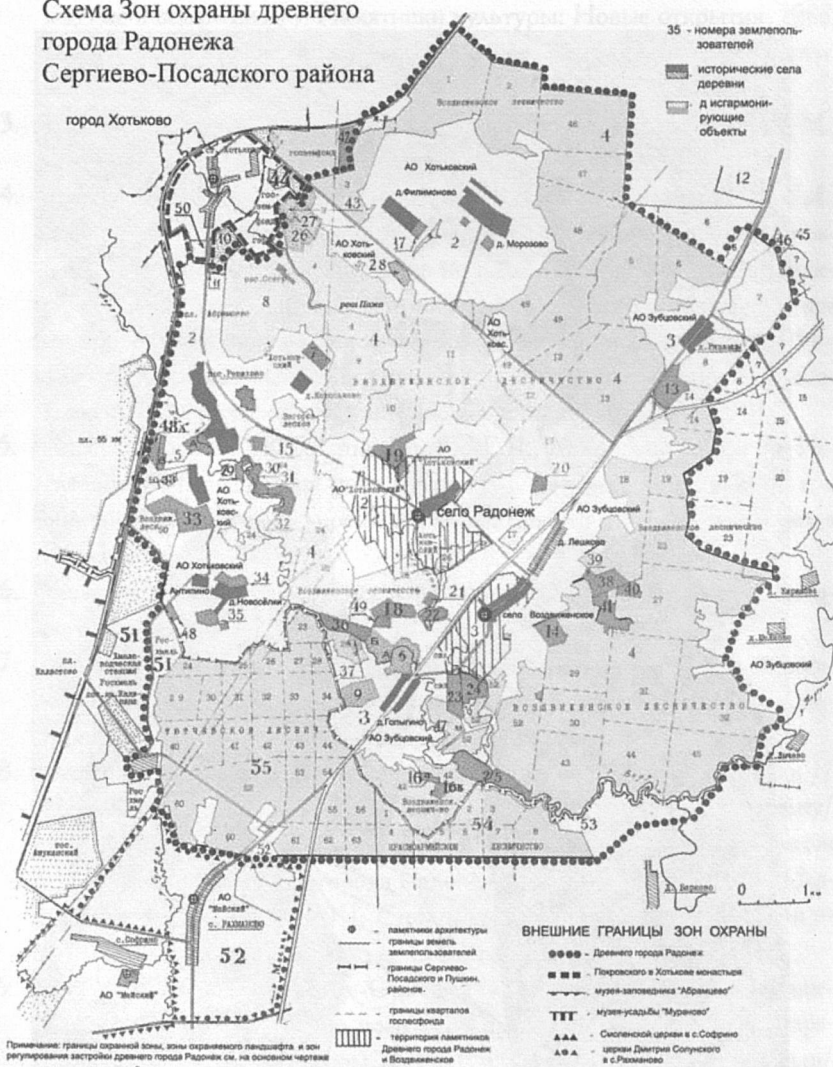

Рис. 2. Схема зон охраны древнего города Радонежа

Рис. 3. Предание о дубе Сергия Радонежского близ поля Гусинцы, записанное в 1980 г.:

1 — Матрена Павловна Масленцева, сотрудница экспедиции и внук Матрены Павловны на месте Дуба Сергия. 17 июня 1980 г.; 2 — Эскиз М. Нестерова «Видение отроку Варфоломею»; 3 — место Дуба Сергия на космоснимке 2010 г.; 4 — вид с колокольни церкви Преображения в с. Городок на поле Гусинцы и место Дуба Сергия Радонежского. 16 или 17 июля 1980 г.

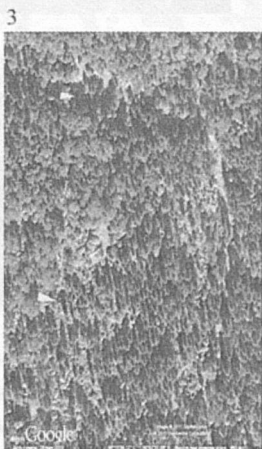
Дюденева
пустошь

1

2

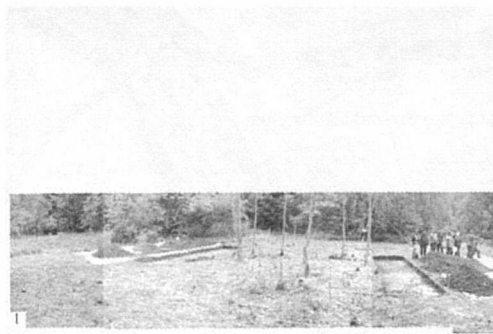
3

4

Рис. 4. Дюденева пустошь — владение мужа Екатерины, сестры Сергея Радонежского:

1 — план селища Филимоново-5, выявленного на территории Дюденовой пустоши; 2 — общий вид селища Филимоново-5 на поляне-осёлке; 3 — Дюденева пустошь на космоснимке 25.06.2010 г.; 4 — «пустошь Дуденева». Показана под литерой «С» к северу от села Городок (ныне село Радонеж) на плане «Сергиев посад, что был подмонастырские слободы» 1768 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 859. С-64)

Белухинская пустошь

Рис. 5. Белухинская пустошь, купленная Троицким монастырём в 1456 г.:
 1 — археологические раскопки селища Лешково-4, выявившие усадьбу первой половины XIV в. (2008 г.); 2 — План селища Лешково-4, выявленного на территории Белухинской пустоши; 3 — поляна-осёлоч, на которой располагается селище Лешково-4 (2008 г.); 4 — Белухинское поселение на схеме Радонежской волости (памятники археологии первой половины XIV в.)

Рис. 6. Участок Старой Переяславской дороги из Радонежа в Троице-Сергиеву монастырь к северо-востоку от села Радонеж, локализованный на основании упоминаний в межевой книге 1680 г. Фрагмент генплана Проекта Зон охраны древнего города Радонеж (1986 г.)

Рис. 7. Могилицкий разрез — открытие широколиственных лесов Радонежа XIV века (по данным исследований А.Л. Александровского и Е.Г. Ершовой):
 1 — селище Лешково-2 (в урочище Могилицы). План, основанный на топосъемке 1981 г. I — границы селища; II — шурфы 1981 г. и их номера; III — раскоп 1981 г. с показом подпечной ямы первой половины XIV в.; IV — объекты палеопочвенных исследований 1988 г.; V — местоположение фрагмента шумящей подвески XIII—XIV вв., обнаруженной в 2000 г.); 2 — профиль почвенной катены 1 в урочище Могилицы (исследована А.Л. Александровским в 1988 г.); 3 — разрез напластований в нижней части катены, у подножья возвышенности; выделен слой с керамикой первой половины XIV в., в котором выявлена пыльца древних липово-дубовых лесов — перекрыт прудовыми отложениями XVI в. (место разреза см. на рис. 2, № 4); 4 — реликтовые дубы на ручье Оржавец севернее урочища Могилицы; 5 — местоположение урочища Могилицы на схеме Зон охраны Радонежа

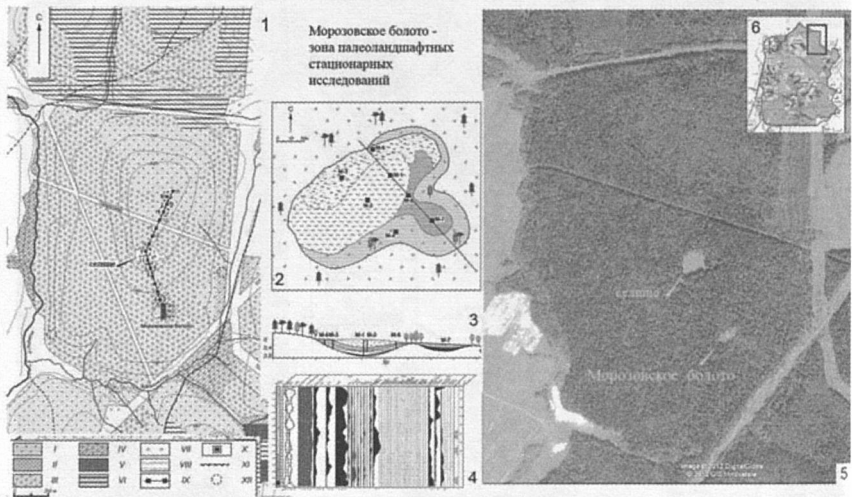

Рис. 8. Морозовское болото — зона палеоландшафтных стационарных исследований (по данным Е.Г. Еришовой):

1 — план возвышенности в районе Морозовского болота. Леса: I — березняки; II — ольшаники; III — ельники; IV — ельники с сосной; V — смешанные дубово-широколиственные; VI — зарастающие вырубki и культуры; VII — луга; VIII — болото; IX — трансекта, почвенные шурфы; X — торфяные разрезы; XI — старая Переяславская дорога; XII — остатчно-пахотные горизонты средневекового времени, выявленные А.Л. Александровским в 1991 г.; 2 — план Морозовского болота с показом палинологических разрезов; 3 — профиль Морозовского болота; 4 — спорово-пыльцевая диаграмма, отражающая колонку М-1 Морозовского болота; 5 — космический снимок возвышенности с показом местоположения Морозовского болота. 2010 г.; 6 — местоположение зоны Морозовского болота на схеме Зон охраны древнего города Радонежа

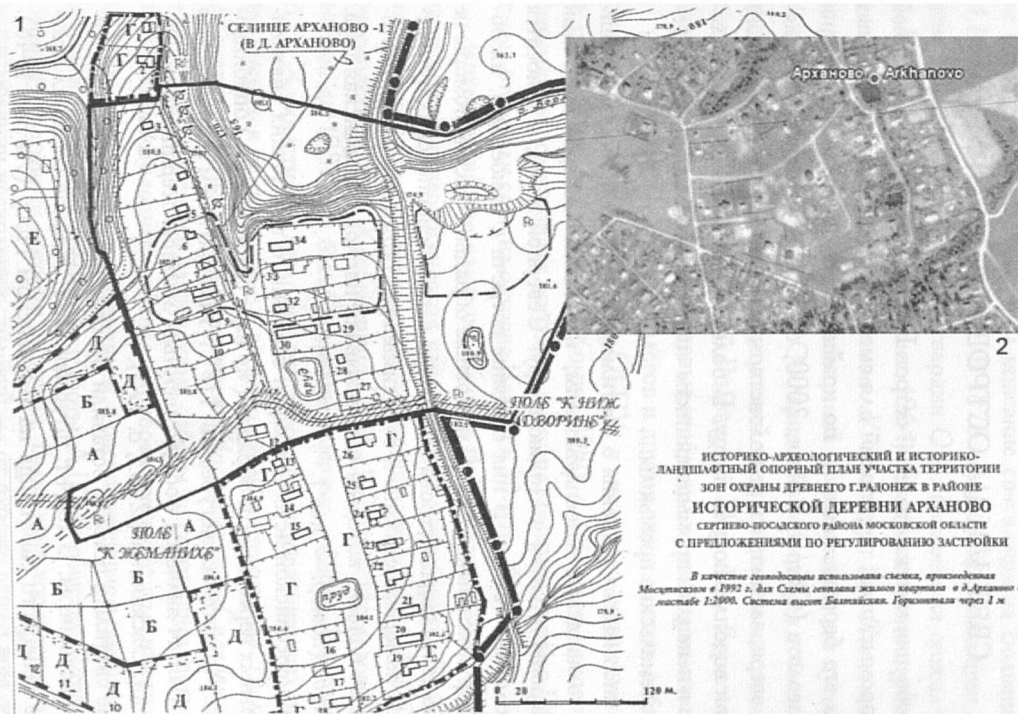

Рис. 9. Пример разработки генпланов исторических деревень в зонах охраны древнего города Радонежа с детализацией зон регулирования застройки:
 1 — генплан деревни Арханово (1997 г.); 2 — космический снимок деревни Арханово
 03.05.2008 г., фиксирующий реализацию генплана

СВЯТИЛИЩА ОСТРОВА ВАЙГАЧ

На протяжении многих столетий остров Вайгач (рис. 1) являлся одной из важных промысловых территорий для сменяющих друг друга северных народов. На его берегах, начиная, по крайней мере, с последней стадии верхнего палеолита (Остров Вайгач, 2000, с. 77–80), люди промышляли морского зверя, занимались рыболовством, охотились на оленя и белого медведя, били водоплавающую птицу. В более позднее время остров служил русским и ненецким промышленникам «перевалочной базой» для перехода на Новоземельские промыслы.

Первые письменные сведения о святилищах Вайгача принадлежат английским и голландским мореплавателям, искавшим Северо-Восточный проход из Европы в Китай и Индию вокруг Северной Азии, и относятся ко второй половине XVI в. В них описаны встречи с самоедами, их облик, одежда, оружие и некоторые религиозные обряды. Русские поморы не раз бывали на святилищах острова задолго до западноевропейских путешественников. С поморами связаны и топонимы этих объектов, частью которых было слово *болван*, которым они называли идолов: Болванская гора, Болванский Нос (помор. — *мыс*).

Впервые в российской историографии сведения о вайгачских святилищах, религиозных верованиях и обрядах («о вере самоедской») опубликованы в Атласе Архангельской губернии 1797 г. Именно в нём впервые было сказано, что Вайгач является «общественным местом жертвоприношения» (Ясински, Овсянников, 2003, с. 370).

Описание святилищ острова оставили русские исследователи, путешественники и миссионеры. В 1824 г. штурман *И.Н. Иванов* составил краткое описание ненецкого святилища на Болванском Носу (Литке, 1948). Интереснейшие сведения о святилищах Вайгача приводит архимандрит Антониев-Сийского монастыря *Вениамин* (Смирнов), начальник духовной миссии по обращению в христианство самоедов Архангельской губернии.

В его работе «Самоеды Мезенские» (Вениамин, 1855) подробно описаны ненецкое святилище на мысе Болванский Нос, ритуалы, происходившие на нём, названы имена богов, которым поклонялись ненцы. В 1837 г. на острове побывал и оставил описание святилища на Болванском Носу А.И. Шренк, (Шренк, 1855). В 1878 г. участник экспедиции А.Э. Норденшельда поручик русской гвардии О.А. Нордквист описал святилище на Болванском Носу (Нордквист, 1964). Описание святилищ Вайгача есть в книге художника А.А. Борисова «У Самоедов. От Пинеги до Карского моря» (Борисов, 1907), написанной по материалам его путешествия на остров Вайгач в конце XIX в. Он первым из европейцев побывал на святилищах Болванской горы во внутренней части острова и на самом северном святилище — на мысе Малый Болванский Нос. А.А. Борисов не только описал эти святилища, но и впервые отобразил их на живописных полотнах.

В 20–30 гг. XX в. от геологов и других специалистов, работавших на острове в составе экспедиции ОГПУ, в некоторые музеи поступают отдельные вещи со святилищ (Хомич, 1980, с. 50). Есть сведения о неких безымянных святилищах острова в мемуарах бывших узников ГУЛАГа, которые отбывали срок на острове Вайгач в 30-е гг. XX в.

Археологическое изучение острова Вайгач было начато в 1984 г. Архангельской археологической комплексной экспедицией Ленинградского отделения Института археологии Академии наук (ЛОИА АН СССР) под руководством Л.П. Хлобыстина (1931–1988 гг.). Исследования продолжались до 1987 г. и были прерваны смертью учёного. Всего за эти годы Л.П. Хлобыстиным было исследовано пять разновременных памятников, находящихся на побережье и во внутренней части острова. Были раскопаны древние святилища на Болванском Носу и Сиртя-Сале (ненец. — мыс Сиртя), произведены разведочные работы на святилищах Болванской горы и Малого Болванского Носа. Прибрежные культовые памятники исследователь датировал средневековым, а расположенные в глубине острова — новым и новейшим временем. Работы Л.П. Хлобыстина открыли новую страницу в древней истории Арктики. Была дана хронология памятников на протяжении нескольких столетий — от рубежа нашей эры до позднего средневековья, впервые появился материал, позволявший судить о духовной и материальной культуре народов, обитавших на крайнем северо-востоке

Европы до прихода сюда *ненцев*, о первых контактах местного населения с *русскими*, вероятнее всего, *ладожанами*.

В 1986—2009 годах, с некоторыми перерывами, свои исследования культовых памятников Вайгача проводит МАКЭ Петра Боярского. К настоящему времени выявлено и описано одиннадцать разновременных святилищ. За этот период проведены исследования и на уже известных памятниках, давших материалы, которые позволяют по-новому интерпретировать историю культовых памятников острова.

Святилища острова, имеющие широкий хронологический диапазон, представляют уникальное явление и отражают сложные этнокультурные процессы, проходившие на северо-востоке Европы и севере Западной Сибири в I—II тысячелетии (Барышев, Боярский, 2001, с. 79). Оставленные донецким этносом святилища функционировали на острове, начиная с раннего средневековья, а затем некоторые из них использовались *ненцами* до их массового крещения со второй четверти XIX века. В последующее время эти сакральные места продолжали существовать как объекты дохристианских форм верований вплоть до 30-х годов XX века, периодически проявляясь в советское время и постепенно возрождаясь сейчас.

Некоторые капища целенаправленно сохранялись и поддерживались на протяжении длительного хронологического периода, и на них обрядовые церемонии совершались с большим или меньшим постоянством, так как именно эти места наделялись в традиционном религиозном сознании людей наибольшей сакральностью, что характерно для главных святилищ Вайгача. Топография святилищ, сохранившаяся на них предметная обстановка позволяют, насколько это возможно, проследить характер обрядовых действий, верований, особенности взаимоотношения социума с природной средой. В качестве культовых предметов в религиозной и обрядовой практике использовались как специально изготовленные для этих целей предметы, так и любые другие: утварь, оружие, орудия труда, украшения, употребляемые в утилитарных и мистических целях.

Святилища острова Вайгач являются памятниками духовной культуры народов, которые на протяжении длительного времени населяли Европейский Север России. Они были маркерами территории семьи, рода, племени, а общенародные святилища играли важную консолидирующую роль в

жизни этноса. Нарушение границы культового места чужаками, а тем более осквернение или разгром его могли привести, как считалось и считается до сих пор в некоторых тундрах, к катастрофическим последствиям для семьи, рода, племени. Вот почему ненцы до сих пор ревностно относятся к своим святыням. Священная забота о «кормлении» и сбережении родовых святынь и глубокая вера в обратное благотворное влияние почитаемых духов на жизнь и благополучие родового коллектива явились питательной средой для жизнестойкости древних культовых мест и традиционности обрядовых действий, с ними связанных (Тиваненко, 1989, с. 181). Все религиозные обряды, от исполнения которых зависела материальная и духовная сторона жизни, были направлены на выполнение самых главных чаяний общества — защиту человека от рождения человека до его смерти, поддержание его биологического существования (удача в оленеводстве, охоте; рыболовстве), благосклонность и защиту со стороны духов в различных личных и общественных сторонах жизни. Святылища как локус «потустороннего мира» обладали маргинальными свойствами, которые выражались в их двойственности — они были местом контактов «этого мира» и «мира духов». Все проезжающие мимо оставляли что-нибудь на священном месте или приносили в жертву оленя. Сейчас чаще всего оставляют табачные изделия или льют спиртное (Лар, 2003, с. 48).

Святылища острова Вайгач были «*прародительским центром*», откуда «*произошли*» главные материковые святылища ненцев. По преданию у *Вэсако* и *Хадако*, двух главных идолов острова, было четыре сына, которые разошлись по ненецким тундрам: «*Нюхегъ, сын-идол, небольшой утёс на Вайгаче, Минисей, возвышение у Уральского хребта, Ялмал, на западной стороне Обской губы, и Козмин перелесок в Канинской тундре*» (Вениамин, 1855, с. 125).

Материалы святылищ дают возможность изучать не только религиозные воззрения коренного населения Севера, но и экономические взаимоотношения между Крайним Севером и другими землями в разные исторические эпохи. Значительные по количеству древнерусских вещей средневекового времени археологические коллекции со святылищ Вайгача позволяют сделать вывод о наличии в XI—XIV вв. тесных экономических отношений между крайним северо-востоком Европы и Русью, причём эти отношения

были не эпизодическими, а регулярными. Это подтверждается летописными источниками и сообщениями иностранных путешественников. В этот же период сформировалась сеть промысловых, торговых и даннических путей, а также система опорных пунктов для обеспечения успешного функционирования этих путей (Макаров, 1997, с. 47; Барышев, 2010, с. 229). Самым мощным стимулом для древнерусской колонизации северо-восточных окраин Европы, начавшейся, видимо, не позднее XI в., были меховые богатства региона.

Святылища тяготеют к заметным ландшафтным объектам — высоким берегам рек, озёр и морей, горам, сопкам, скальным останцам, карстовым образованиям различного происхождения (пещеры, провалы), одиноким большим камням, необычным отдельным деревьям и целым рощам. Иногда святылища образовывались на местах, связанных с каким-то важным или необычным событием. Часто святылища находятся на пути миграций древних охотников за оленями и на пути ямданий ненцев-оленеводов.

Некоторые топонимы говорят о том, что на территории Вайгача могут находиться культовые памятники — как относящиеся к средневековью, так и оставленные ненцким этносом в более поздний период. С большой долей уверенности мы можем сказать, что на сопках, урочищах, реках и других географических объектах, имеющих названия «Болванские», «Болбанские» могут находиться святылища. О наличии культовых мест могут свидетельствовать следующие топонимы:

1. Мифологические: «хэхэ» (дух-покровитель) — например, река Хэхэха, озеро Хэхэто; «хэсе» (место духа); «хэбидя» (священный) — Хэбидя но; порней (ведьма, чудовище) — Вылко-порней; сиртя — Сиртя-сале; «сядэй» (идол) — Сядей-яха (река идолов); «болван», «болбан» (идол) — Болван-седа (сопка идолов).

2. Родовые: Талей-то, Талей-яха, Талей-седа (озеро, река, сопка рода Талей) и т.п.

3. Топонимы человеческой деятельности: Хэкур-седа (отметка места в виде кучи рогов, дёрна или камней), Янго-то, Янга-яха (от «янго» — капкан, ловушка) и т.п.

Кроме этого, священные места могут иметь топонимы, обозначающие животных, птиц, рыб, деревья, географические объекты и т.п.

На святылищах Вайгача, посвящённых духам — хозяевам острова, охотники, зверобои и оленеводы проводили умиловительные и благодарственные жертвоприношения для удачного проведения промыслов. При совершении религиозных церемоний на святылищах и жертвенных местах острова в ритуальных целях использовались различные категории вещей. Такие культовые предметы составляют *две группы*: предметы *первой группы* использовались только в культовых целях (культовые пластины, амулеты, украшения и т.п.). Причём эти предметы могли быть специально изготовлены для сакральных нужд, но чаще приспособлялись уже готовые вещи. Предметы *второй группы* (предметы труда, охоты, быта и т.п.) в бытовом контексте выступали как обыкновенные вещи, а при вхождении в ритуал становились носителями сакрального смысла. Однако во многих случаях подобное деление носит несколько условный характер. Большинство предметов, найденных на святылищах острова, фрагментарны или намеренно испорчены, что дополнительно свидетельствует о сакральном характере памятников.

Основной и очень характерной категорией находок на средневековых святылищах являются металлические предметы (серебряные, бронзовые, медные, железные). Часть средневековых металлических изделий происходит из Западной Сибири и Пермской земли. Некоторая часть изготавливалась на месте, о чём свидетельствуют остатки бронзолитейного производства на «поселении югры» Карпова Губа, датируемом VII—X вв. (Хлобыстин, 1991, с. 32). Святитель Стефан Пермский в XIV в. упоминал о наличии на «кумирницах» древних пермян изделий из золота, серебра, меди, железа и олова (Повесть..., 1982, с. 206). Судя по находкам на средневековых святылищах, довольно интенсивными были связи с Волжской Болгарией и Русью, через которые на Крайний Север попадали изделия из Западной Европы и Средней Азии. По авторитетному мнению О.В. Овсянникова, открывшего и исследовавшего средневековое святылище на р. Гнилке под Нарьян-Маром, «комплекс жертвенных предметов на святылищах в определённой мере отражает реальный ассортимент вещей, которыми пользовались местные племена в повседневной жизни» (Овсянников, 1994, с. 128) (рис. 2, 3, 4).

Что касается поздних святилищ, то необходимо отметить, что сами ненцы не изготавливали металлических изделий, а покупали их у коми или русских. Пользовались они и металлическими изделиями, привозимыми европейскими купцами в обмен на меха. Ламартиньер свидетельствует, что, отправляясь в торговую поездку по Северному Уралу, они взяли с собой «*табаку, водки, золота, серебра и меди на сумму в 60000 ливров*» (1911, с. 49), что являлось для середины XVII в. огромной суммой. Думается, что эта датская торговая экспедиция была не единственным незаконным контрабандным предприятием в XVI—XVII вв. При Советской власти изготовлением металлических украшений для ненцев занимались даже некоторые промышленные предприятия (Меньшакова, 2003, с. 189). Из металлических изделий, бытовавших среди ненцев, выделяются наборы украшений для мужского и женского костюма, привески шаманского наряда и культовых предметов, металлические детали оленьей упряжи (Меньшакова, 2003, с. 183, 184), оружие, орудия труда и предметы быта.

Ненцы, так же как средневековые сиртя, придавали мистическое значение изделиям из металлов, особенно цветных. Как известно, цветные металлы по представлениям северных народностей обладают очистительными свойствами и являются оберегами. Считалось, что яркий блеск металла и его звон (бубенцы, колокольчики, шумящие подвески) отпугивают злых духов *нылека*. Многие бытовые металлические изделия изначально имели сакральные признаки, поскольку любой металл обладал магическими свойствами. Например, герой одного сказания при помощи *железного посоха*, подаренного ему Хозяином Неба (*Нуву"-Ерв*), победил Старуху Нга (*Нга-Пухуця*), засунув посох ей в рот (Фольклор..., 2001, с. 251). Для очищения некоего нечистого предмета достаточно было пропустить его три раза под ручкой медного чайника или другого медного предмета (Евсюгин, 1979, с. 83). Металлические колокольчики выполняли и выполняют медиативные функции на могильниках-хальмерах между покойным и посетителем (Этнография..., 2003, с. 59, 61).

На ненецких святилищах встречаются жертвенные приклады, состоящие из предметов быта — куски тканей, одежда, фрагменты изделий из кожи, хозяйственная утварь, орудия труда и промыслов и т.п. Почти все жертвенные предметы — «*разноцветное сукно, разные бумажные и шёл-*

ковые платки, шерстяные пояски, кольца, мелкие серебряные деньги и обнорядки» — покупались у русских промышленников (Кушелевский, 1868, с. 113). К сожалению, многие железные вещи, если они находятся на открытом воздухе, а не в культурном слое, очень быстро корродируют, и бывает трудно установить их назначение. Это же касается предметов из органических материалов (дерево, кожа, кость), которые просто разлагаются и исчезают со святылиц. Преобладание металлических предметов на средневековых святылицах объясняется именно тем, что предметы из органики подвергаются более быстрому разрушению на открытом воздухе и в культурном слое.

В настоящее время в некоторых местах северной тундры, где сохранились пережитки старых языческих верований, на священных местах жертвоприношениями становятся предметы современного быта. Например, среди жертвенных прикладов на святылице Козьмин перелесок встречены: пластмассовая обезьяна, милицейский свисток, мясорубка, фарфоровые изоляторы, термос, тракторный руль (Ясински, Овсянников, 2003, с. 317-324). Все эти предметы, не несущие изначально сакральной нагрузки, приобретают сакральность, будучи принесёнными в дар духам, т.е. попав в сакральное пространство священного места: *«Всё, что хоть день пролежало на святылице, перестаёт быть просто вещью»* (Головнёв, 2000, с. 222).

В процессе анализа вещевого материала принципиальное значение получает объективная и целенаправленная фиксация внешнего вида вещи, её функционального назначения и ритуального содержания. При этом необходимо отметить, что все вотивные предметы, украшения, предметы вооружения, охоты, быта являются индивидуальными жертвоприношениями. Н.М. Терехин выделяет мужские и женские жертвоприношения, относя, в частности, к мужским жертвоприношениям кровавые, к женским — ленты, пояски, лоскутки ткани (Терехин, 1993, с. 183).

При изучении предметного ряда святылиц острова Вайгач необходимо учитывать, что их количество не постоянно — за время существования предметы перемещались со святылица на святылице или в священные нарты жертвователей. Кроме этого, масса предметов из органических материалов исчезла в силу естественных причин, а часть металлических предметов

и идолов была изъята со святилищ исследователями и частными коллекционерами.

Весь вещевой материал со святилищ острова Вайгач хронологически подразделяется на три группы, которые раскрывают наличие трёх временных периодов: к первому периоду относятся вещи VIII—X вв. с единичными предметами более раннего времени, но не раньше рубежа эр. Это время характеризуется большим количеством изделий из Западной Сибири, Пермской земли и местными изделиями, и отсутствием массового русского и болгарского материала. Ко второму периоду относятся вещи X—XIV вв. с наличием большого количества русского и болгарского импорта, единичных предметов из Западной Европы и Средней Азии. К третьему периоду относятся вещи XVII—XX вв. Первые два периода соответствуют существованию средневековых святилищ до-ненецкого населения, тому времени, по словам О.В. Овсянникова, «когда арктические тундры крайнего северо-востока Восточной Европы ещё не были заселены пришедшими из-за Полярного Урала самодийскими племенами, известными нам как «ненцы» (Ясински, Овсянников. 2003, с. 298).

Особым материальным проявлением духов на святилищах являлись сядэи — «болваны, глаголемые кумиры,... еже суть болваны истуканные, изваянные, издолбленные, вырезом вырезаемые» (Повесть..., 1982, с. 172) из дерева, металла и камня в виде людей, животных или птиц. В особых случаях идолы могли изготавливаться из снега или земли (Ефименко, 2000, с. 64). Сядэев «самоеды сами отёсывают из какого-нибудь деревянного чурбана наподобие человека и ставят на возвышенных местах по тундре и в лесах» (Иславин, 1847, с. 117). Сами по себе истуканы не являлись богами или духами, а были лишь их вместилищем (Дэвлет, 2001, с. 228; Лар, 2003, с. 75). Подобные верования бытовали и у русских — антропоморфные деревянные изображения «панки» считались вместилищем душ предков (Криничная, 1991, с. 17) и являлись отголоском того времени, когда у древних славян существовали анимистические верования (рис. 5, 6).

Культовая скульптура выступала в религиозных обрядах традиционных обществ как средство для вызывания духов предков, духов природы или других духов, с которыми хотят установить связь. Культовую скульптуру «завещал» делать человеку сам Нум': «Сделай себе идолов, которые бу-

дут тебя охранять...» (Мифы..., 2001, с. 205). Самих идолов «самоеды не только в лесах, но и на всяком месте по повелению тадибеев поставляют и переносят с места на место, наблюдая при том, чтоб болваны лицом всегда к востоку стояли...», говорится в Атласе Архангельской губернии 1797 г. (цит. по: Ясински, Овсянников, 2003, с. 371).

Вся антропоморфная деревянная культовая скульптура вайгачских святылищ в своей основе имеет два геометрических тела — цилиндр и плоский параллелепипед. Цилиндрических идолов («ксоанов» по терминологии С.В. Иванова) вырезали обычно из древесных стволов или сучков, а плоских — из доски или плахи. У культовой скульптуры моделировали в основном голову, а туловище чаще оставалось неоформленным. Иногда подчёркивались определённые детали. Чаще всего делали параллельные нарезки — так называемые «рёбра», очень редко выделялись половые органы, груди. Частями тела, лишёнными символического значения (ноги, руки, ступни), «скульпторы» или пренебрегали или едва намечали их. Ноги и руки более тщательно прорабатывались у культовых фигурок духов предков, используемых вне святылищ.

Очень редко деревянные идолы украшались дополнительными элементами из металла и других материалов. В основном украшались такие важные, по мнению скульптора, детали, как глаза, соски, пупок: «В середине тела у некоторых [идолов], для обозначения пупа, было вбито по железу гвоздю» (Вениамин, 1855, с. 123); «На месте глаз вставлены свинцовые пули» (Носилов, 1997, с. 157); «Каменноглазый идол, уставившийся в мой мозг...» (Мифы..., 2001, с. 186).

Пластика культовой деревянной скульптуры многозначна по смыслу, но предельно проста по техническим средствам. При создании идолов немцы использовали топор и нож. У некоторых идолов глаза высверлены при помощи лучкового сверла. Изготавливались идолы в тихом уединённом месте, молча и без лишних свидетелей (Лар, 2003, с. 73). Все дошедшие до нашего времени идолы «самой плохой и неискусной работы» выглядят крайне примитивно и представляют собой в основной массе палки с зарубками, которые обозначают глаза и рот. Очень точно описывает лаконичную технику изготовления идола К.Д. Носилов (1997, с. 289): «...рука само-

еда несколькими взмахами топора сделала на обрубке дерева нос, глаза, остроконечную голову, наметила губы, и чудовище готово...».

Каменные идолы представляли собой естественные скальные выходы или выполнялись в виде каменных кладок различной формы — хэкуров, которые внешне почти ничем не отличаются от поморских гуриев — памятных или навигационных знаков. Описание каменных идолов на ненецких святилищах впервые встречается у Вениамина (1855, с. 122–125). Они находились на святилище *Вэсако* на Болванском Носу в количестве 20 штук: «Это были нимало не обработанные, фигурчатые, белые известковой породы камни с остроконечным верхом, представлявшим голову идола». Возле них не находилось «ни оленьих голов, ни привесок», из чего Вениамин заключает, что идолы «составляли как бы свиту главного идола *Весака*». По описанию Вениамина, каменные идолы представляли собой, видимо, монолитный известняковый камень антропоморфной формы. Наиболее ярким образцом идолов-хэкуров является каменная кладка на культовом месте «Святилище с каменным идолом». Тулово кладки сложено из плоских камней, а в вершину вставлен плоский приострѐнный камень, придающий всей композиции антропоморфный вид (Остров Вайгач, 2000, с. 82).

На средневековых святилищах острова найдено несколько металлических антропоморфных, зооморфных и орнитоморфных изделий, часть которых вполне могла выполнять роль идола — вместилища духа. Епифаний Мудрый ещё в XIV в. упоминал о наличии у соседей ненцев — коми-пермяков, «идолы язычестии сребро и злато дело рук человеческих» (Житие..., 1897, с. 48). Де Брюин в начале XVIII в. отмечает, что перед идолами ненцы ставят «кусок железа», на который вешают других маленьких идолов (Путешествие..., 2009, с. 77). О существовании металлических идолов у ненцев упоминает И.Н. Иванов (1824 г.) при описании святилища на Болванском Носу (мыс Дьяконова) Вайгача — «Некоторые болваны были металлические ...» (Литке, 1948, с. 316).

Проводя аналогии с этнографическими материалами нужно отметить, что в XVIII–XX вв. большинство личин являлись деталями культовых антропоморфных фигур, точнее «лиц», духов-предков семьи, духов-охранителей (*Мяд пухуця*, *нгытарма* и др.), характерных для ненцев и

народов севера Западной Сибири. В начале XVIII в. сибирский этнограф Г. Новицкий отмечал, что у остяков в Шокоровых юртах есть деревянный идол «в подобие человеке, серебрено имеющ лице...» (Новицкий, 1941, с. 72). Н. Витсен (1705 г.) упоминал наряду с деревянными идолами, которые были «скованы из железа», а также «из олова, меди и свинца» (Ясински, Овсянников, 2003, с. 363, 364). В нашем случае личины могли изображать «лица» идолов, стоявших на святилищах. Некоторые исследователи отмечают, что личины из металла имели только идолы «высшего ранга» (Гемуев и др., 1989, с. 78, 79).

Необходимо отметить, что все немногочисленные металлические «идолы», найденные на святилищах острова не изготавливались специально для своей функции, происходят из разных мест, некоторые являлись атрибутами христианской религии, представлены в основном единичными образцами и представляли собой объекты меновой торговли или военные трофеи, которые были приспособлены посетителями местных кумирен для своих «нужд».

Ненецкие святилища острова были посвящены определённым религиозным персонажам. Святылище *Небя-Хэхэ* находится почти в центральной части Вайгача и занимало главное место, если говорить о XIX в., в пространственной организации сакрального мира острова: в северной части, на мысе *Нюдя сале хэхэ'я* (мыс Малый Болванский Нос) находилось святилище *Хадако (Я'Мал Хадако)*, в южной части, на мысе *Хэхэм Саля* (мыс Дьяконова) — святилище *Вэсако*, а между ними располагалось местообитание Матери богов — *Небя-Хэхэ*. Святылище Большой Болванской горы своей вертикалью воплощало космологическую иерархию ненецкого мифа — вершина была связана с небом и верхними духами, с самим *Нум'ом*, расщелина ассоциировалась с входом в нижний мир, где обитали *Нга* и *Небя-Хэхэ*, жертвенная площадка представляла средний мир, мир людей. Таким образом, все главные духи, которые существовали в ненецкой религии и отвечали за мировой порядок, встречались в сакральном центре острова, где перед ними предстали жертвующие (рис. 7, 8).

Сам термин «святилище» обладает некоторой долей условности, поскольку не всегда ясны содержательная наполненность охваченных им определений и критерии отнесения к нему конкретных памятников. Ещё большие проблемы возникают при определении характера и интерпретации

смысла реализовывавшихся на них культовых действий. Это связано с тем, что в археологическом материале отражена в первую очередь не столько содержательная, сколько функциональная специфика культовых памятников (Петров, 2003, с. 74).

На основании полученного в результате исследований материала можно выделить три хронологических периода существования святилищ острова:

1. *Рубеж эр — конец I тыс. н.э.* Для этого времени характерны предметы, типичные для местного населения и населения сопредельных территорий — Верхней Камы, Северного и Среднего Урала, севера Западной Сибири.

2. *Конец I тыс. н.э. — XIV в.* Для этого времени характерен не только местный материал и материал сопредельных территорий, но и масса изделий из Древней Руси, Волжской Болгарии, степной зоны, единичных вещей из Западной Европы и Средней Азии.

Первые два периода можно соотнести с существованием на острове святилищ древних насельников, культура которых генетически связана с культурой предуральских и нижнеобских племён. Анализ находок со средневековых святилищ говорит о том, что они относятся к группе памятников субарктического типа, известных в Большеземельской тундре (*Хэбидя Пэдара, Кобылиха, Гнилка, Сиера-Мыльк*) и датируемых X—XIV вв., материалы которых имеют большое сходство с тиутейсалинской археологической культурой III—IV — X—XI вв.

3. *XVII — нач. XX вв.* — это *ненецкий* период существования святилищ, который представлен самым большим их количеством.

Таким образом, явственно видна хронологическая лакуна в несколько сотен лет, о которой писал ещё Л.П. Хлобыстин (1991, с. 30). Такая же картина характерна для материковых святилищ.

Святилища всех хронологических групп подразделяются на общественные и семейно-родовые, что свидетельствует о почитании двух групп божеств — духов-хозяев острова и мест, а также семейно-родовых духов. Святилища были маркерами окультуренного пространства на нежилой территории острова, где обитали наиболее влиятельные и могущественные духи, помогавшие дарителям жертв в промысловой и социальной сферах жизни. На ненецких святилищах были представлены духи всей иерархической

лестницы, всех трёх ярусов вселенной — от демиургов *Нум'а* и *Нга* до хозяев определённых географических объектов. Об этом свидетельствуют жертвенные обряды, проходившие на святилищах — верхним духам жертвы «возносили вверх» сжигая на кострах, развешивая на шестах и оленьих рогах; жертвы нижним духам складывали на землю или закапывали, бросали в расщелины, пещеры и провалы. Наличие отверстий в земле на территории святилища говорит о принадлежности святилища хозяевам и духам нижнего мира, святилища верхним духам размещались на возвышенностях или возле скальных выходов.

Обряды, которые совершались на святилищах острова, можно разделить на индивидуальные, семейно-родовые и общественные, которые совершались на святилищах разных рангов — семейно-родовых и общественных.

По материалам, выявленным на святилищах всех хронологических периодов, достаточно хорошо прослеживается наличие культа духов-хозяев мест и связанных с ним промысловых культов, культа предков, культа солнца и огня, культа неба, а также культа земли-матери (матери-природы). С культурами неба, земли-матери, духов-хозяев мест органически связан культ гор и камней.

Наиболее развитыми и пронизывающими все остальные культы у ненцев были культ предков и культ духов-хозяев мест, выразившийся в почитании разнообразных хэхэ. На святилищах острова они были представлены антропоморфными и зооморфными деревянными, и каменными *сядэями*. Культовая скульптура ненецких святилищ, имея некоторые особенности, развивалась в тесном контакте с традициями соседних финно-угорских народов. Иконография ненецкой антропоморфной скульптуры святилищ Вайгача связана с древнеуральской традицией, представленной идолами Уральских торфяников, а позднее культовой скульптурой обских угров и легендарных *сиртя*. Чертами этой древней традиции являются: наличие плоской и круглой скульптуры; остроголовость; многоликость; трактовка личин крупными срезами, когда щёки и глаза передаются одной плоскостью; показ деталей деревянной скульптуры вставками из другого материала. Примитивность идолов не говорит о неумении ненцев создавать более «высокохудожественные произведения» — каждый ненецкий мужчина виртуозно

владеет ножом и может изготавливать какой угодно сложности деревянные изделия, примитивность же идолов свидетельствует об устойчивости и древности канонов, по которым изготовлена культовая скульптура.

Культовые действия состояли из кровавых и (или) бескровных жертвоприношений, которые сопровождалась речевыми (обращения к духам, рассказывание мифов, легенд и т.п.) и акциональными (убиение жертвенного животного, ритуальные танцы, «спортивные» состязания и т.п.) действиями. Основными жертвенными животными во все хронологические периоды были северный олень, белый медведь и морские млекопитающие (с преобладанием оленя), что говорит о важной роли этих животных в хозяйственно-экономической жизни аборигенов и ненцев.

После христианизации ненцев некоторые святилища высшего ранга были уничтожены, на других обряды постепенно затухали. В XX в. на главных святилищах острова религиозные обряды совершались спорадически и не массово, а возобновление очень редкой культовой деятельности отмечается с 80-х годов XX века.

Литература

1. Барышев И.Б., Боярский П.В. Отчёт об археологической разведке на острове Вайгач Архангельской области в 2000 г. М. // Архив ИА РАН. № 24510, 2001.
2. Барышев И.Б. Отчёт о комплексных исследованиях в Приморском районе Архангельской области в 2002 г. // Архив Института Наследия. М., 2002.
3. Барышев И.Б., Боярский П.В. Святилища острова Вайгач // Северный археологический конгресс. Екатеринбург—Ханты-Мансийск, 2002.
4. Борисов А.А. У самоедов. От Пинеги до Карского моря. СПб., 1907.
5. Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977.
6. Вениамин, архимандрит. Самоеды мезенские // Вестник Императорского Русского географического общества. Часть 14, книги 3—4. СПб., 1855.

7. *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьёв А.И.* Легенды и были таёжного края. Новосибирск, 1989.
8. *Головнёв А.В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
9. *Головнёв А.В.* Путь к Семи Чумам // Древности Ямала. Вып. I. Екатеринбург-Салехард, 2000.
10. *Грачева Г.Н.* Традиционные культы нганасан // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977.
11. *Дэвлет М.А.* Священные места и их символы // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001.
12. *Евсюгин А.Д.* Ненцы архангельских тундр. Архангельск, 1979.
13. *Ефименко А.Я.* Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии (извлечение) // Традиционная нормативная культура, организация власти и экономика народов Северной Евразии и Дальнего Востока. Автор-составитель Ю.И. Семёнов. М., 2000.
14. *Житие Стефана Пермского.* СПб., 1897.
15. *Жуковская Л.Н.* Жертвоприношение // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 5. Религиозные верования. М., 1993.
16. *Иславин В.А.* Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.
17. *Козьмин В.А.* Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб., 2003.
18. *Криничная Н.А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991.
19. *Кушелевский Ю.И.* Северный полюс и земля Ямал. СПб., 1868.
20. *Кызласов И.Л.* Гора прародительница в фольклоре хакасов // Советская этнография, № 2, 1982.
21. *Кызласов Л.Р.* Древнейшая Хакасия. М., 1986.
22. *Де Ламартиньер П.М.* Путешествие в Северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов, борандайцев, сибиряков, самоедов, ново-земельцев и исландцев, со многими рисунками. М., 1911.
23. *Лар Л.А.* Культовые памятники Ямала. Хэбидя Я. Тюмень, 2003.

24. *Литке Ф.П.* Четырёхкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая земля» в 1821–1824 годах. М., 1948.
25. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997.
26. *Меньшакова Е.Г.* Литые металлические украшения кочевников как источник изучения взаимодействия культур в контактной зоне Европейских тундр в XIX–XX вв. // Вестник поморского университета. Архангельск, 2003.
27. Мифы и предания ненцев Ямала. Автор-составитель *Лар Л.А.* Тюмень, 2001.
28. *Новицкий Г.* Краткое описание о народе остяцком: 1715. Новосибирск, 1941.
29. *Нордквист О.А.* Отчёт Русскому Географическому обществу об экспедиции профессора А.Э. Норденшельда на пароходе «Вега» // Русские Арктические экспедиции XVII–XX вв. Л., 1964.
30. *Носилов К.Д.* На Новой Земле. Тюмень, 1997.
31. *Овсянников О.В.* Средневековая Арктика: археологические открытия последних лет // Археологические вести, № 3. СПб., 1994.
32. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003.
33. Остров Вайгач. Культурное и природное наследие. Книга 1 / Под общ. ред. *П.В. Боярского, В.П. Стоярова.* М., 2000.
34. *Петров Ф.Н.* Ритуальное взаимодействие человека и мира: на материале археологических памятников степного Зауралья // Человек в пространстве древних культур. Челябинск, 2003.
35. Повесть временных лет. Т. 1. М., 1950.
36. Повесть о житии Стефана Пермского. // Сокровища Древнерусской литературы. М., 1982.
37. Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. 1701, 1708. // Северные ворота России. Сообщения путешественников XVI–XVIII веков об Архангельске и Архангельской губернии / Сост. *Д. Николаев.* М., 2009.
38. *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск, 1993.

39. *Тиваненко А.В.* Древние святылища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск, 1989.
40. *Токарев С.А.* О жертвоприношениях. // ЭО, № 5, 1999.
41. *Фитцхью В.В.* В поисках Грааля // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург—Салехард, 2000.
42. Фольклор ненцев. // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 23. Новосибирск, 2001.
43. *Хлобыстин Л.П.* Культовые памятники острова Вайгач // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991.
44. *Хлобыстин Л.П., Питулько В.В.* Многослойное поселение Мыс Входной // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
45. *Хомич Л.В.* Коллекция МАЭ по этнографии ненцев // Собрание музея антропологии и этнографии. СМАЭ, XXXV, Л., 1980.
46. *Чернецов В.Н.* Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35. М., 1953.
47. *Чернов Г.А.* Атлас археологических памятников Большеземельской тундры, 1985.
48. *Шренк А.* Путешествие по северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам в 1837 г. Т. 1. СПб., 1855.
49. *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в Удмуртской религиозной традиции. Ижевск, 2001.
50. Этнография и антропология Ямала / *Г.А. Аксянова, А.Н. Багашиёв, А.А. Богордаева* и др. Новосибирск, 2003
51. *Ясински М.Э., Овсянников О.В.* Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003.

Принятые сокращения

ААКЭ — Архангельская археологическая комплексная экспедиция

ГУЛАГ — Государственное управление лагерей

ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук

ЛОИА АН — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук

МАКЭ — Морская арктическая комплексная экспедиция

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого

МИА — Материалы Института археологии

ОГПУ — Объединённое государственное политическое управление

СМАЭ — сборник Музея антропологии и этнографии

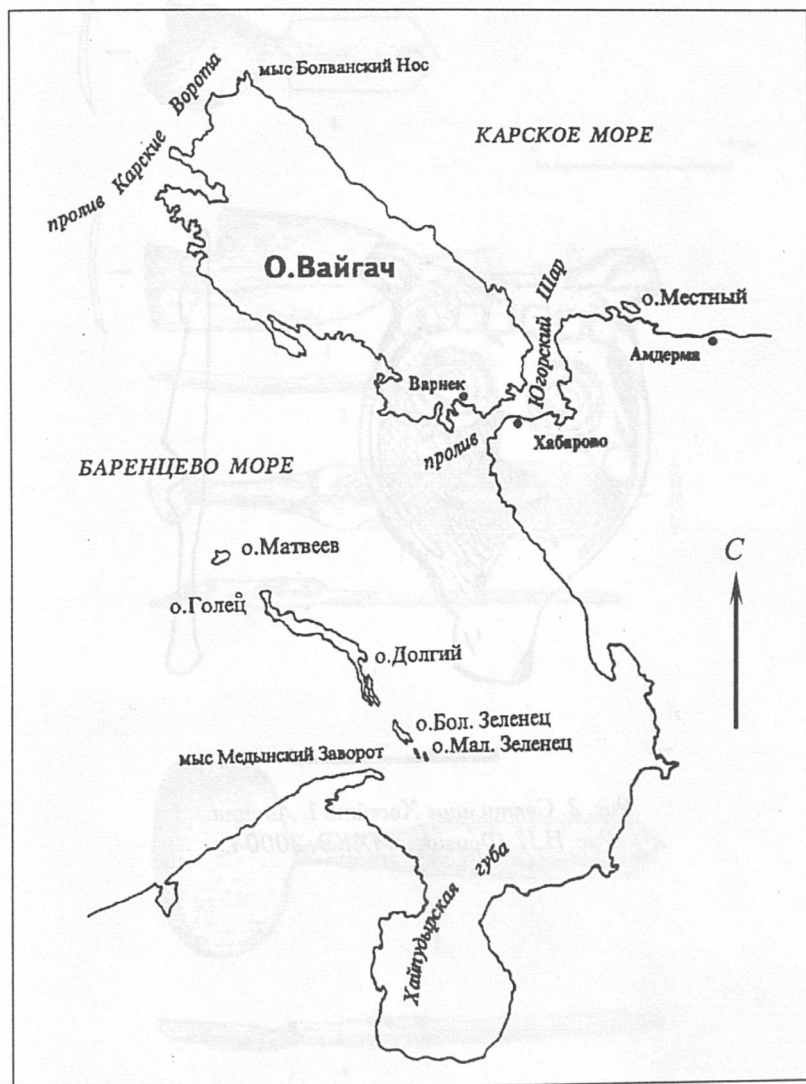

Рис. 1. Картограмма расположения о. Вайгач

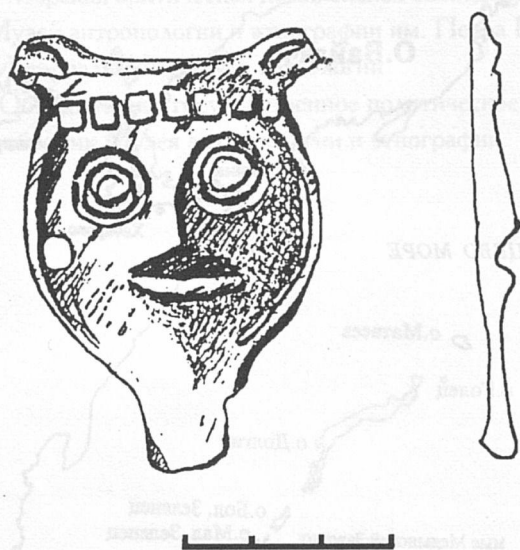

Рис. 2. Святилище Хосейто 1. Личина.
Рис. Н.Н. Фризина. МАКЭ, 2000 г.

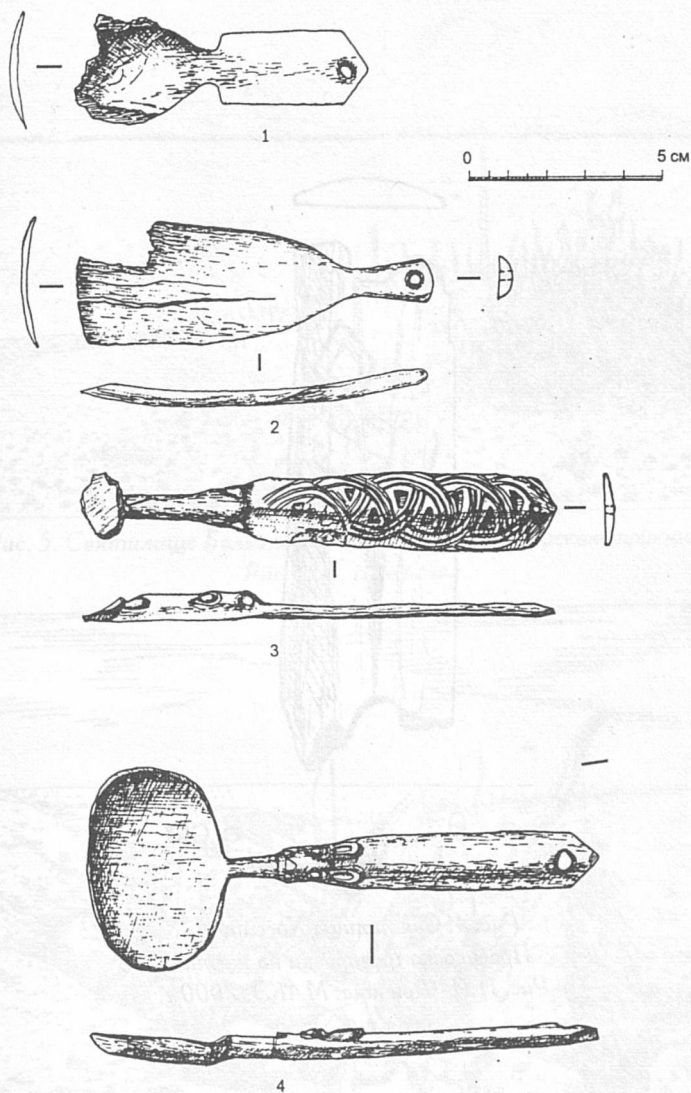
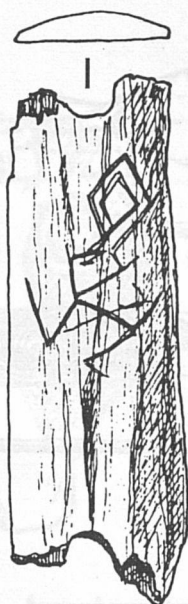

Рис. 3. Святыліца Хосейто 1. Костяныя ложки.
Рис. Н.Н. Фризина. МАКЭ, 2000 г.

*Рис. 4. Святилище Хосейто 1.
Прорисовка гравировки на кости.
Рис. Н.Н. Фризина. МАКЭ, 2000 г.*

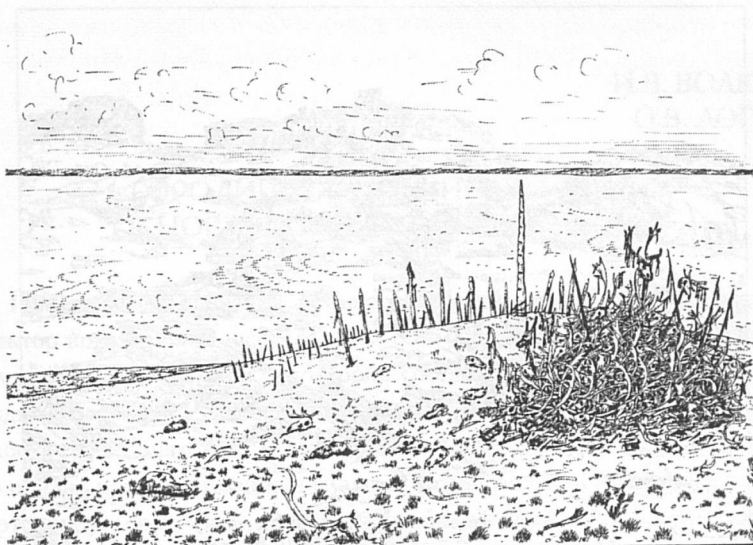

Рис. 5. Святылище Болванский Нос 1. Графическая реконструкция.
Рис. И.Б. Барышева

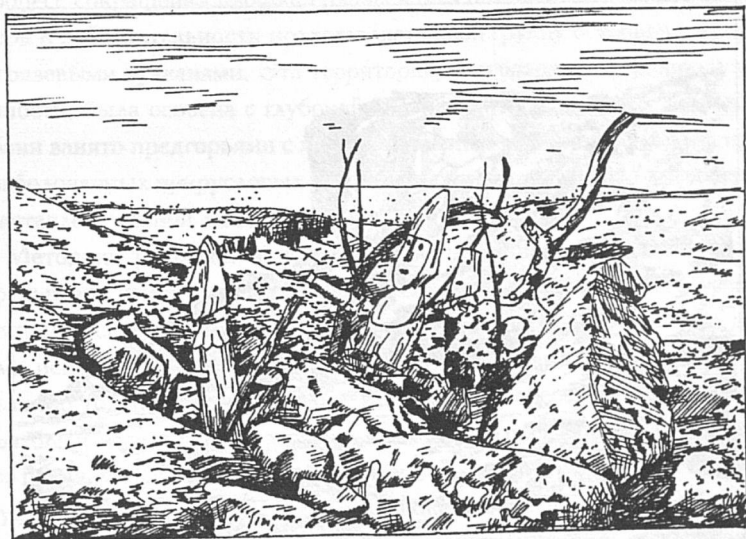
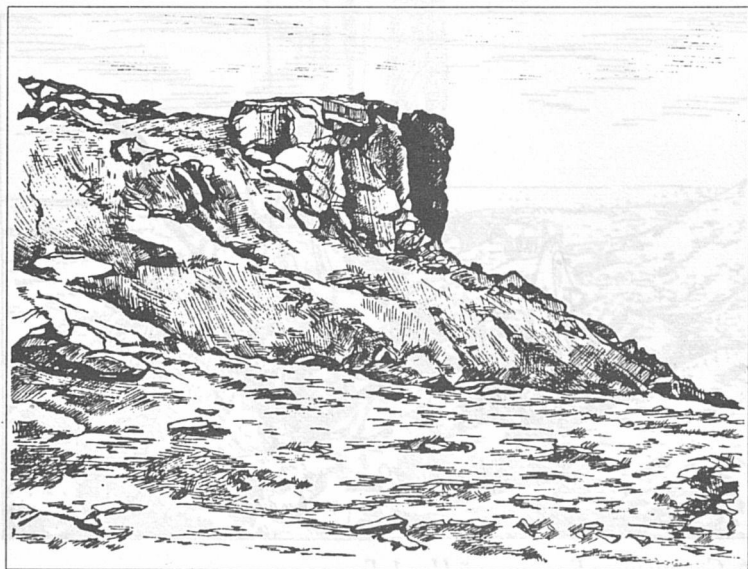

Рис. 6. Святылище Болванский Нос 1. Группа идолов с жертвоприношениями.
Прорисовка фотографии 1935 г. Рис. И.Б. Барышева

Рис. 7. Общий вид святилища на горе Идолов. МАКЭ, 1987 г.

Рис. 8. Гора Большая Болванская. Вид с севера. МАКЭ, 1986 г.

И.В. ВОЛКОВ,
О.В. ЛОПАН

ГОРОДИЩЕ АНГЕЛИНСКИЙ ЕРИК: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Полевые исследования Южнороссийской комплексной экспедиции (Сектор комплексного исследования Юга России) в низовьях Кубани ведутся с 1996 г. На этой территории соседствуют принципиально разные ландшафтные зоны. Азовское побережье в пределах дельты — это узкая полоска прибойного вала между плавнями и морем. Собственно дельта — это обилие протоков, лиманов и плавней. Большую часть суши здесь составляют прирусловые (или древние прибойные) валы. Они обычно узки, а основное пространство дельты занимает поверхность вод и заросли тростника. Впрочем, осушение этой территории человек начал ещё в древности, и процесс сокращения площади плавней был постоянным. Таманский полуостров в действительности представляет собой группу островов с активными грязевыми вулканами. Эта территория, благодаря плодородию и защищенности, была освоена с глубокой древности. Прилегающее левобережье Кубани занято предгорьями с ярко выраженной высотной зональностью — от заболоченных прирусловых участков к горным лесам, а на правобережье представлен степной ландшафт.

Методика разведок и исследования памятников в каждой из ландшафтных зон имеет свои особенности. Эти особенности во многом связаны с этапами освоения данной территории в древности. Степная зона долгое время использовалась преимущественно кочевниками, а земледелие было возможно только на прирусловых участках. Левобережье Кубани и предгорья были заселены кавказскими племенами (преимущественно адыгами и их предками) с архаичной организацией, но почти не подчинявшимся могущественным соседям. Адыгами также была освоена труднодоступная дельта, где протоки и плавни служили защитой не худшей, чем горные леса и ущелья. В освоении Азовского побережья и отчасти Таманского полу-

острова помимо местных жителей принимали участие представители дальних стран, в средние века — итальянцы, в меньшей степени — греки и армяне. В первую очередь их интересовали два основных неисчерпаемых ресурса: рабы, пополнявшие невольничьи рынки Европы и Африки, и рыба. Таким образом, каждая ландшафтная зона представляла собой как бы особый мир, о чём свидетельствуют ныне разные группы археологических памятников, при выявлении которых в каждой из зон имеется своя специфика.

На участках морского побережья традиционным методом археологических разведок является простой осмотр береговой линии, где обычно на молодом клифе бывают видны обнажения культурного слоя. Сложности заключаются в том, что население XIII в. не всегда выбирало селитебные участки, находящиеся непосредственно на побережье. В этом случае поиск целесообразно вести по источникам пресной воды, которых в Приазовье немного. Морское побережье в пределах дельты Кубани — линия временная, меняющаяся год от года, в настоящем практически везде абразионная. Зачастую здесь лишь повышенная концентрация окатанных фрагментов керамики свидетельствует о том, что где-то рядом находились очаги оседлого обитания. В плавнях Кубани вся жизнь концентрируется по прирусловым валам — современным и древним. На каждой полоске суши здесь можно найти следы обитания в древности и средневековье.

За время исследований ЮРКЭ в низовьях Кубани удалось локализовать ряд населённых пунктов, обозначившихся с XIII в. на итальянских морских картах; исследовать эталонные памятники адыгов в плавнях Кубани (то есть на территории, где было сделано первое этнографическое описание адыгов и они стали известны под этим своим самоназванием); установить динамику заселения Таманского полуострова в XI—XVIII вв. В последние годы работы были сосредоточены на городище Ангелинский Ерик и памятниках его округи.

Поселение было открыто в 1937 г. Н.В. Анфимовым, который выехал по вызову колхозников, случайно повредивших склепы, и тогда же провёл раскопки могильника, примыкающего с западной стороны к поселению (Анфимов Н.В., 1937). Отчёт Н.В. Анфимова стал известен широкому кругу исследователей, в частности, благодаря находкам, свидетельствовавшим о распространении христианства на памятнике (рис. 7), что, как тогда

предполагали, могло служить отражением связей с древнерусским населением Тмутараканского княжества. В значительной степени подобные предположения объяснимы тем, что в то время ещё не была разработана хронология средневековых древностей, прежде всего амфор. В результате была принята широкая дата жизни на городище: X—XV вв. На этом основании было сделано множество неверных выводов о динамике освоения региона адыгским и русским населением.

В результате работ ЮРКЭ выяснилось, что никаких оснований для столь расширенного датирования не имеется, и, скорее всего, жизнь на городище была ограничена интервалом 1280—1360-х гг. (Волков И.В., 2003, С. 236—239; Волков И.В., 2005; Волков И.В., 2008). Находки, выходящие за этот интервал, настолько редки, что их появление следует считать случайным и никак не связывать с городом.

Одним из основных направлений исследовательской работы Южно-российской комплексной экспедиции стали охранно-спасательные раскопки на городище. В настоящее время почти вся площадь памятника активно разрушается сельскохозяйственными работами. В центральной части городища ещё прослеживается микрорельеф: невысокие холмики, которые соответствуют наиболее крупным усадьбам и общественным зданиям. Сейчас на большинстве холмиков появились обломки золотоордынских кирпичей, а это свидетельствует о том, что глубина распашки достигла уровня фундаментов. По инициативе Управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края в рамках госконтракта в 2008—2009 гг. на городище Ангелинский Ерик проведены охранные раскопки в зоне, наиболее разрушаемой распашкой.

Помимо полевых работ, основными направлениями исследовательской деятельности Сектора, связанной с городищем Ангелинский Ерик и его округой, стали следующие темы. Во-первых, анализ средневековых письменных источников, затрагивающих Нижнекубанский регион, и возможность локализации города «Шакрак» на месте городища Ангелинский Ерик. Во-вторых, была произведена атрибуция нумизматических материалов городища и его округи. Кроме того, производилась обработка археологических материалов из частных коллекций, собранных на городище. По результатам исследований нами была опубликована серия статей (Вол-

ков И.В., 2003. С. 236–239; Волков И.В., 2005; Волков И.В., 2008; Волков И.В., 2009; Волков И.В., Лопан О.В., 2009а; Волков И.В., Лопан О.В., 2009б).

Для золотоордынской археологии данный памятник чрезвычайно важен — это самый крупный город улуса Джучи на Кубани, по размерам и значению существенно превосходящий пограничный приморский город Тамань. Городище Ангелинский Ерик с предельно высокой долей вероятности можно соотносить с городом Шақрак. Идентификация конкретного городища с фигурирующим в письменных источниках населённым пунктом уже сама по себе является редкостным событием в золотоордынской археологии (Волков, Лопан, 2009а; Волков, Лопан, 2009б).

Источников для определения мало. Удаленная от морского побережья часть бассейна Кубани слабо отражена на средневековых картах. На произведениях, восходящих к мастерской Фра Мауро, города в бассейне Кубани обозначались, но ни один из них нельзя уверенно соотносить с Ангелинским Ериком (Волков, 2006, рис. 9–12). Остаются только описательные источники, которые дают очень неполные сведения о территории Золотой Орды. Только одно географическое сочинение связано с регионом — это «Упорядоченье стран» Абу-л-Фиды. Существенно, что сведения источника относятся к началу XIV в., когда жизнь на поселении была уже весьма оживленной. Характеризуется в нем в первую очередь морское побережье. Оценить степень информативности данных можно только по всему блоку информации, касающейся Приазовья. «*Описание моря Нитаиш и озера Манитаиш, впадающего в него, общеизвестного в наше время как море Азака. Он (Азак) — город на его северном побережье, торговый порт. В наше время море Нитаиш известно под названием море Крыма или Черное море...*» (Aboulféda, 1840. С. 31).

«*Затем [море] от этого [Сухума] сужается к западу, и равным образом сужается другой (западный) берег, пока не сблизятся оба берега и не становится вода между ними подобной каналу. Это место впадения моря Азака в море Крыма. Рядом с этим проливом на восточном берегу — город, называемый Тамань. Он — граница царства Берке, а владыка его в наше время зовется Узбек. Послы его прибывали в Египет во многие времена. Затем, если обходить упомянутый залив*

упомянутой Тамани, идут в сторону востока, севера и запада. И становится [море] подобным пруду. И останавливается идущий по его восточному берегу у города, называемого *Шакрак*, а от *Шакрака* заканчивается движение на восток и поворачивает на север, и следует на север вплоть до города *Азака*. Он (Азак) — порт, в который стремятся купцы [разных] стран, там устье реки Тан. Затем идущий из *Азака* движется вокруг моря, пока не доходит до западного края моря Азака, затем идет к имеющемуся проливу между упомянутым морем Азака и морем Крыма, до города на западной стороне устья пролива, называемого *Карш*. Она [Карш] расположена напротив упомянутой раньше Тамани, на другом берегу. Затем он идет к югу, пока не заканчивается упомянутый пролив в море Крыма. Затем упомянутое море простирается к югу и западу, до Кафы. Она — порт на западном берегу, напротив Трабзона, упомянутого прежде» (Abouléfa, 1840. С. 33).

В первую очередь обратим внимание на признаки, связанные с источником в целом.

1. Все имеющиеся названия несопоставимы с данными синхронных итальянских карт. Бесспорно общих в источниках разных типов населённых пунктов (городов) — всего 3, что не так уж мало, если учитывать краткость сведений Абу-л-Фиды. В арабском тексте это Таман (Тамань), Азак (Азов) и Карш (Керчь). Эти названия соответствуют употреблению у туземного населения, поскольку они благополучно сохранились до XVII в. и нашего времени. У итальянцев им соответствуют Матрега, Тана и (для третьего — сразу 2 пункта) Пондикопера, Воспоро. Следовательно, для проверки данных по независимым источникам имеющиеся сведения не годятся. Любой пункт из описания Абу-л-Фиды может иметь совершенно инозвучное название на портоланах.

2. Из всего блока информации видно, что описание Абу-л-Фиды — это описание моря, следовательно, его береговой линии. Но в данном конкретном случае (в отличие от абсолютного большинства остальных) существенно, с какой стороны описывается контур: со стороны моря или со стороны суши. При общем дедуктивном подходе следовало бы исходить из того, что это описание со стороны моря. Однако многое зависело от отношения к предмету самого информатора (или информаторов). Существенно,

что даже при каботажном плавании по Азовскому морю движение проходило очень далеко от берега, а в Таганрогском заливе — вообще по его середине, приблизительно в направлении запад-восток. Кроме того, слово «идуший», скорее, свидетельствует о возможном сухом пути. Азовское море отличается тем, что здесь далеко не всегда возможно обычное движение вдоль берега. Неизбежно надо обходить плавни Кубани и залив Сиваш, что в сумме составляет значительную часть периметра моря. Следовательно, скорее всего, мы имеем дело с описанием моря со стороны суши.

3. Существенную роль играет то, в какую сторону от пункта начинается движение, а не направление между пунктами по прямой (что в первую очередь возникает в сознании современного человека). В описании Абу-л-Фиды движение от Тамани — на восток. Скорее, это свидетельствует о сухопутном маршруте, поскольку по морю к Азаку следовало бы двигаться в целом на северо-восток, а детальнее — сначала на запад, а затем на северо-восток. Направление от Азака на запад подходит и для сухопутного, и для морского движения (при условии, что для сухопутного движения по северному берегу Азовского моря неизбежна переправа через Дон или Таганрогский залив). Движение от Перекопа (условно, поскольку именно этот пункт в источнике не упомянут) к Керчи вероятно также свидетельствует об описании сухопутного маршрута, поскольку плавание вдоль западного берега моря не практиковалось. Следовательно, скорее всего, мы имеем дело с описанием Азовского моря со стороны суши, а направление дается для начального участка пути от пункта к другому. Кстати, это было обычным и в синхронных итальянских словесных портоланах: направление к соседнему порту давалось не для всего маршрута, а на момент выхода из порта.

На роль Шакрака могут претендовать несколько археологических памятников, и Ангелинский Ерик — самый крупный из них. При этом золотоордынских памятников у морского побережья, синхронных компиляции Абу-л-Фиды, не так много. Заслуживать названия города (взгляды на это в начале XIV в. могли существенно отличаться от нынешних) по площади и очень неравномерно представленному подъёмному материалу вправе следующие поселения: Голубицкая-1, Волна Революции-1 (Татарское) и Гаркуша на Таманском полуострове, а также поселение Прорвенский-1, расположен-

ное в плавнях Кубани. В золотоордынское время последнее из упомянутых находилось ближе к берегу, поскольку современная береговая линия отодвинута в море в процессе выполнения дельты. Слой второй половины XIII в. здесь очень мощный. Путь от него по берегу в сторону Азака — действительно к северу, но затем неизбежно требовался поворот на восток после Должанской косы. Противоречит сопоставлению общая дата жизни на поселении: оно прекратило существование на рубеже XIII—XIV вв.

Наконец, это Ангелинский Ерик. От него путь к Азаку ведёт приблизительно на север, но расстояние до морского берега — не менее 60 км. Сухопутное движение вокруг моря в то время вообще было возможно только поблизости от этого памятника, а приближение к поселению Прорвенский-1 — просто невысказано. Попытка связать этот город с пунктом «Закария» портоланов и Новомаргаритовским поселением основывается исключительно на более чем отдалённом созвучии названий (Коновалова, 2009. С. 133) и не выдерживает критики, поскольку ни местоположение, ни дата, ни ранг этого памятника не соответствуют описанию источника, а единичные находки здесь керамики XIV в. не меняют ситуацию принципиально. Конечно же, сведения Абу-л-Фиды неполны и противоречивы, но уже тот факт, что число находок золотоордынских монет на Ангелинском Ерике как минимум на два порядка превосходит таковое на любом другом из рассмотренных памятников, позволяет считать его городом, отмеченным в сочинении Абу-л-Фиды.

Городище находится на границе дельты Кубани, у ответвления крайней правой протоки — Ангелинского ерика. К этому месту от Тамани вёл самый удобный путь по правому берегу Кубани, а далее к северу шла самая короткая дорога по степи (в обход плавней) в Азак. Место для города выбрано в резкой излучине ерика, защищающей его с трёх сторон от степи.

Развитие города было во многом связано с функционированием торгового пути. Здесь хорошо представлены монеты конца XIII—начала XIV вв., то есть того времени, когда европейские купцы ещё не успели обзавестись факториями в Азаке (хотя плавания туда были обычными). Порты Тамани и ближайшей округи в это время были более доступны, чем устье Дона, поэтому дальнейший сухой путь активно использовался. Не исключено, что здесь или поблизости (например, на ближайшем поселении-пригороде

Ивановская-1) 9 сентября 1332 г. был составлен ярлык Узбека венецианцам с указанием места выдачи («fluuium Coban, apud giram rubeam» = на реке Кубань, возле Красного (или Ежевичного) берега) (Diplomatarium..., 1880. P. 244). Кстати, кроме построек из красного обожжённого кирпича, по берегам у обоих поселений находятся густые заросли ежевики. Какое-то бурные политические события произошли в городе в начале правления Узбека, о чём можно судить по серии кладов (Волков, 2003. С. 236–237, 242; Волков, 2005. С. 351). Возможно, это было связано с принятием ислама. Расцвет города приходился на 1340-е гг. (более 2/3 монет с памятника относится именно к этому периоду: типы «двуглавый орёл»), что не характерно для степных городов Золотой Орды. Отчасти этот стремительный взлёт можно объяснить следующими политическими событиями. После конфликта 1343 г. в Тане (Азаке) итальянцам было запрещено плавание в Азовское море. В результате европейцам (прежде всего, венецианцам) пришлось использовать альтернативные торговые пути в Золотую Орду: через Тамань и Шакрак. Комплекс монет на памятнике отличается повышенным содержанием иностранных (Хулагуиды и Трапезунд), а также фальшивых дирхемов и пулов из заготовок в ленточной технике. Чума 1346 г., вероятно, существенно сократила население города: монет 1350-х гг. на памятнике немного, хотя обычно они составляют основу комплекса. Тем не менее жизнь города понемногу продолжается до 764 года хиджры (1362–1363): младшие встреченные здесь монеты — выпуски Кильдибека и Абдаллаха. Надо полагать, что окончательно город был уничтожен в кульминационный момент гражданской войны. Хотя датирование по монетам допускает погрешность в несколько лет, именно для данного памятника общее обилие их находок и непрерывность периода выпадения делают дату гибели города более обоснованной.

Для полевых исследований 2008–2009 гг. был избран один из наиболее пострадавших от глубокой вспашки в 2006 г. холмов в центральной части городища (рис. 2). Общая вскрытая площадь составила 292 кв. м. В ходе работ были частично исследованы здание мечети (северная часть постройки) (рис. 3) и прилегающие к ней водоемы с мощёными подходами.

Мечеть имела прямоугольную форму: ширина здания составляла 12 м, а длина, судя по размерам оставшейся части холма, была больше прибли-

зительно в полтора раза. От сооружения сохранились траншеи фундамента стен, а сама кирпичная кладка на глиняном растворе была почти полностью выбрана местным населением. Сохранившиеся кирпичи имеют квадратную форму с устойчивыми размерами — длина граней составляет 19–19,5 см при неравномерной у каждого изделия толщине, которая в абсолютном большинстве случаев колеблется от 5 до 6 см. Иногда на кирпичах по сырой глине проведён разделительный надрез для ломки пополам. После формовки изделия просушивались на открытом воздухе — на их поверхности встречаются отпечатки птичьих лапок, следы собаки и кошки. Большая часть кирпичей красно-оранжевого цвета, из более рыхлой, чем в Нижнем Поволжье, глины. Они заметно более хрупкие, без выразительной примеси песка, с большим количеством органики. Встречены также единичные обломки кирпича из красной глины, по своим свойствам аналогичные нижеволжским.

На раскопе удалось проследить только два небольших участка кладки фундамента и отдельные кирпичи на дне траншеи, ширина которой составляла 1–1,05 м (в 5 кирпичей). Судя по сохранившимся участкам, кладка фундамента была небрежной, с использованием половинок и битых кирпичей; а слой раствора иногда достигал 8 см (с пропуском одного ряда кирпича). Снаружи северной стены находилась крытая галерея, от которой остались две базы колонн. Они представляли собой сделанные в углублениях кирпичные выкладки со стороной в 4–4,5 кирпича. Очевидно, что сами колонны были деревянными, поскольку значительной нагрузки такие базы выдержать не могли. Деревянные детали сооружения скреплялись железными коваными гвоздями, подавляющее большинство которых было найдено внутри постройки. Преобладают крупные гвозди со шляпками, имевшие длину 80, 130–150 и 185–190 мм. Встречаются также костыльковые гвозди длиной 40, 70 и 95–105 мм.

Открытого двора не было — внутреннее пространство здания занимал колонный зал в два ряда колонн, от которых сохранились кирпичные базы, расположенные так, что средний «неф» был существенно шире боковых. Вход в постройку находился в северной части западной стены. По бокам от дверного проёма располагались два пилона от айвана шириной в 8 кирпичей (1,6 м), длиной — 2,8 м. В самом проёме сохранился участок

кладки фундамента и прохода с порогом. Пол зала — земляной. Снаружи здания прослежена глиняная вымостка, которая с севера была двухслойной, разделённой чёрной прослойкой наотптанности. Время возведения и функционирования постройки определяется по монетам, с определёнными допущениями при их использовании для датировки. Под нижним слоем глиняной вымостки найдена фальшивая монета Токты чекана Крыма 701 (?) года хиджры. В чёрной прослойке между вымостками — аналогичная монета 702 или 707 года хиджры. Все монеты из завалов стен относятся к 740-м годам хиджры (типы «двуглавый орёл»), а одна монета из траншеи фундамента — к 730-м годам хиджры (тип «лев и солнце»). Таким образом, перед нами одна из наиболее ранних золотоордынских мечетей. Вероятно, она возведена в начале правления Узбека, вскоре после принятия ислама в Золотой Орде.

Даже неполная информация о сооружении даёт определённые основания для суждений о происхождении традиций культового строительства в Золотой Орде. Обычно их истоки усматривают либо в Средней Азии, либо в западной части Хулагуидского Ирана, который включал всё Закавказье, простираясь до р. Кызыл-Ирмак в Малой Азии, а ближайшие государства находились в зависимости.

Молитвенный колонный зал без внутреннего двора демонстрирует сходство со многими мечетями Золотой Орды. Наиболее близкая аналогия — мечеть Узбека в Старом Крыму (Кирилко, 2009. С. 187–200, рис. 2). Многократно отмечалось, что отсутствие внутреннего двора было характерно для мечетей «сельджукского стиля» в Западной Персии и Малой Азии, откуда они распространились по всей территории Золотой Орды, начиная с Болгара (Fyodorov-Davydov G.A., 1984. P. 62).

Еще более показателен архитектурный декор из пилёных кашинных плиток, составлявших мозаичное панно, украшавшее вход. Основные формы пилёных плиток — шестиугольники, неправильные треугольники, ромбы и «бантовидные» фигуры (рис. 8, 3–5). Треугольные и шестигранные детали мозаики изготовлены из плиток с поливой лазурного цвета; «бантовидные» — из плиток с белой поливой; ромбы — из плиток с белой и желтоватой (возможно вследствие нарушения технологии) поливой. Белые «бантовидные» детали мозаики стыкуются с лазурными шестигранниками,

что позволяет реконструировать часть декоративного мозаичного пояса (рис. 8, 5).

Наиболее близкий набор ячеек кашинной мозаики представлен на панно мавзолея 1322 г. в Барде (Азербайджан), содержащем упоминание архитектора Ахмеда бен Айуба ал-Хафиза ан-Нахичевани (Бретаницкий, 1988. С. 83. Илл. 124а). Показательно, что памятник очень близок по дате к мечети на городище Ангелинский Ерик. Отсюда можно предположить, что истоки золотоордынской архитектурной школы (и прежде всего декора) следует искать в Западной Персии, учитывая особенности, связанные с более холодным климатом.

Несколько более поздние мозаики с похожим набором форм плиток (с «бантиками», как на Ангелинском Ерике) происходят с Царёвского и Мечетного городищ (Носкова, 1976. С. 11–12, 33–34. Табл. IV, 3, V, 6). Как и на мавзолее в Барде, они использованы не для широких панно с гирихами, а для узких орнаментальных полос.

Расположение провинциального города Шакрак на сухопутной дороге из Тамани в Азак позволяет использовать простую методику поиска синхронных археологических памятников. Необходимо выбрать оптимальный путь из одного города в другой, наиболее вероятные ответвления от этого пути и места переправ, а затем целенаправленно вести поиск археологических памятников. Интервал между поселениями должен составлять около 20 км, что является обычным для караванных путей золотоордынского времени.

В настоящее время удалось обследовать только ближайшую округу поселения. В 15 км западнее (в сторону Тамани), у ст. Полтавской, зафиксированы остатки золотоордынского мавзолея, где собраны маджарские изразцы с бирюзовой глазурью. Обнаружить соответствующее ему поселение пока не удалось, что отчасти объясняется существенными изменениями рельефа, которые произошли при строительстве рисовой системы в окрестностях. В 5 км южнее городища Ангелинский Ерик обнаружено поселение-пригород Ивановская-1, которое, вероятно, обслуживало переправу на ответвлении дороги, ведущем в сторону другого эмирского города Золотой Орды — Маджара. Оно удалено от основного русла Кубани приблизительно на 15 км. Дата существования поселения Ивановская-1

определяется по поднимаемым на поверхность монетам, находящимся в частных коллекциях: 1330—1350-е гг. Более тщательное изучение памятников окрестностей городища Ангелинский Ерик, сильно пострадавших при строительстве рисовой системы, наверняка позволит найти новые данные о дороге Тамань-Азак.

В настоящее время почти на каждый более или менее значительный населённый пункт юга России приходится хотя бы один частный собиратель древностей, регулярно выезжающий в поле для пополнения своих коллекций. Можно по-разному относиться к этому новому явлению. Но не учитывать его уже поздно. Объём частных сборов за последнее десятилетие увеличился на порядок: благодаря доступности металлодетекторов индивидуальные находки выборочно изымаются с памятников в количествах, несопоставимых с теми, что бываю́т получаемы в результате кропотливых и трудозатратных научных раскопок. В итоге слои городищ и селищ, в первую очередь средневековых, резко обедняются принципиально важными для датировки металлическими изделиями. В сложившихся обстоятельствах игнорирование материалов частных коллекций, даже из идеалистических принципиальных побуждений «непоощрения» частного собирательства, представляет собою тупиковый путь: при отсутствии жёсткого государственного контроля в охране каждого конкретного памятника наилучшим для спасения научной информации действием остаётся выход на контакт с частными собирателями и максимально полное документирование их коллекций.

Если абстрагироваться от негативного отношения к частному собирательству, то окажется, что сбор материала на поверхности памятников, существенно пострадавших от антропогенного воздействия уже в XIX в., считался эффективным методом исследования. Например, А.А. Спицын в 1895 г. так оценил перспективы исследования городища Шареный Бугор, полностью, по его мнению, разрушенного: «Лучший приём изучения таких городищ — периодическое собирание вещей, промытых дождями, выдутых ветром и обвалившихся в реку, что может быть с успехом организовано местным учёным обществом» (Спицын А.А., 1895. С. 82). Этот метод сразу же был применён к другому золотоордынскому городищу — Водянскому (Дубовскому), а полученная коллекция сыграла важную роль

в начальном изучении золотоордынских древностей (Зайковский, 1908. С. 35). Сейчас широко практикуется промывка обвалившегося культурного слоя Белоозера.

По значимости некоторые частные коллекции сегодня не уступают находящимся на музейном хранении собраниям ряда археологических памятников. И эта диспропорция при отсутствии надлежащего контроля со стороны государства будет только нарастать со временем: ведь добыча древностей с помощью металлоискателей несопоставима по трудозатратам с планомерными раскопками. Но если музейные коллекции по возможности паспортизированы и постоянно доступны для изучения, то надёжное хранение и наличие точной информации о происхождении предметов в частных собраниях обычно ограничены периодом активной деятельности каждого конкретного коллекционера. И если скупку древностей у собирателей действительно можно в значительной степени расценивать как негласное поощрение их действий, то осмотр и документирование частных собраний скорее следует рассматривать как своеобразную и вынужденную по сложившимся обстоятельствам форму охранной археологии. Речь идёт именно о коллекционерах-любителях, которые заинтересованы в атрибуции материалов своих коллекций, а не о тех, для кого «чёрная» археология является стабильным бизнесом. Такие «профи» без выгоды для себя на контакт не пойдут, а заинтересовать их определениями предметов невозможно, поскольку в их среде давно уже сложился круг своих проверенных консультантов.

Отказываясь и впредь из этических декларативных соображений от контактов с частными собирателями, мы год от года утрачиваем существенную часть археологического наследия.

Так, надо признать, что значительная доля информации о городище Ангелинский Ерик была получена именно в связи с изучением частных коллекций. Благодаря знакомству с нумизматическими собраниями удалось весьма детально уяснить хронологию памятника и оценить степень значимости этого древнего города, что в свою очередь позволило привлечь к памятнику внимание краевой администрации, выделившей финансы на его исследование.

В качестве примера, демонстрирующего информативные возможности изучения частных собраний, рассмотрим материалы только одной коллек-

ции металлических изделий, собранной за последнее десятилетие жителем станицы Ивановской А.А. Тихановым.

О ранге памятника, помимо обилия монет, позволяет также судить численность найденных здесь иных предметов. Так, по количеству перстней и пряжек городище Ангелинский Ерик сопоставимо с Увеком (12 и 11; 9 и 5 соответственно) (Недашковский, 2000) и лишь в 2–5 раз уступает Болгару по числу пуговиц (14 и 24), перстней (12 и 48), пряжек (9 и 43), свинцовых «грузиков» (17 и 76), насадок из листовой бронзы для черенков ножей (9 и 38) (Полякова, 1996).

О наличии на городище собственного ювелирного производства свидетельствуют найденные здесь две каменные литейные формочки (одна двусторонняя из сборов Н.В. Анфимова) (рис. 7), металлические ювелирные матрицы для тиснения бляшек (6 экземпляров, относящихся к четырём типам) (рис. 6, 9), свинцовая ювелирная наковаленка.

На городище было найдено девять бронзовых пряжек, среди которых цельнорамчатые пряжки с подквадратной (рис. 6, 2) и с лировидными рамками (2 экз.) (рис. 6, 3). Две пряжки имели овальные рамки (рис. 6, 1). Двурамчатые цельнолитые пряжки представлены двумя разнотипными изделиями (рис. 6, 6). Также, скорее всего, к отделу двурамчатых относились фрагменты пряжек с широким и уплощённым верхом (2 экз.) (рис. 6, 4, 5).

Универсальные орудия труда представлены мотыжкой с несомкнутой втулкой (рис. 8, 2) и проушным узколезвийным клиновидным топором (рис. 8, 1), долотом (рис. 9, 1) и рядом других изделий.

Ангелинская коллекция включает 62 обломка литых зеркал золотоордынского времени, что существенно превосходит количество находок этих изделий на ближайшем городище Предкавказья — Маджарском и лишь немногим уступает по численности собранию поволжского Укека. Почти половину коллекции составляют неорнаментированные фрагменты зеркал (30 экз.). Края данных изделий с тыльной стороны бывают необраменными или же имеют невысокую закраину в виде подтреугольного в сечении валика.

Среди зеркал, украшенных простыми рельефными геометрическими орнаментами, по композиционному принципу выделяются две основные группы декора. Первую группу составляют зеркала, у которых тыльная

плоскость разделяется на сектора диаметральными линейными валиками (3 экз.) (рис. 4, 1). Для данных изделий характерен светлый, серебристо-оловянистый цвет поверхности. Зеркала, декорированные простыми прямыми рельефными линиями, имеют необрамленные края и отличаются массивностью (толщина их составляет от 2 до 3 мм). Геометрический декор другой группы ангелинских зеркал (6 экз.) строится по концентрическому принципу, основой которого служат вписанные окружности (рис. 4, 3–5). Данная группа зеркал отличается малыми диаметрами, составляющими порядка 50–70 мм, и очень тонкими стенками, не превышающими 1–1,5 мм. Цвет поверхности — характерно «бронзовый», патинированный. Отличия между указанными группами, визуальное фиксируемые по цвету и фактуре поверхности, а также особенности декора и разная толщина изделий вполне вероятно могут указывать на различие ремесленных традиций.

Наиболее выразительную, яркую и легкоузнаваемую, группу золото-ордынских зеркал составляют изделия, декорированные в художественном стиле по дальневосточным и переднеазиатским прототипам. На Ангелинском Ерике встречено довольно много подобных зеркал, которые имеют либо высокие (3–5 мм), но узкие бортики (отдел В-II по Г.Ф. Поляковой), либо широкие (4–5 мм) массивные борта (отдел В-III по Г.Ф. Поляковой) (Полякова, 1996), а их диаметры ограничиваются 70–90 мм.

Среди зеркал отделов В-II и В-III в ангелинской коллекции абсолютно преобладают широкобортные зеркала с тюльпанами (В-IIIб-5: 4 экз.) (рис. 5, 5) и типы зеркал с тонкими высокими бортами, украшенные «плетёнкой» (тип В-II-5: 4 экз.) (рис. 5, 1), арабской благожелательной надписью с расширенными в верхней части столбцами высоких букв (В-II-6: 3 экз.) (рис. 5, 3), изображениями птиц по кругу (В-II-14: 3 экз.) (рис. 5, 2)¹. Однако на городище полностью отсутствуют высокобортные зеркала целого ряда типов, известных как в Поволжье, так и за его пределами.

¹ Кроме того, в коллекции содержатся два фрагмента зеркал, декорированных на сюжет «пара рыб» (рис. 5, 6) (Лубо-Лесниченко, 1975. Рис. 56, № 139; Валеев, 1975. Рис. 42, 6; Пьянков, Раев, 2004. Рис. 3, 2; Руденко, 2004. Рис. 3, 1), обломок зеркала типа В-II-1 по Г.Ф. Поляковой (рис. 4, 7), фрагмент изделия типа В-II-8 (рис. 5, 4) (Полякова, 1996. Рис. 73, 7; Федоров-Давыдов, 1976. Рис. 126).

Указанные особенности ассортимента ангелинских зеркал скорее всего объясняются хронологией памятника. Время расцвета городища Ангелинский Ерик фиксируется по максимуму выпавших здесь монет чекана 1340-х гг., представленных типами «двуглавый орел», которые и составляют более 2/3 от общего числа монетных находок, а начало заката города, вероятно, связано с чумой 1346 г. Можно предполагать, что также и значительная часть индивидуальных находок, происходящих с памятника, относится к указанному периоду. Таким образом, весьма велика вероятность, что наиболее многочисленные типы ангелинских зеркал отделов В-II и В-III, а именно широкобортные зеркала с тюльпанами и тонко-высокобортные зеркала с «плетёнкой», с птицами, с арабской надписью (тип В-II-6) были в употреблении здесь и выпали именно в 40-е годы XIV в., что, конечно же, не исключает возможность их несколько более раннего появления в Орде.

Эти предположения отчасти подтверждаются материалами других золотоордынских памятников. Так, в одном из погребений могильника Ливенцовский-7 (кург. 8, погр. 3) в низовьях Дона зеркало с «плетёнкой»¹ было встречено совместно с медным пулом Узбека (Ларенок, 2009. С. 236. Рис. 13, 1, 5). Этот анонимный пул типа «птица» (сокол), чекан Сарая 726 года хиджры, датируется 1325–1326 гг. (Френ, 1832. С. 7, № 41; Клоков, Лебедев, 2000. С. 65, № 4; Пырсов, 2002. С. 11, №62; Федоров-Давыдов, 2003. С. 168, №22). Максимальный период запаздывания для данного типа монет отмечен находкой одного подобного пула 725 года хиджры совместно с четырьмя пулами Джанибека 744 года хиджры и одним 7(4)6 года хиджры в кладе из Азова по ул. Толстого, 41 (Фомичев, 2006. С. 297–298).

В отношении зеркал типа В-II-6 с арабской надписью ранее уже высказывалось предположение, что наиболее вероятным временем их проникновения на Северный Кавказ может быть период правления Узбека (Волков, Маслов, Петренко, 2001. С. 131).

Зеркала типа В-IIIб-5 с широкими бортиками и узором из побегов и цветков тюльпана относятся к одному из наиболее многочисленных анге-

¹ Несмотря на плохую прорисовку орнамента, тип изделия опознается также по наличию рельефной окружности в центре диска и по характерной профилировке бортика, имеющего уступ с внутренней стороны.

линских типов, хотя при этом на памятнике отсутствуют изделия с тюльпанами типа В-II-2. По мнению Г.Ф. Поляковой, зеркала с тюльпанами типа В-II-2 «...со срезанной краевой частью декора и вертикальным бортиком» складываются на основе зеркал типа В-IIIб-5 с широкими бортиками (Полякова, 1996. С. 234). Л.Ф. Недашковский также полагает, что зеркала с тюльпанами и с тонкими высокими бортиками (тип А2 по Л.Ф. Недашковскому) представляют собою результат эволюции зеркал с широкими бортами (тип Б3) (Недашковский, 2000. С. 64). Опираясь на материалы ангелинской коллекции, можно предполагать, что если широкобортные зеркала типа В-IIIб-5 с довольно сложным декором появляются здесь в первой половине 1340-х гг., то отсутствие в данном собрании зеркал В-II-2 с тонкими высокими бортиками и с упрощенным декором возможно объясняется тем, что массовое производство этого типа изделий начинается несколько позднее. Л.В. Яворская, анализируя материалы Царёвских некрополей, приходит к выводу, что зеркала типа II-2 (по разработанной ею типологии включающие в том числе и тонко-высокобортные изделия с тюльпанами) следует относить к предметам, наличие которых позволяет «определить нижнюю хронологическую границу исследуемых комплексов примерно серединой XIV века» (Яворская, 2001. С. 85). Отметим, что в курганном могильнике у с. Зауморье зеркало типа В-II-2 находилось в захоронении по соседству от погребения с дирхемами Джанибека 745—753 года хиджры. (Ляхов, 1992. Рис. 7, Д), что согласуется с датой, предложенной Л.В. Яворской¹.

К зеркалам II-2 по Л.В. Яворской, которые ею были датированы второй половиной XIV в., относятся также изделия с изображением «божеств и драконов» (тип В-II-12 по Г.Ф. Поляковой). Зеркала с указанным сюжетом имеют обширный ареал, встречаясь от Поволжья до Казахстана, Северного Кавказа и Поднепровья (Недашковский, 2000. С. 51; Попандопуло, 2002. Рис. 1, 2; Пьянков, Раев, 2004. Рис. 8, 2). Косвенным подтверждением выводов Л.В. Яворской может служить отсутствие зеркал данного типа на Ангелинском Ерике. Кроме того, в погребении у с. Про-

¹ В другом погребении того же могильника зеркало указанного типа было найдено совместно с монетами Узбека и Джанибека (Недашковский, 2000. С. 64), то есть младшие монеты потенциально могли относиться к периоду от 1342 до 1357 г.

лейки зеркало этого типа было найдено с двумя серебряными монетами Джанибека, чекан Сарая (Синицын, 1956. С. 218). Совместное попадание в погребение сразу двух дирхемов более вероятно для периода собственного правления Джанибека (1342–1357 гг.), что в нашей ситуации, увы, ничего не доказывает.

Помимо прочего, отметим также отсутствие на Ангелинском городище зеркал с ал-бораками, столь популярных в евразийских степях, в том числе в Поволжье и на Северном Кавказе (Недашковский, 2000. С. 52).

Таким образом, анализ коллекции ангелинских зеркал привносит новые данные в хронологию этой яркой категории золотоордынских древностей. С высокой долей вероятности можно говорить о бытовании типов широкобортных зеркал с тюльпанами и высокобортных зеркал с «плетённой», с птицами, с арабской надписью (тип В-II-6) уже в 1340-х гг. Зеркала с птицами, с надписью (тип В-II-6) и с «плетённой», вероятно, продолжали бытовать и во второй половине XIV в. (по крайней мере, в её начале) — их находки известны как на Царёвском городище, так и в погребениях его округа (Яворская, 2001. С. 85. Рис. 3; Блохин, Яворская, 2006. Рис. 31). Л.Ф. Недашковский, опираясь на находку в погребении из Бахтияровка зеркала с «плетённой» совместно с монетой 1357–1358 гг., относит прекращение бытования подобных изделий «ко времени не ранее начала второй половины XIV в.» (Недашковский, 2000. С. 53).

Начало производства тонко-высокобортных зеркал с сюжетами «упрощенные тюльпаны» и «драконы и божества», скорее всего, следует относить уже к началу второй половины XIV в., как это и было предложено Л.В. Яворской.

В целом же складывается впечатление, что основная масса зеркал, декорированных по восточным прототипам, была произведена в очень короткий период с 40-х по начало 60-х гг. XIV в., то есть во время наивысшего расцвета городов золотоордынского Поволжья.

Особенностью Ангелинского городища можно считать высокую долю довольно редких и характерных исключительно для Поволжья зеркал типа В-II-14 с четырьмя птицами¹, которые составляют на Ангелинском 5%, в то

¹ Мамонтов, Ситников, 1994. Рис. 11, 1; Яворская, 2001. С. 85; Захаров, Яворская, 2003. С. 242. Рис. 6, 7; Руденко, 2004. С. 125; Валеев, 1975. Рис. 50, 1; С. 204.

время как для Болгарского городища, где найдена самая представительная их серия (Полякова, 1996. С. 232. Рис. 74, 5), эта доля — менее 0,5% от общего числа тамошних зеркал¹. Кроме того, на Ангелинском были найдены два фрагмента зеркал неизвестных типов (рис. 5, 7, 8).

Как видим, документирование и анализ только одной категории находок лишь из одной частной коллекции позволяет не только уточнить их хронологию, но и выявить новые типы изделий, что не всегда представляется возможным даже по результатам проведения крупномасштабных научных раскопок.

В заключение хотелось бы выразить А.А. Тиханову признательность за сотрудничество. А также высказать свою благодарность жителям ст. Ивановская за помощь в проведении работ в 2009 г. Активную поддержку в решении организационных вопросов оказали администрация станицы Ивановская и руководство сельхозпредприятия им. П.П. Лукьяненко, а также администрация средней школы № 18, преподаватели и учащиеся которой принимали непосредственное участие в раскопках.

Литература

- Анфимов Н.В. Отчёт по открытому листу № 28/186 от 11-04-37 г. о проведенных работах по обследованию и изучению средневекового поселения на Ангелинском Ерике близ ст. Ивановской // Архив КГИАМЗ, д. 167.
- Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006.
- Бретаницкий Л.С. Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма. М., 1988.
- Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья.— Йошкар-Ола, 1975.
- Волков И.В., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Золотоордынские погребения в Центральном Предкавказье // РА. 2001. № 2.

---

¹ 4 из 879 зеркал с Болгарского городища, учтенных в работе Г.Ф. Поляковой (Полякова, 1996. С. 232, 236).

- Волков И.В. О некоторых находках монет в Краснодарском крае // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 3. Краснодар, 2003.
- Волков И.В. Золотоордынское поселение Ангелинский Ерик в Краснодарском крае (предварительное сообщение) // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 5. Краснодар, 2005.
- Волков И.В. Размышления о хронологии, исторической географии и точности // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 6. Краснодар, 2006.
- Волков И.В. Возможности локализации золотоордынского города Шакрак // *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова, 30 сентября—3 октября 2008 года.*— Азов, 2009. (Донские древности. Вып. 10).
- Волков И.В., Лопан О.В. Работы на городище Ангелинский Ерик и возможности локализации золотоордынского города Шакрак // *Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции*. Краснодар, 2009а.
- Волков И.В., Лопан О.В. Мечеть золотоордынского города Шакрака: некоторые наблюдения об истоках культовой архитектуры Золотой Орды // *Форум «Идель—Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель—Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей.* Тез. докл. Казань, 2009б.
- Зайковский Б.В. Городище Бэльджамен // *Труды СУАК*. Вып. 24.— Саратов, 1908.
- Захаров П.Е., Яворская Л.В. Памятники золотоордынского времени у села Нижняя Добринка // *Нижеволжский археологический вестник*. Вып. 6. Волгоград, 2003.
- Кирилко В.П. Строительная история крымской мечети Узбека (по материалам реставрационных исследований) // *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-*

- Давыдова, 30 сентября—3 октября 2008 года.— Азов, 2009. (Донские древности. Вып. 10).
- Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. II. Нижний Новгород, 2000.
- Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII—XIV вв.: текст, перевод, комментарии / И.Г. Коновалова. М., 2009 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). М., 1975.
- Ляхов С.В. Новые золотоордынские погребения Саратовского Поволжья // Археология восточноевропейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992.
- Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.
- Носкова Л.М. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья.— М., 1976.
- Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- Попандопуло З.Х. Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму.— Запоріжжя, 2002.
- Пырсов Ю.Е. Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань, 2002.
- Пьянков А.В., Раев Б.А. Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск) // Материалы по археологии Волго-Донских степей: Сборник статей. Вып. 2.— Волгоград, 2004.
- Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 2004. № 1—2 (12—13).
- Синицын И.В. Археологические памятники у с. Пролейки // Ученые записки Саратовского государственного университета. Т. XLVII (исторический выпуск).— Харьков, 1956.

- Спицын А.А. Отчет о поездке члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 года на Жареный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города // ОАК за 1893 год. СПб., 1895.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976.
- Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды.— М., 2003.
- Фомичев Н.М. Клады медных джучидских монет XIV в. из Азова и его окрестности // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов, 2006.
- Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб, 1832.
- Яворская Л.В. Материалы к золотоордынской хронологии (по погребальным памятникам из окрестностей Царёвского городища) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1.— Волгоград, 2001.
- Aboulféda. Géographie d'Aboulféda. Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la société Asiatique / par M. Reinaud.— Paris, 1840.
- Diplomatarium Veneto-Levantinum sive Acta et Diplomata res venetas graecas atque levantis illustrantia. Pars I, a.1300-1350 / Ed. G.M. Thomas.— Venetiis, 1880.
- Fyodorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities / Transl. from Russian by H.B. Wells // British Archaeological Report. International Series. Vol.198.— Oxford, 1984.

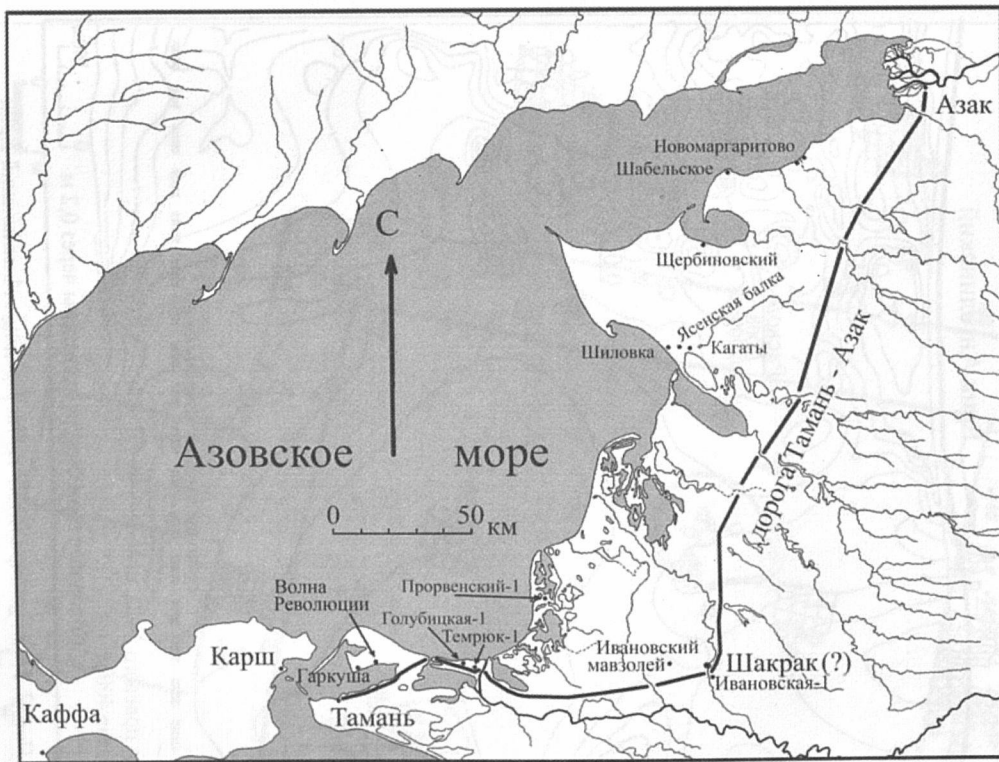

Рис 1. Путь Тамань-Азак в контексте археологических памятников Восточного Приазовья XIII–XIV вв.

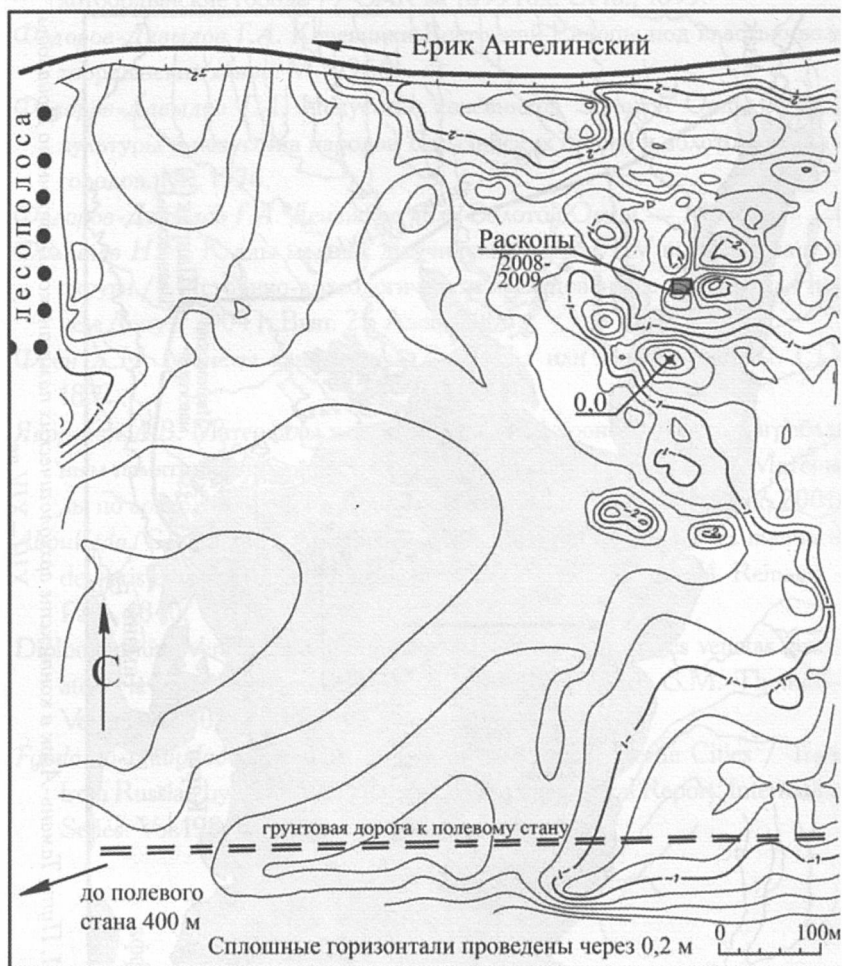

Рис. 2. План центральной части городища Ангелинский Ерик

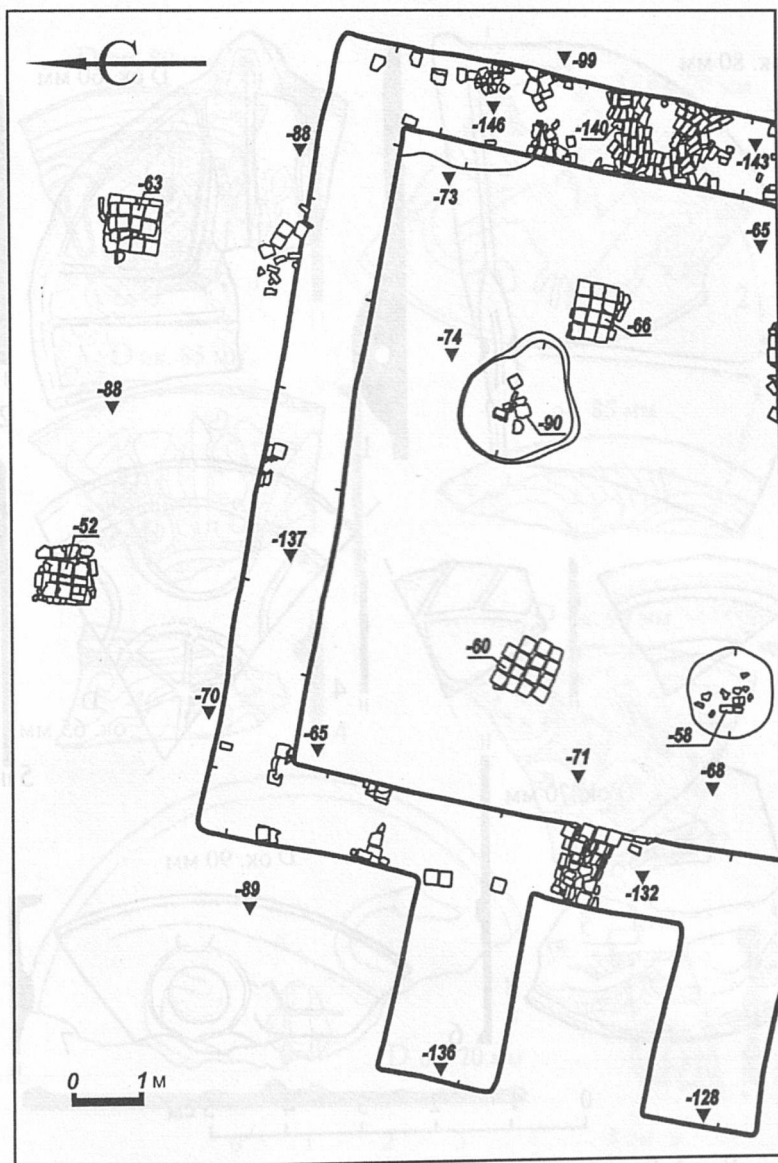

Рис. 3. Городище Ангелинский Ерик. План исследованной части мечети

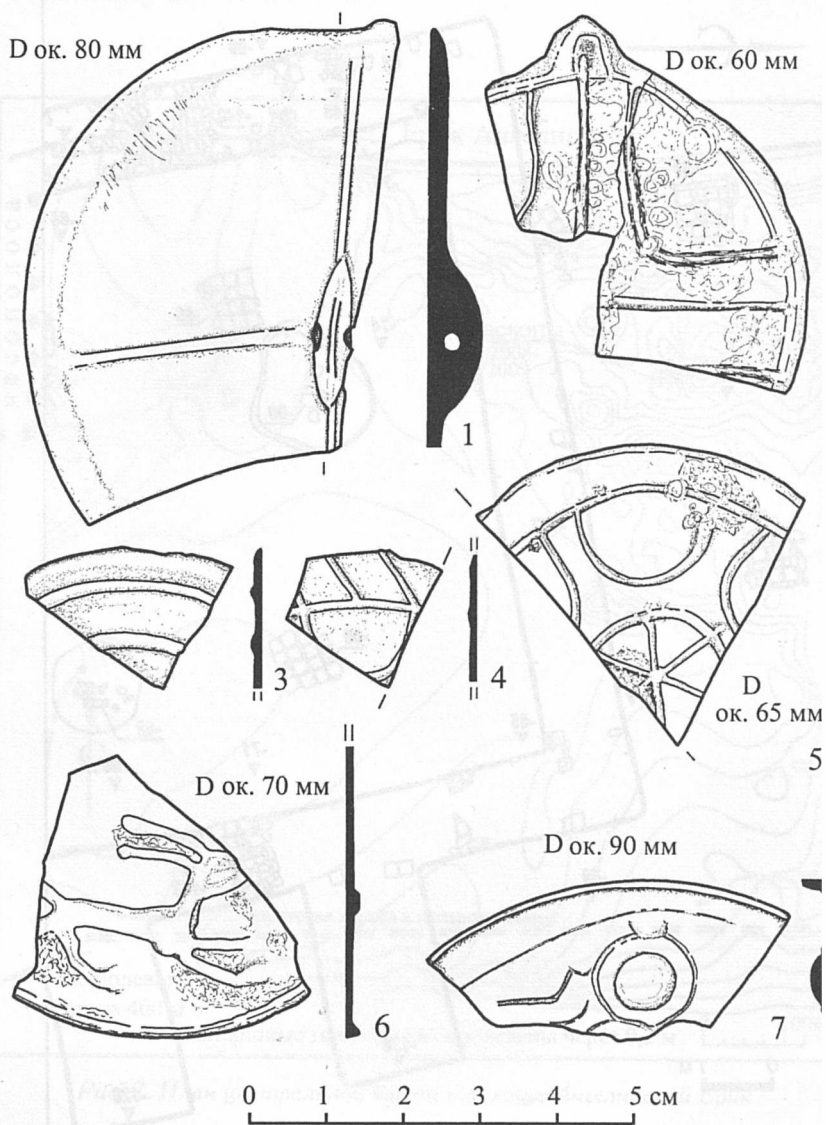

Рис. 4. Городище Ангелинский Ерик. Металлические зеркала

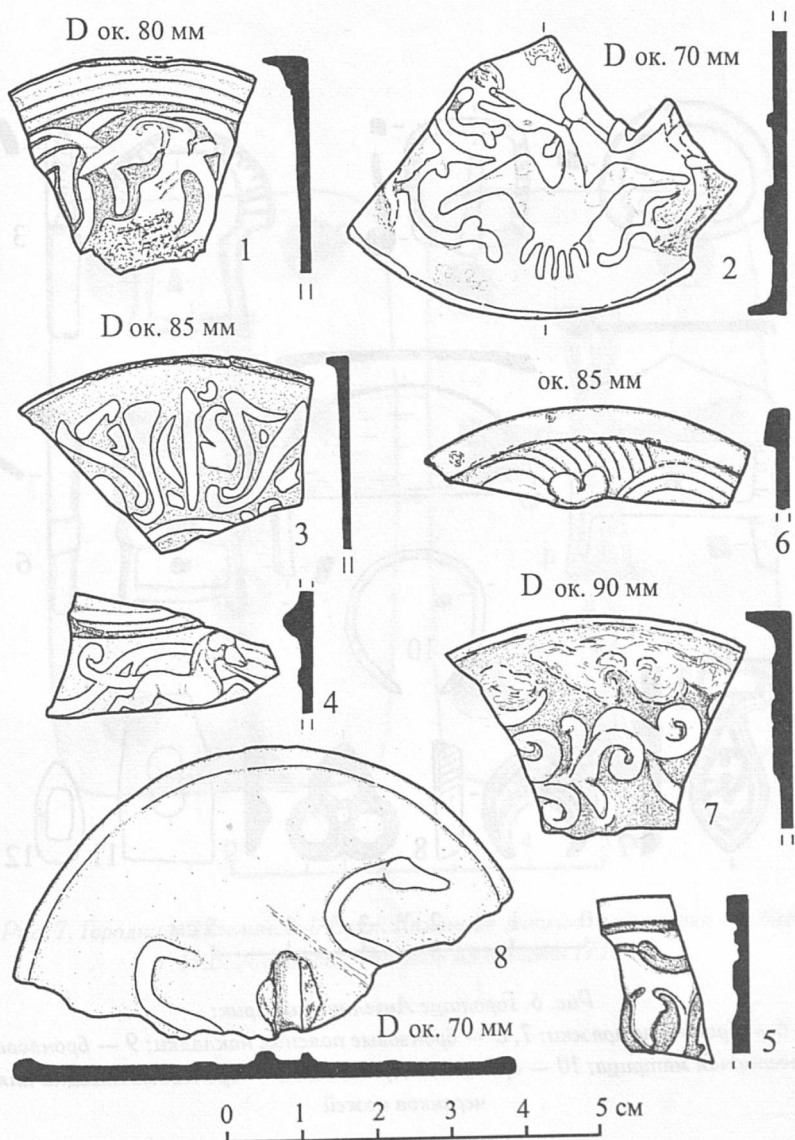

Рис. 5. Городище Ангелинский Ерик. Металлические зеркала

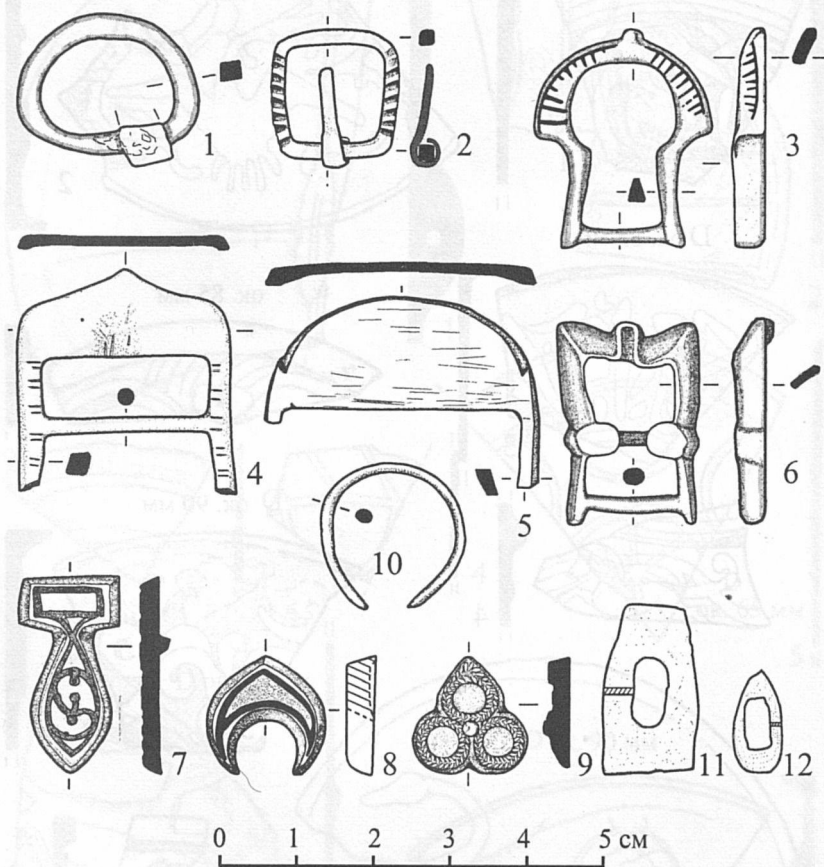

Рис. 6. Городище Ангелинский Ерик:

1–6 — бронзовые пряжки; 7, 8 — бронзовые поясные накладки; 9 — бронзовая ювелирная матрица; 10 — бронзовая серьга; 11, 12 — бронзовые насадки для черенков ножей

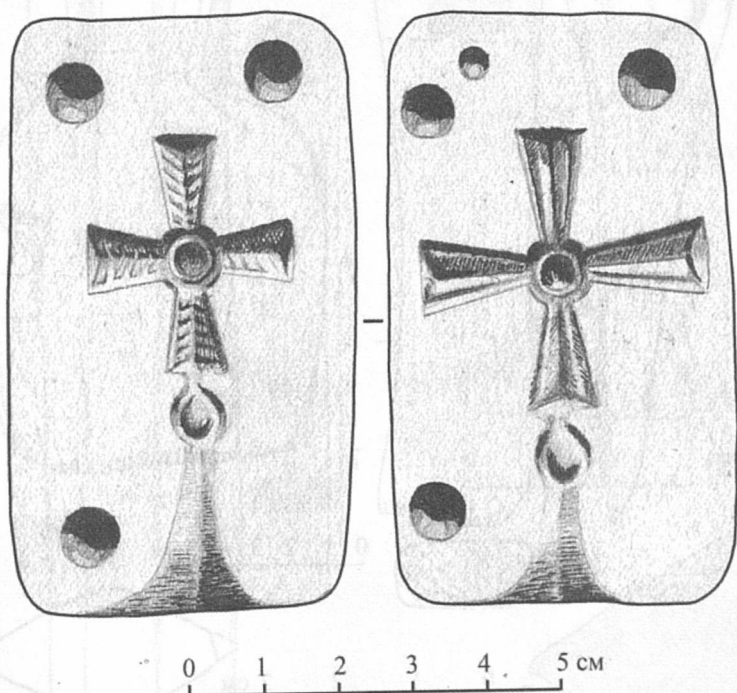

Рис. 7. Городище Ангелинский Ерик. Каменная литейная формочка из сборов Н.В. Анфимова. Рисунок из отчёта 1937 г.

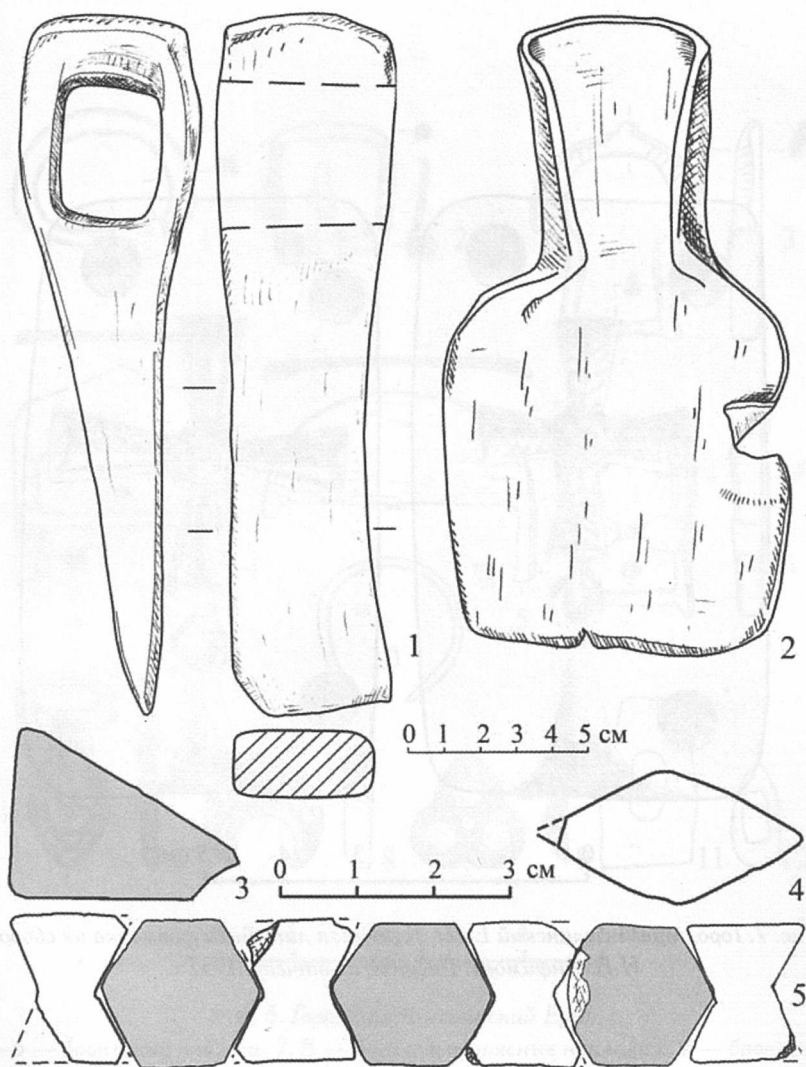

Рис. 8. Городище Ангелинский Ерик:

1 — железный топор; 2 — железная мотыжка; 3—5 — детали каменной мозаики и реконструкция части декоративного фриза мечети

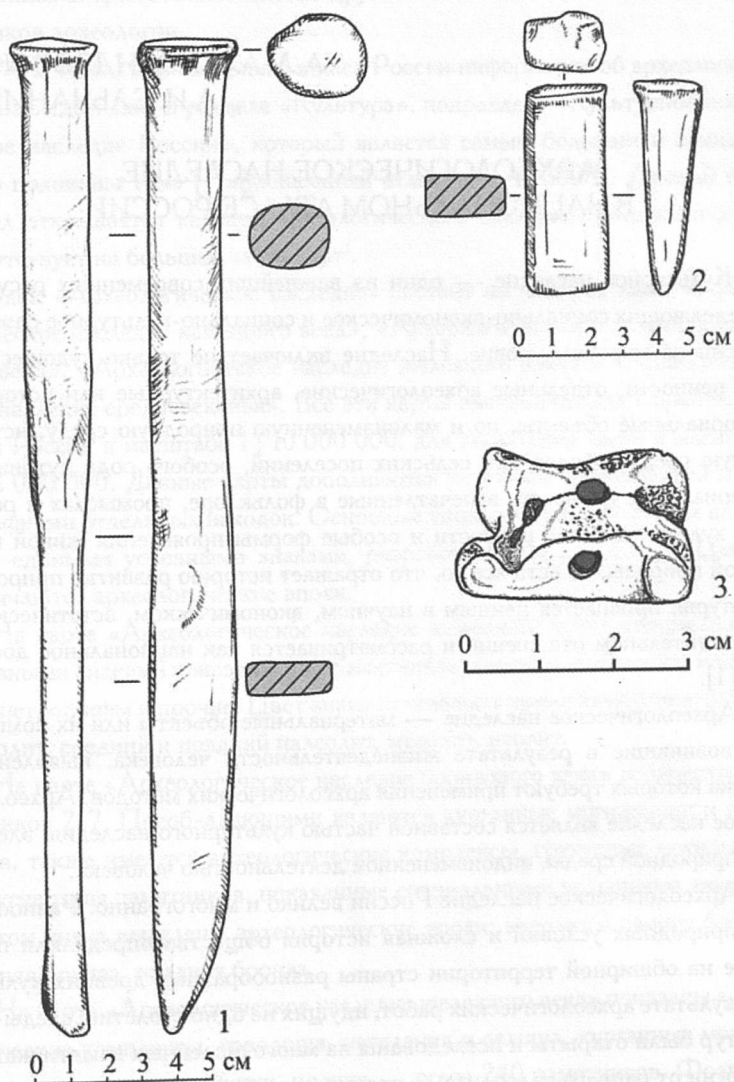

Рис. 9. Городище Ангелинский Ерик:

1 — железное долото; 2 — зубило; 3 — игральная кость
со свинцовой заливкой

А.Л. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ,
А.И. ЕЛЬЧАНИНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ АТЛАСЕ РОССИИ

Культурное наследие — один из важнейших современных ресурсов, определяющих социально-экономическое и социально-культурное развитие России на мировом уровне. Наследие включает не только художественные ценности, отдельные археологические, архитектурные или историко-мемориальные объекты, но и малоизмененную природную среду, историческую среду городов или сельских поселений, особого рода духовные и материальные ценности, запечатленные в фольклоре, промыслах и ремеслах, художественные ценности и особые формы проявления живой и неживой природы, то есть все то, что отражает историю развития природы и культуры, признается ценным в научном, экономическом, эстетическом и просветительном отношении и рассматривается как национальное достояние [1].

Археологическое наследие — материальные объекты или их комплексы, возникшие в результате жизнедеятельности человека, выявление и оценка которых требуют применения археологических методов. Археологическое наследие является составной частью культурного наследия, элементом природной среды, видоизмененной деятельностью человека.

Археологическое наследие России велико и многогранно. Разнообразие природных условий и сложная история общества определили появление на обширной территории страны разнообразных древних культур. В результате археологических работ, идущих не одно столетие, следы этих культур были открыты и исследованы на многочисленных памятниках археологии от раннего палеолита до средневековья. Особое место среди них занимают такие всемирно известные памятники, как комплекс стоянок палеолита Костёнки, Капова и Денисова пещеры, курганы у Новосвободной, античный город Фанагория, Великий Новгород с его знаменитыми

берестяными грамотами и многие другие. Всего показано более 1500 памятников археологии.

В 4-м томе Национального атласа России информация об археологическом наследии дана в разделе «Культура», подразделе «Культурное и природное наследие России», который является самым большим и занимает около половины тома [Национальный атлас..., т. 4, 2008]. Данный подраздел открывается картами археологического наследия, которое и далее присутствует на большей части карт¹.

Блок «Археологическое наследие» состоит из четырёх карт: «Археологическое наследие каменного века», «Археологическое наследие бронзового века», «Археологическое наследие железного века» и «Археологическое наследие средневековья». Все эти карты выполнены для Европейской части России в масштабе 1 : 10 000 000, для Азиатской части в масштабе 1 : 22 000 000. Данные карты дополняются текстовой информацией и фотографиями отдельных находок. Основные типы памятников на всех картах даны едиными условными знаками, разработанными для атласа. Цветом различаются археологические эпохи.

На карте «Археологическое наследие каменного века» специальными условными знаками показаны 238 памятников: стоянки, поселения, могильник, петроглифы и прочие. Цвет знака показывает время памятника: ранний палеолит, средний и поздний палеолит, мезолит, неолит.

На карте «Археологическое наследие бронзового века» количество памятников 217. Преобладающими являются курганные могильники и поселения, также имеются археологические комплексы, грунтовые могильники и другие типы памятников, показанные специальными условными знаками. Цветом знака выделены археологические эпохи: энеолит и ранняя бронза, средняя бронза, поздняя бронза.

На карте «Археологическое наследие железного века» показаны археологические комплексы, городища, поселения и селища, курганные могильники, грунтовые могильники, прочие — всего 240 памятников. Фрагмент карты вместе с легендой приводится на рис. 1.

¹ Археологическая информация имеется также в разделе «История» данного тома, в рамках которого она в основном касается распространения археологических культур.

На карте «Археологическое наследие средневековья» дано максимальное число памятников: 355. Преобладающими являются археологические поселения и селища, курганные могильники, городища, грунтовые могильники. Также показаны комплексы памятников, оборонительные валы, мавзолеи, прочие. Цветом знака показано время сооружения памятника: до XI в., XII—XV вв., XVI—XVIII вв. Кроме средневековых также включены памятники нового времени (XVIII в.).

Еще большее число памятников археологии (более 1500) показано далее на картах культурного и природного наследия всех без исключения субъектов Российской Федерации. В их числе: комплексы и группы памятников, стоянки, в том числе пещерные, поселения и селища, городища, могильники грунтовые, могильники курганные, валы, в том числе засечные, прочие объекты: менгиры, святилища, лабиринты, петроглифы, остатки производства, шахты и т.д. В некоторых случаях памятники археологии даны на картах городов.

В период работы над Национальным атласом России памятников археологии насчитывалось около 18 000. Среди них, кроме уже принятых на федеральную охрану, большую долю составляли вновь выявленные памятники. К примеру, в Республике Башкортостан на 1000 памятников, находящихся под федеральной охраной, приходилось около 2000 вновь выявленных.

Следует отметить, что такое огромное количество памятников показать на картах атласа не представляется возможным. Из 18 000 памятников были отобраны 1500 наиболее ценных и представительных. Для проведения подобной генерализации были привлечены специалисты-археологи регионов, представлявшие научные институты и органы охраны памятников. С их помощью для всех субъектов РФ были составлены списки памятников, которые удовлетворяют целям раздела атласа — отразить разнообразие археологического наследия субъектов, их специфику и сделать содержание всех карт легко читаемым. В частности, для Башкортостана, карта которого в атласе дана в масштабе 1:1 800 000, из 3000 памятников необходимо было отобрать 35. Причем, по мнению специалистов-археологов, среди вновь выявленных памятников археологии есть особо значимые, которые необходимо показать на карте. Все памятники археологии согласно закону 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и куль-

туры) народов Российской Федерации» на картах даны как федеральные и соответствующим образом подписаны. В большинстве случаев их названия соответствуют имени ближайшего населенного пункта, но часто имеют собственные имена. Например, Капова пещера или «Мавзолей Бэндэикэ» (Башкортостан).

На картах субъектов Российской Федерации показаны все археологические музеи-заповедники, и для многих из них даны справки. Так, например, даются тексты, рисунки и фотографии на следующие музеи-заповедники: Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки» Воронежской области; Историко-архитектурный и археологический музей-заповедник «Старая Ладога» Ленинградской области (рис. 2); Анапский археологический музей-заповедник «Горгиппия» Краснодарского края; Природный архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье» Воронежской области; Археологический музей-заповедник «Танаис» Ростовской области; музей-заповедник «Аркаим» Челябинской области; Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник Республики Татарстан, Историко-археологический и ландшафтный музей-заповедник «Ирендык» Республики Башкортостан. Также показаны археологические музеи-заповедники «Юдиново» Брянской области; «Татарское городище» Ставропольского края; Таманский музейный комплекс Краснодарского края; Археологический музей-заповедник на озере Андреевское Тюменской области. Кроме специализированных археологических музеев-заповедников большая работа по сохранению памятников археологического наследия ведется и в других музеях-заповедниках: историко-архитектурных, природно-ландшафтных, военно-исторических [Гусев и др., 2011]. Среди них следует выделить Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник Куликово поле. Отметим, что уже после сдачи тома 4 в печать появились Музей наскального искусства «Петроглифы Канозера» в Мурманской области и историко-археологический и природный музей-заповедник «Гнёздово» в Смоленской области.

Археологическое наследие представлено и на некоторых планах городов. В частности, показаны: стоянки, поселения, селища, городища, пещеры, в том числе с наскальными изображениями, грунтовые и курганные могильники, валы, рвы, культурный слой.

Литература

1. Веденин Ю.А., Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В. Культурное и природное наследие России (Концепция и программа комплексного атласа).— М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1995.— 119 с.
2. Национальный атлас России. Том 4: История. Культура.— М.: Роскартография, 2004.— 496 с.
3. Гусев С.В., Загорулько А.В., Минеева И.М. и др. Археологическое наследие в музеях-заповедниках Европейской части России.— Томск: ТМЛ-Пресс, 2011.— 260 с.

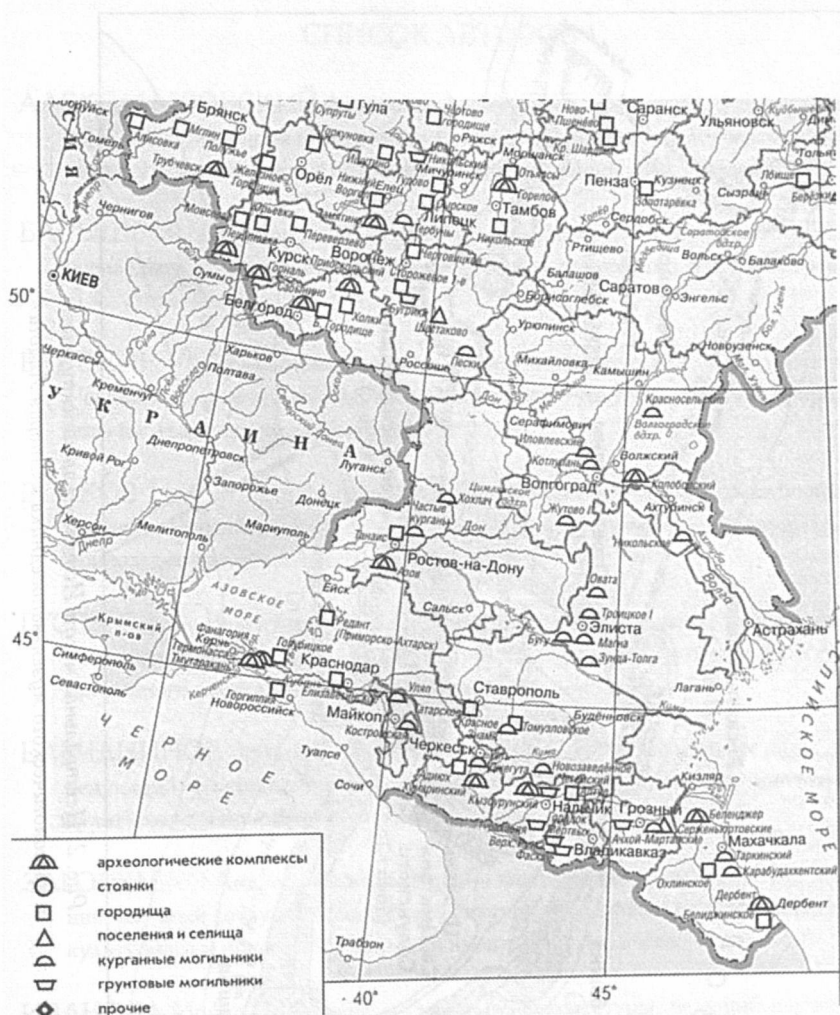

Рис. 1. Объекты археологического наследия раннего железного века (фрагмент)

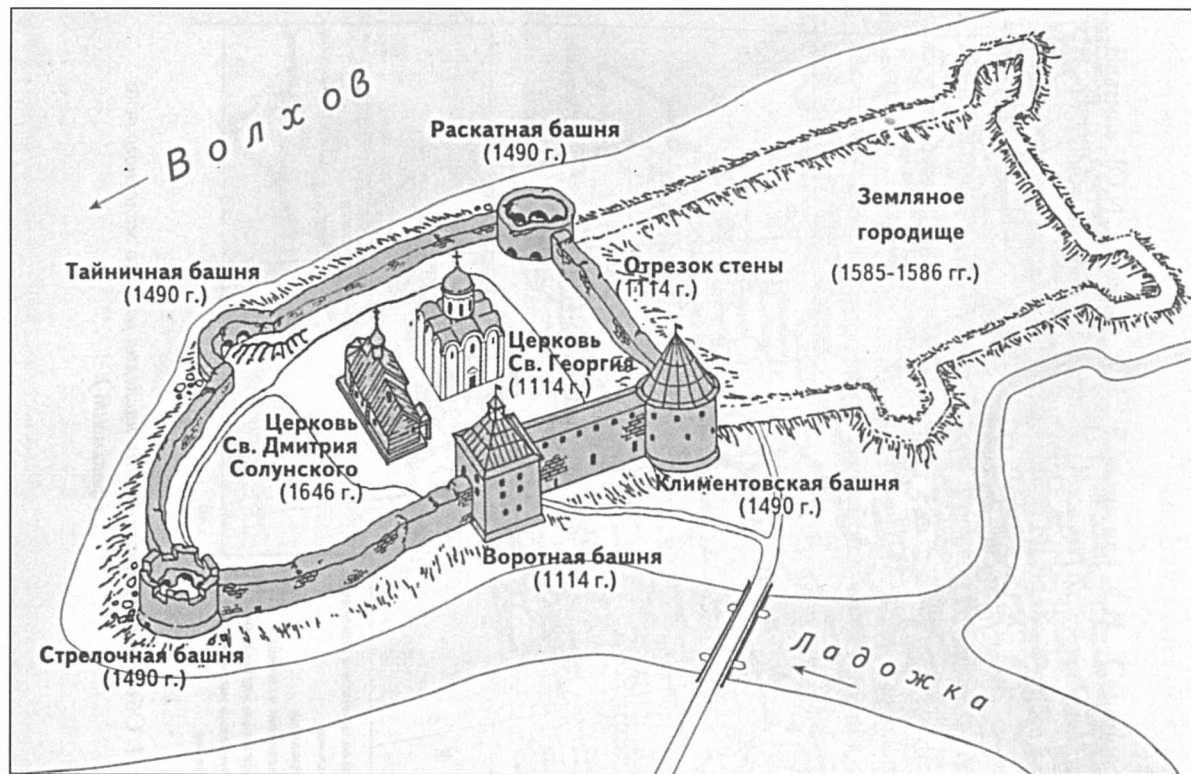

Рис. 2. Центральная часть Историко-архитектурного и археологического музея-заповедника «Старая Ладога»

СПИСОК АВТОРОВ

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Александр Леонтьевич — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

БАРЫШЕВ Илья Борисович — заведующий сектором Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

ВЕДЕНИН Юрий Александрович — доктор географических наук, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

ВОЛКОВ Игорь Викторович — кандидат исторических наук, заведующий сектором Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

ГУСЕВ Сергей Валентинович — кандидат исторических наук, заведующий сектором Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

ЕЛЬЧАНИНОВ Анатолий Иванович — кандидат географических наук, заведующий сектором Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

ЗАГОРУЛЬКО Андрей Владиславович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

ИВАНОВА Ирина Германовна — кандидат архитектуры, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

КАЛУЦКОВ Владимир Николаевич — доктор географических наук, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

КУЛЕШОВА Марина Евгеньевна — кандидат географических наук, заведующий сектором Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

ЛЕОНТЬЕВ Вячеслав Геннадьевич — старший сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

ЛОПАН Оксана Витальевна — научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

МИНЕЕВА Ияна Маратовна — кандидат исторических наук, доцент Башкирского государственного университета.

ОЖЕРЕДОВ Юрий Иванович — кандидат исторических наук, директор Музея археологии и этнографии Сибири имени В.М. Флоринского Томского государственного университета.

ТРОЯНОВСКИЙ Сергей Викторович — кандидат исторических наук, руководитель Центра по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского музея-заповедника.

ЧЕРНОВ Сергей Заремович — доктор исторических наук, заведующий сектором Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

ШТЕЛЕ Ольга Евгеньевна — кандидат географических наук, Учёный секретарь Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

ШУЛЬГИН Павел Матвеевич — кандидат экономических наук, заместитель директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕДЕНИН Ю.А.

- Место археологии в сохранении культурного наследия
России 3

*ГУСЕВ С.В., ЗАГОРУЛЬКО А.В.,
МИНЕЕВА И.М., ОЖЕРЕДОВ Ю.И.*

- Археологические музеи-заповедники в России:
проблемы формирования и функционирования 13

КУЛЕШОВА М.Е.

- Культурный ландшафт и археологическое наследие в их
правовом и онтологическом взаимодействии. 53

*ШУЛЬГИН П.М., ИВАНОВА И.Г., КАЛУЦКОВ В.Н.,
ТРОЯНОВСКИЙ С.В., ШТЕЛЕ О.Е.*

- Рюриково Городище как объект культурного наследия:
историческое значение и концепция использования 74

ЛЕОНТЬЕВ В.Г., ЧЕРНОВ С.Э.

- Программа создания музея-заповедника
«Древний Радонеж» 113

БАРЫШЕВ И.Б.

- Святылища острова Вайгач 142

ВОЛКОВ И.В., ЛОПАН О.В.

- Городище Ангелинский Ерик: основные итоги
исследований 167

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ А.Л., ЕЛЬЧАНИНОВ А.И.

- Археологическое наследие в Национальном атласе
России 198

Список авторов 205

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Информационный сборник

Выпуск № 18

Научный редактор *Павел Матвеевич Шульгин*

Утверждено к печати

Редакционно-издательским советом

Российского научно-исследовательского института

культурного и природного наследия

имени *Д.С. Лихачёва*

Лицензия ЛР № 020730 от 3 марта 1998 г.

Редактор *Ю.С. Макаревич*

Дизайн обложки *Н.П. Лакутина*

ISBN 978-5-86443-178-8

9 785864 143178 8

Формат 60×84 1/16. Гарнитура академическая.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13. Тираж 500 экз.

Заказ № 104. Цена договорная.

Российский научно-исследовательский институт

культурного и природного наследия

имени *Д.С. Лихачёва*

129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»

300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96

E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

